КНУТЪ ГАМСУНЪ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

въ 12 томахъ

при влижайшемъ участіи

К. БАЛЬМОНТА, Ю. БАЛТРУШАЙТИСА и С. ПОЛЯКОВА

T. II.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ. 1909

P 2/82

2542

КНУТЪ ГАМСУНЪ

ГОЛОДЪ

Пер. А. ОСТРОГОРСКОЙ.

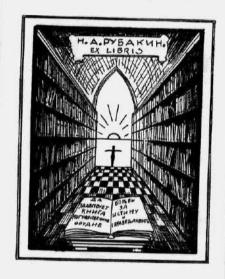
ТОМЪ ВТОРОЙ

69402

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ. 1909

Типографія Министерства Путей Сообщенія (Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К⁰), Фонтанка, 117.

голодъ

Пер. А. ОСТРОГОРСКОЙ

часть первая.

Этобыло вътъ дни, когда я голодалъ, бродя по улицамъ Христіаніи, этого страннаго города, который никого не выпускаетъ изъ своихъ нъдръ, не наложивъ на него своего клейма.

Я лежалъ безъ сна въ своей мансардъ и слышалъ, какъ внизу, подо мною, часы пробили шесть. Было уже довольно свътло, и на лъстницъ уже началось движеніе. Внизу у двери, гдъ стъны моей комнаты были обклеены старыми номерами "Утренней Газеты", я ясно могъ различить извъщеніе смотрителя маяка, а немного лъвъе—крупное, бросающееся въ глаза, объявленіе булочника, Фабіана Ольсена, о свъжихъ булкахъ.

Какъ только я открылъ глаза, я по старой привычкъ сталъ вспоминать, предстоитъ ли мнѣ сегодня что-нибудь, что можетъ мнѣ доставить радость. Въ послѣднее время мнѣ не особенно везло; изъ имущества моего одна вещь за другой перекочевывала въ ломбардъ, я самъ сдѣлался нервнымъ и раздражительнымъ, нѣсколько разъ мнѣ изъ-за головокруженія приходилось оставаться цѣлый день въ постели. Изрѣдка, когда счастье мнѣ улыбалось, мнѣ удавалось заработать пять кронъ за какой нибудь фельетонъ въ той или другой газетѣ.

Свѣтало все больше и больше, и я занялся чтеніемъ объявленій внизу у двери; я могъ уже даже различить тощія, точно оскаленныя буквы объявленія: "Погребальные покровы и саваны у іомфру Андерсенъ, въ воротахъ направо". Это

занимало меня довольно долго, и только, когда внизу пробило восемь. я всталъ и началъ одъваться.

Я открылъ окно и выглянулъ. Съ того мъста, глъ я стояль, мнф была вилна веревка для развфшиванія бфлья и открытое поле: въ отдаленіи нѣсколько рабочихъ убирали кучу мусора, оставшагося отъ сгоръвшей кузницы. Я оперся локтями о подоконникъ и сталъ смотръть въ даль. День объщалъ быть яснымъ. На дворъ стояла ранняя осень. нъжная, прохладная пора, когда все мъняетъ краски и умираетъ. Улицы стали наполняться шумомъ, который манилъ меня изъ комнаты. Эта пустая комната, полъ которой ходилъ вверхъ и внизъ, какъ только я начиналъ двигаться, походила на страшный разваливающійся гробъ: въ ней не было ни порядочнаго замка на двери, ни печки; на ночь я, обыкновенно, оставался въ чулкахъ для того, чтобы они утромъ были суше. Единственное въ этой комнатъ, что доставляло мнъ радость, была маленькая красная качалка, въ которой я сильль по вечерамь, и мечталь, и думаль о самыхъ разнообразныхъ вещахъ. Когда на дворъ дулъ сильный вътеръ и двери внизу были открыты, сквозь полъ и стъны ко мнъ проникали какіе-то странные, стонущіе звуки, а "Утренняя Газета" внизу у двери лопалась и давала трещины шириною съ ладонь.

Я поднялся и принялся изслъдовать содержимое узелка, лежавшаго на полу у кровати, въ надеждъ отыскать что-нибудь съъдобное, но, не найдя ничего, снова вернулся къ окну.

Одному Богу извъстно, думалъ я, удастся ли мнъ когданибудь найти себъ занятіе. Эти въчныя неудачи, полуобъщанія, прямые отказы, обманутыя надежды, новыя попытки, оканчивающіяся всякій разъ ничъмъ, все это лишило меня послъдняго мужества. Въ концъ концовъ, я сталъ искать мъста разсыльнаго; но я явился слишкомъ поздно, да, кромъ того, и не могъ представить необходимаго залога въ пятьдесятъ кронъ. Всякій разъ не то, такъ другое являлось

препятствіємъ. Я попытался также попасть въ пожарную команду. Насъ стояло въ сѣняхъ человѣкъ съ полсотни, мы выпячивали впередъ груди, чтобы произвести впечатлѣніе силы и неустрашимости. Тутъ же ходилъ чиновникъ, разсматривавшій всѣхъ этихъ кандидатовъ; онъ ощупывалъ имъ руки и задавалъ разные вопросы. Мимо меня онъ прошелъ и только покачалъ головой, сказавъ, что я не гожусь, потому что ношу очки. Я явился въ другой разъ, уже безъ очковъ. Я стоялъ, сдвинувъ брови и стараясь сдѣлать свой взглядъ острымъ, какъ ножъ, но человѣкъ этотъ прошелъ мимо меня и улыбнулся—онъ узналъ меня. Хуже всего было то, что мое платье такъ обтрепалось, что я никуда больше не могъ явиться въ достаточно приличномъ видѣ, чтобы просить мѣста.

Съ какой правильностью и равномърностью я опускался все ниже и ниже все это время! Въ концъ концовъ я лишился всего рѣшительно, у меня не было даже гребенки, не было книги, которую можно было бы почитать, когда ужъ слишкомъ становилось грустно на душъ. Въ теченіе всего лѣта я каждый день отправлялся на одно изъ кладбищъ или въ дворцовый паркъ; тамъ я сидълъ и сочинялъ статьи для газеть, исписывая столбець за столбцомъ и наполняя ихъ самымъ разнообразнымъ содержаніемъ, странными выдумками, фантазіями, порожденіями моего безпокойнаго мозга; въ отчаяніи я часто выбиралъ самыя необыкновенныя темы, которыя стоили мнъ большого напряженія и въ концѣ концовъ оказывались негодными. Окончивъ одну статью, я принимался за другую, и отрицательный отвътъ редактора никогда не заставлялъ меня падать духомъ; я всякій разъ говорилъ себъ, что когда-нибудь да улыбнется же мнъ счастье. И въ самомъ дълъ, иногда, когда мнъ везло и статья удавалась мнъ, работа одного дня приносила миъ пять кронъ.

Я снова отошелъ отъ окна, подошелъ къ умывальнику

и побрызгалъ водой свои поснящіеся на колѣняхъ брюки для того, чтобы они казались чернѣе и новѣе. Сдѣлавъ это, я, по обыкновенію, сунулъ въ карманъ бумагу и карандашъ и вышелъ. Я старался какъ можно тише спускаться съ лѣстницы, чтобы не привлечь на себя вниманія хозяйки; срокъ моей квартиры кончился еще нѣсколько дней тому назадъ, и мнѣ совершенно нечѣмъ было заплатить ей.

Было девять часовъ. Въ воздухъ стоялъ шумъ голосовъ и стукъ колесъ, перемѣшиваясь съ шарканьемъ ногъ по тротуарамъ и щелканьемъ бичей и образуя грандіозную утреннюю симфонію. Это шумное движеніе кругомъ быстро оживило меня, и сердце мое стало наполняться радостью. Выходя изъ дому, я былъ далекъ отъ самой мысли объ утренней прогулкъ на свъжемъ воздухъ. Какое дъло было моимъ легкимъ до воздуха? Я былъ силенъ, какъ великанъ, и могъ бы однимъ движеніямъ плеча сдвинуть съ мъста тяжелый возъ. Нѣжное, странное настроеніе, ощущеніе свѣтлой, радостной беззаботности овладело мною. Я всматривался въ лица попадавшихся мнѣ навстрѣчу людей, читалъ объявленія на стінахъ, схватываль брошенный мні съ проъзжавшей мимо конки взглядъ, отдавался всъмъ мельчайшимъ впечатлъніямъ, встръчавшимся мнъ по пути и сейчасъ же исчезавшимъ.

Если бы только было что повсть въ такой чудный день! Это лучезарное утро совершенно опьянило меня, необузданная веселость охватила меня вдругъ, и я сталъ тихонько напъвать безо всякаго видимаго повода, просто отъ радости. У мясной лавки стояла женщина съ корзиной въ рукъ и покупала сосиски къ объду; когда я проходилъ мимо нея, она посмотръла на меня. У нея былъ спереди только одинъ зубъ. Въ томъ состояніи нервности и повышенной впечатлительности, въ какомъ я находился послъдніе дни, видъ этой женщины сразу произвелъ на меня отталкивающее впечатлъніе; длинный, желтый зубъ ея похо-

дилъ на крохотный палецъ, выступавшій изъ челюсти, а во взглядѣ ея, устремленномъ на меня, еще, казалось, отражались сосиски. Я сразу потерялъ аппетитъ и почувствовалъ тошноту. Придя на базарную площадь, я посиѣшилъ къ фонтану и выпилъ воды; я поднялъ голову—часы на башнѣ церкви Спасителя показывали десять.

Я продолжалъ бродить по улицамъ, ходилъ, ни о чемъ не думая, останавливался на углахъ безо всякой надобности, сворачивалъ въ боковыя улицы неизвъстно для чего; въ это ясное утро я безпрепятственно отдавался своему настроенію, беззаботно толкаясь среди прочихъ счастливыхъ пюдей; воздухъ былъ прозраченъ и чистъ, и на душъ у меня не было ни малъйшей тъни.

Вотъ ужъ цѣлыхъ десять минутъ передо мной идетъ. ковыляя, хромой старикъ. Въ одной рукъ у него узелъ, на ходу все его тъло приходитъ въ движеніе и, чтобы подвигаться впередъ, ему приходится дълать невъроятныя усилія. Я слышу, какъ онъ пыхтитъ отъ напряженія, и мнѣ приходить въ голову, что я могъ бы понести его узелъ; но я не дѣлаю ни малѣйшей попытки догнать его. У "Границы" я встрѣчаю Ганса Паули; онъ кланяется и поспѣшно прокодитъ мимо. Отчего такая поспъшность? У меня отнюдь не было намъренія попросить у него крону, и я въ самомъ близкомъ будущемъ отошлю ему обратно одъяло, которое одолжилъ у него нъсколько недъль тому назадъ. Какъ только дъла мои немного поправятся, я, конечно, постараюсь не одолжаться никому, хотя бы только и одъяломъ; можетъ быть, мнъ еще сегодня удастся начать статью о "Преступленіяхъ будущаго", или о "Свободъ воли", или о чемъ-нибудь другомъ, статью на какую-нибудь интересную тему, за которую я получу, по крайней мъръ, пять кронъ... И при мысли объ этой стать я вдругъ почувствовалъ неукротимое стремленіе сейчасъ же приняться за дъло и, не теряя времени, начать черпать изъ полнаго источника вдохновенія;

надо только найти подходящее мѣстечко въ дворцовомъ паркѣ, и тогда я не встану съ мѣста, пока статья не будетъ готова.

Но старый калъка все еще продолжалъ ковылять впереди меня. Въ концъ концовъ меня стало раздражать то, что это уродливое существо все время торчитъ у меня передъ глазами. Казалось, путешествію его никогда конца не будеть: можетъ быть, онъ идетъ туда же, куда и я, и мнъ всю дорогу придется видъть его передъ собою. Въ раздражении мнъ стало казаться, что онъ на каждомъ перекрестит слегка замедлялъ шагъ, какъ бы выжидая, куда я поверну; послъ чего онъ снова взмахивалъ въ воздухъ своимъ узломъ и принимался трудиться изо всъхъ силъ, чтобы не дать мнъ обогнать себя. Глядя на это искалъченное существо, я все болъе и болъе проникался озлобленіемъ противъ него; я чувствовалъ, какъ онъ мало-по-малу убиваетъ во мнѣ мое ясное настроеніе и словно заражаетъ чистое, прекрасное утро своимъ собственнымъ безобразіемъ. Онъ походилъ на огромное ковыляющее насъкомое, стремившееся во что бы то ни стало добраться до опредъленнаго мъста на землъ и занять для себя одного весь тротуаръ. Когда мы дошли до вершины холма, я ръшилъ положить этому конецъ и остановился у витрины магазина для того, чтобы дать ему возможность уйти впередъ. Когда я черезъ нъсколько минутъ сталъ продолжать свой путь, я снова увидалъ передъ собой этого человѣка: онъ тоже простоялъ эти нѣсколько минутъ на мъстъ. Не долго думая, я сдълалъ три-четыре бъщеныхъ прыжка впередъ, догналъ его и хлопнулъ по плечу.

Онъ моментально остановился. Мы оба стояли, вытаращивъ другъ на друга глаза.

Подайте шиллингъ на молоко!
 —проговорилъ онъ,
наконецъ, склонивъ голову на бокъ.

Вотъ такъ-такъ! Это недурно! Шаря въ карманахъ, я сказалъ:

- На молоко. Такъ. Гмъ! Деньги нынче дороги, и я не знаю, насколько вы, дъйствительно, нуждаетесь.
- Я ничего не ѣлъ со вчерашняго дня, сказалъ онъ; у меня нѣтъ ни одного эре, и до сихъ поръ мнѣ не удалось получить никакой работы.
 - Вы ремесленникъ?
 - Да, я игольщикъ.
 - Что?
 - Игольщикъ. Впрочемъ, я могу также шить сапоги.
- Это мѣняетъ дѣло, —сказалъ я. —Если вы подождете здѣсь нѣсколько минутъ, я достану вамъ немного денегъ, нѣсколько эре.

Я съ величайшей поспѣшностью отправился внизъ по Пилестрэде къ дому, во второмъ этажѣ котораго, я зналъ, жилъ ростовщикъ; самъ я, впрочемъ, никогда раньше у него не былъ. Войдя въ ворота, я поспѣшно снялъ съ себя жилетъ, свернулъ его и сунулъ подъ мышку; затѣмъ я поднялся по лѣстницѣ и постучался. Поздоровавшись, я швырнулъ жилетъ па прилавокъ.

- Полторы кроны, —сказалъ человѣкъ.
- Хорошо, благодарю, отвътилъ я. Если бы не то, что онъ сталъ мнъ немного узокъ, я бы, конечно, ни за что не разстался съ нимъ.

Я взялъ деньги и квитанцію и отправился обратно. Въ сущности, это была замѣчательная идея —снести жилетъ къ ростовщику; у меня еще хватитъ денегъ на обильный завтракъ, а до вечера будетъ готова моя статья о преступленіяхъ будущности. Жизнь сразу представилась мнѣ въ болѣе розовомъ свѣтѣ, и я поспѣшилъ къ калѣкѣ, чтобы поскорѣе отдѣлаться отъ него.

— Вотъ, пожалуйста! — сказалъ я ему. — Я очень радъ, что вы обратились ко мнъ первому.

Человъкъ взялъ деньги и уставился на меня глазами. Чего онъ стоитъ и таращитъ на меня глаза? У меня было такое впечатлѣніе, будто онъ съ особеннымъ вниманіемъ разглядываетъ мои брюки на колѣняхъ, и мнѣ надоѣло его нахальство. Этотъ бездѣльникъ, повидимому, думаетъ, что я, дѣйствительно, такъ бѣденъ, какъ кажусь? Развѣ у меня почти что не начата статья, за которую я получу десять кронъ? Вообще, будущаго мнѣ нечего опасаться, у меня много выходовъ. Такъ какое дѣло совершенно чужому человѣку, что мнѣ въ такое прекрасное утро вздумалось выбросить шиллингъ на чай? Взглядъ этого человѣка раздражалъ меня, и я рѣшилъ проучить его раньше, чѣмъ пойду дальше. Я хлопнулъ его по плечу и сказалъ:

— Любезнъйшій, у васъ отвратительная манера смотръть людямъ на колъни, когда вамъ даютъ крону.

Онъ совершенно откинулъ голову къ стѣнѣ и открылъ ротъ. Въ его жалкомъ мозгу нищаго, очевидно, происходила работа, онъ навѣрное думалъ, что я хочу такъ или иначе подшутить надъ нимъ, и протянулъ мнѣ деньги обратно.

Я топнулъ ногой и съ проклятіемъ заявилъ ему, чтобы онъ оставилъ ихъ у себя. Неужели онъ думаетъ, что я напрасно сталъ бы затъвать всю эту возню? Коли на то пошло, я ему, можетъ быть, долженъ эту крону, я, быть можетъ, вспомнилъ старый долгъ, пусть онъ замътитъ себъ, что имъетъ дъло съ порядочнымъ человъкомъ, честнымъ до кончика ногтей. Однимъ словомъ, деньги принадлежатъ ему... Пожалуйста, не стоитъ благодарности, для меня это лишь удовольствіе. Прощайте.

Я ушелъ. Наконецъ-то я избавился отъ ненавистнаго калѣки, теперь мнѣ ничто больше не будетъ мѣшать. Я снова повернулъ по направленію къ Пилестрэде и остановился у лавки съѣстныхъ припасовъ. Въ витринѣ было разложено много всякой ѣды, и я рѣшилъ зайти и купить себѣ чегонибудь на дорогу.

 Кусокъ сыра и французскую булку, — сказалъ я, бросая на прилавокъ свою полъ-кроны. Сыру и хлѣба на всѣ деньги?—иронически спросила женщина, не глядя на меня.

 На всѣ пятьдесятъ эре, да, — отвѣтилъ я невозмутимо. Получивъ требуемое, я чрезвычайно въжливо простился съ старой, толстой торговкой и сейчасъ же поднялся по дворцовому холму въ паркъ. Тамъ я отыскалъ себъ скамью въ уединенномъ мъстъ и съ жадностью принялся за ъду. О, что это было за наслажденіе! Давно уже у меня не было такого обильнаго завтрака; я чувствовалъ, какъ мало-помалу мной овладъваетъ тотъ сытый покой, какой наступаетъ у человъка послъ долгихъ рыданій. Мужество мое быстро росло: мнф уже казалось недостаточнымъ написать статью на такую простую и незамысловатую тему, какъ преступленія будущаго, о которыхъ къ тому же всякій можетъ самъ догадаться, да наконецъ, просто вычитать изъ исторіи; я чувствовалъ себя способнымъ къ большему напряженію, мое настроеніе требовало трудностей, которыя надо было бы преодольть, и я остановился на стать въ три главы о философскомъ познаніи. Конечно, я при этомъ найду поводъ разбить въ пухъ и прахъ нѣкоторые изъ софизмовъ Канта... Но когда я хотълъ достать свои письменныя принадлежности и приняться за работу, то оказалось, что у меня нътъ карандаша; я оставилъ его въ закладъ, онъ лежалъ въ карманъ жилета.

Отецъ Небесный, какъ мнѣ, однако, не везетъ! Кляня на чемъ свѣтъ стоитъ, я поднялся со скамьи и сталъ ходить взадъ и впередъ по дорожкамъ. Въ паркѣ была тишина; вдали, у павильона королевы, нѣсколько нянекъ катало взадъ и впередъ дѣтскія коляски, но, кромѣ нихъ, ни души не было видно кругомъ. Я былъ изрядно озлобленъ и, какъ сумасшедшій, бѣгалъ взадъ и впередъ мимо своей скамьи. Какъ, однако, все у меня шло вкривь и вкось! Статья въ три главы должна погибнуть изъ-за того нелѣпаго обстоятельства, что у меня нѣтъ въ карманѣ карандаша за десять эре. А что, если

пойти обратно на Пилестрэде и вернуть себъ карандашъ? Я еще успѣю написать не мало раньше, чѣмъ паркъ наполнится гуляющими. Въдь столько зависъло отъ этой статьи о философскомъ познаніи, можетъ быть, счастье множества людей, какъ знать. Я говорилъ себъ, что она послужила бы, можетъ быть, не одному молодому человъку значительной поддержкой. Если обсудить дъло хорошенько, то, пожалуй, лучше не трогать Канта; я могу въдь избъжать этого, достаточно будеть для этого сдълать еле замътное уклонение въ сторону, когда я дойду до вопроса о времени и пространствъ; но за Ренана ужъя не поручусь, за стараго попа Ренана... Какъ бы то ни было, надо приготовить статью въ столько-то и столько-то столбцовъ; воспоминаніе о неоплаченной комнатъ, о долгомъ взглядъ, которымъ по утрамъ провожала меня хозяйка, встръчая меня на лъстницъ, мучило меня цълый день и вставало предо мною даже въ самыя радостныя минуты, когда ни одной мрачной мысли не было у меня въ головъ. Этому надо положить конецъ. Я быстро направился къ выходу изъ парка, чтобы достать у ростовщика свой карандашъ.

Спустившись съ дворцоваго холма, я обогналъ двухъ дамъ. Проходя мимо нихъ, я слегка задѣлъ одну изъ нихъ; я поднялъ голову и взглянулъ на нее. У нея было полное, немного блѣдное лицо. Вдругъ она краснѣетъ и становится удивительно красивой; я не знаю, отчего она покраснѣла, можетъ быть, отъ какого-нибудь пойманнаго на лету слова, можетъ быть, отъ собственной мысли, мелькнувшей въ головѣ! Или это отъ того, что я коснулся ея рукава? Высокая грудь ея нѣсколько разъ взволнованно подымается и руки крѣпко сжимаютъ ручку зонтика. Что съ ней такое?

Я остановился и снова пропустиль ее впередь; въ эту минуту я не могъ итти дальше, все это казалось мнв такимъ страннымъ. Я находился въ раздраженномъ состояніи, былъ золъ на самого себя за приключеніе съ карандашомъ и въ высшей степени возбужденъ слишкомъ большимъ количе-

ствомъ пищи, которую я проглотилъ на пустой желудокъ. Вдругъ мысль моя, по какому-то необъяснимому капризу, принимаетъ странное направленіе, я чувствую, какъ меня охватываетъ странное желаніе напугать эту даму, послѣдовать за ней и сдѣлать ей какую-нибудь непріятность. Я снова обгоняю ее, потомъ внезапно поворачиваю и останавливаюсь прямо передъ ней, лицомъ къ лицу, чтобы разсмотрѣть ее, какъ слѣдуетъ. Я стою и смотрю ей прямо въ глаза, и въ мозгу моемъ вдругъ проносится имя, котораго я никогда раньше не слыхалъ, имя, звучащее какимъ-то скользящимъ, нервнымъ звукомъ: Илаяли. Когда она подходитъ ко мнѣ совсѣмъ близко, я выпрямляюсь и говорю значительно:

— Вы теряете книгу, фрэкенъ.

Я слышалъ, какъ сердце колотилось въ груди у меня при этихъ словахъ.

 Книгу? — спрашиваетъ она свою спутницу и идетъ дальше.

Моя злоба все росла, и я пошелъ слѣдомъ за дамами. Я въ эту минуту ясно сознавалъ, что совершаю безумства, но ничего не могъ съ собой подѣлатъ; мое возбужденное состояніе совершенно покорило мою волю и внушало мнѣ самыя безумныя фантазіи, которыя я и приводилъ въ исполненіе одну за другой. Напрасно я говорилъ самому себѣ, что я веду себя по-идіотски,—я продолжалъ за спиной дамы строить ей глупѣйшія гримасы и нѣсколько разъ, проходя мимо нея, принимался отчаянно кашлять. Медленно идя дальше, на нѣсколько шаговъ впереди нея, я чувствовалъ ея взглядъ у себя за спиной, и я невольно съежился отъ стыда при мысли о томъ, какъ я себя велъ. Мало-по-малу мною овладѣло странное чувство, будто я нахожусь далеко-далеко, гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, у меня было неясное ощущеніе, что это не я иду по каменнымъ плитамъ, ежась отъ стыда.

Нъсколько минутъ спустя, дама поровнялась съ книжнымъ магазиномъ Паши. Я еще раньше остановился у первой витрины, и, когда она приближается, я дълаю шагъ впередъ и говорю:

- Вы теряете книгу, фрэкенъ.
- Да какую книгу? говоритъ она испуганно. Ты понимаешь, о какой книгъ онъ говоритъ?

И она останавливается. Я самымъ жестокимъ образомъ наслаждаюсь ея смущеніемъ, ея безпомощный взглядъ приводитъ меня въ восхищеніе. Мысль ея не можетъ уловить смысла моихъ словъ; у нея нътъ никакой книги съ собою, ни одного листочка, но она все-таки начинаетъ шаритъ по карманамъ, нъсколько разъ оглядываетъ свои руки, поворачиваетъ голову и осматриваетъ панель позади себя, напрягаетъ свой маленькій, нъжный мозгъ до крайней степени, стараясь понять, о какой книгъ я говорю. Лицо ея краснъетъ и блъднъетъ, принимаетъ то одно, то другое выраженіе, дыханіе становится неспокойнымъ; даже пуговицы ея платья уставились на меня, словно рядъ испуганныхъ глазъ.

— Не обращай на него вниманія, —говорить ея спутница и береть ее за руку, —въдь онъ пьянъ; развъ ты не видишь, что человъкъ этотъ пьянъ?

Какъ я въ эту минуту ни казался чуждымъ самому себѣ, находясь всецѣло во власти какихъ-то странныхъ, неэримыхъ силъ, тѣмъ не менѣе ничто изъ того, что происходило кругомъ, не оставалось незамѣченнымъ мною. Большая рыжая собака перебѣжала черезъ улицу; на ней былъ узенькій ошейникъ изъ накладного серебра. Немного дальше открывается во второмъ этажѣ окно, изъ него высовывается дѣвушка съ засученными рукавами и принимается чистить стекла снаружи. Ничто не ускользаетъ отъ моего вниманія, сознаніе мое совершенно ясно, и я воспринимаю всѣ впечатлѣнія съ такой необыкновенной отчетливостью, какъ если бы все вокругъ меня вдругъ освѣтилось яркимъ свѣтомъ. У обѣихъ дамъ впереди меня были голубыя птичьи перья на шляпахъ и шотландскія шелковыя ленты на шеяхъ. Я подумалъ, что это сестры.

Онѣ свернули въ сторону и, остановившись передъ музыкальнымъ магазиномъ Цислера, стали разговаривать. Я тоже остановился. Затѣмъ онѣ вернулись, пошли тѣмъ же путемъ, какимъ пришли, снова прошли мимо меня, повернули за уголъ Университетской улицы и направились прямо къ площади св. Олафа. Я все время, насколько возможно, слѣдовалъ за ними по пятамъ. Одинъ разъ онѣ обернулись и посмотрѣли на меня полуиспуганнымъ, полулюбопытнымъ взглядомъ, но лица ихъ не выражали ни гнѣва, ни недовольства. Это терпѣніе, съ какимъ онѣ относились къ моимъ преслѣдованіямъ, заставило меня устыдиться, и я опустилъ глаза. Я рѣшилъ, что больше не стану имъ надоѣдать и только изъ благодарности буду провожать ихъ взглядомъ, не выпускать ихъ изъ виду, покуда онѣ не зайдутъ куданибудь и не исчезнутъ изъ глазъ.

У подъезда второго номера, большого четырехъэтажнаго дома, онъ остановились и еще разъ оглянулись, послъ чего вошли въ домъ. Я прислонился къ газовому фонарю у фонтана и сталъ прислушиваться къ ихъ шагамъ на лъстницъ; они замерли во второмъ этажъ. Я отошелъ отъ фонаря и поднялъ голову. Тутъ произошло нъчто странное. Занавъсы наверху заколебались, минуту спустя открылось окно, изъ него высунулась голова и на меня устремился своеобразный взглядъ двухъ глазъ. Илаяли! проговорилъ я вполголоса, чувствуя, какъ краснъю. Почему она не зоветъ на помощь? Почему она не хватаетъ цвъточнаго горшка и не сбрасываетъ его мнъ на голову? или не посылаетъ кого-нибудь, чтобы прогнать меня? Мы стоимъ и, не двигаясь, смотримъ другъ другу въ глаза; это продолжается съ минуту; мысли летятъ между окномъ и улицей, но ни одно слово при этомъ не произносится. Она поворачивается, я вздрагиваю; словно какой-то толчокъ пробъгаетъ по моимъ нервамъ; я вижу поворачивающееся плечо, спину, исчезающую въ глубинъ комнаты. Это медленное удаленіе отъ окна, особенная выразительность въ движеніи плеча произвели на меня впечатитьніе привъта, предназначавшагося мнъ; кровь моя почувствовала этотъ тонкій привътъ, и на душъ у меня вдругъ стало удивительно радостно. Я повернулся и пошелъ внизъ по улицъ.

Я не рѣшался обернуться и посмотрѣть, подошла ли она снова къ окну; мысль объ этомъ приводила меня въ безпокойное и нервное состояніе. Вѣроятно, она въ эту минуту стоитъ и внимательно слъдитъ за всъми моими движеніями. Это сознаніе, что тебя такимъ образомъ наблюдаютъ сзади, было совершенно невыносимо. Я взялъ себя въ руки, насколько могъ, и продолжалъ итти; ноги мои начинали дрожать и походка стала неровной, именно вслъдствіе моихъ усилій сділать ее какъ можно красивіте. Чтобы казаться спокойнымъ и равнодушнымъ, я самымъ безсмысленнымъ образомъ размахивалъ руками, плевалъ на тротуаръ и вертѣлъ во всѣ стороны головой; но ничего не помогало. Я все время чувствовалъ у себя за спиной слъдящіе за мною глаза, и холодная дрожь пробъгала по моему тълу. Наконецъ, я свернулъ въ боковую улицу и уже оттуда направился къ Пилестрэде за своимъ карандашомъ.

Я получиль его обратно безъ всякаго труда. Ростовщикъ самъ вынесъ мнѣ жилетъ и попросилъ за-одно ужъ осмотрѣть всѣ карманы; я нашелъ въ нихъ нѣсколько ломбардныхъ квитанцій, которыя и сунулъ къ себѣ, поблагодаривъ любезнаго ростовщика за его предупредительность. Этотъ человѣкъ все больше и больше нравился мнѣ, и мнѣ вдругъ показалось чрезвычайно важнымъ произвести на него хорошее впечатлѣніе. Я сдѣлалъ шагъ къ двери, но сейчасъ же вернулся къ прилавку, какъ бы забывъ что-то; мнѣ казалось, что я долженъ дать ему нѣкоторое объясненіе, и, чтобы обратить на себя его вниманіе, я сталъ тихонько напѣвать. Затѣмъ, я вынулъ карандашъ и поднялъ его кверху.

— Мнъ, конечно, и въ голову не пришло бы, —сказалъ я, —

пройти такой длинный путь ради какого-нибудь обыкновеннаго карандаша, но съ этимъ карандашомъ дѣло обстоитъ иначе, тутъ совершенно особыя обстоятельства. Какъ ни ничтоженъ съ виду этотъ обломокъ карандаша, но онъ прямо-таки сдѣлалъ меня тѣмъ, что я есть, опредѣлилъ мнѣ, такъ сказать, мое мѣсто въ жизни...

Я замолчалъ. Человъкъ подошелъ къ самому прилавку.

- Вотъ какъ? спросилъ онъ, глядя на меня съ любспытствомъ.
- Этимъ карандашомъ, продолжалъ я хладнокровно, я написалъ свое сочинение о философскомъ познании въ трехъ томахъ. Онъ, можетъ быть, слыхалъ о немъ?

Да, онъ, должно быть, слыхалъ объ этой книгъ, заглавіе ему знакомо.

— Да, — сказалъ я, — это мое сочиненіе. Теперь онъ, конечно, не удивляется, что мнѣ захотѣлось получить обратно этотъ обломокъ карандаша; онъ мнѣ слишкомъ дорогъ, почти, какъ живое существо. Впрочемъ, я ему искренно благодаренъ за его любезность, я ея не забуду, — да, да, я въ самомъ дѣлѣ не забуду ея; если я говорю, что не забуду, то это такъ и будетъ, такое ужъ у меня правило, да онъ и вполнѣ заслужилъ этого. Прощайте.

Я направился къ двери съ такимъ видомъ, словно мнѣ при желаніи ничего не стоитъ создать любому человѣку высокое положеніе. Простодушный ростовщикъ два раза по-клонился мнѣ, когда я уходилъ, и я, повернувшись къ нему, еще разъ пожелалъ ему всего хорошаго.

На пъстницъ я столкнулся съ женщиной, державшей въ рукакъ большой узелъ. Она робко прижалась къ стънъ, чтобы пропустить меня, и я невольно сталъ шарить въ карманъ, чтобы дать ей что-нибудь; но, не найдя ничего, я сразу пришелъ въ дурное настроеніе и, опустивъ голову, съ смущеннымъ видомъ прошелъ мимо. Немного спустя я услыхалъ, что и она постучалась къ ростовщику; дверь была

снабжена проволочной ръшеткой, которая дребезжала всякій разъ, когда въ дверь стучались.

Солнце стояло въ зенитъ, было около двънадцати часовъ. Улицы все болъе оживлялись, приближался часъ прогулки, и по улицъ Карла-Іоанна непрерывной волной двигались раскланивающіеся и улыбающіеся люди. Прижавъ къ себъ локти, я старался незамътно проскользнуть мимо нъсколькихъ знакомыхъ, которые расположились на углу университета, наблюдая прохожихъ. Подымаясь по дворцовому холму, я отдался своимъ мыслямъ.

Всъ эти люди, попадавшіеся мнъ на встръчу, какъ легко и весело они шли, радостно покачивая головами и скользя по жизненному пути, точно по паркету бальной залы! Ни въ чьихъ глазахъ не отражалось печали, ничьи плечи, я видълъ это, не гнулись подъ бременемъ заботъ или горя, всѣ эти радостныя души не несли въ себъ, быть можетъ, ни одной мрачной мысли, ни одного скрытаго страданія. И тутъ же, бокъ-о-бокъ съ этими людьми, иду я, молодой, едва расцвътшій, —а между тъмъ, какъ давно я успълъ забыть, что такое счастье! Я все снова и снова возвращался къ этой мысли и пришелъ къ выводу, что мнѣ была оказана жестокая несправедливость. Почему судьба въ теченіе послівднихъ мъсяцевъ такъ жестоко обходилась со мной? Я потерялъ свою жизнерадостность и не узнавалъ самого себя, и со всъхъ сторонъ меня подстерегали самыя удивительныя мученія. Я не могъ усъсться одинъ на скамъъ или двинуться куда-нибудь, чтобы на меня не обрушивалась куча маленькихъ, незначительныхъ случайностей, жалкихъ мелочей, которыя завладъвали всъми моими представленіями и высасывали мои силы. Собака, пробъгавшая мимо меня, желтая роза въ петличкъ молодого человъка могли заставить вибрировать мои мысли и занять мое вниманіе на долгое время. Что же со мной такое? Или перстъ Господа остановился на мнъ? Но почему именно на мнъ? Почему не на какомъ-нибудь

человъкъ въ южной Америкъ хотя бы? Чъмъ больше я объ этомъ думалъ, тъмъ непонятнъе мнъ становилось, почему именно я долженъ былъ явиться пробнымъ камнемъ для капризовъ Провидънія. Довольно-таки странно — миновать весь міръ для того, чтобы остановиться какъ разъ на мнъ; въдь существуютъ же еще, кромъ меня, и владълецъ антикварной книжной торговли, Паша, и пароходный экспедиторъ, Геннехенъ.

Мысли эти безостановочно вертѣлись въ мозгу моемъ, и я не могъ отъ нихъ избавиться; я находилъ самыя вѣскія возраженія противъ произвола Господа, дѣлавшаго меня козломъ отпущенія за всѣхъ. Даже послѣ того, какъ я нашелъ себѣ скамью и усѣлся на ней, вопросъ этотъ все еще занималъ меня и мѣшалъ мнѣ думать о другихъ вещахъ. Съ того майскаго дня, когда начались мои бѣдствія, я ясно замѣчалъ въ себѣ все увеличивавшуюся слабость, у меня какъ будто не хватало больше силъ направлять свою волю такъ, какъ я хотѣлъ; цѣлый рой крохотныхъ ядовитыхъ насѣкомыхъ наполнилъ мое внутреннее я, выдалбливая и опустошая его. А что, если Господь Богъ возымѣлъ намѣреніе совершенно уничтожить меня? Я поднялся и сталъ ходить взадъ и впередъ передъ своєй скамьей.

Все мое существо въ эту минуту находилось съ состояніи мучительнаго страданія; у меня даже появилась боль въ рукахъ, и я едва могъ держать ихъ въ обычномъ положеніи. Отъ моего послъдняго, слишкомъ плотнаго завтрака мнъ тоже было не по себъ, желудокъ мой былъ переполненъ, я былъ возбужденъ и ходилъ взадъ и впередъ, не подымая глазъ; люди двигались вокругъ меня, словно въ туманъ, я ихъ не замъчалъ. Въ концъ концовъ скамью мою заняли два господина; закуривъ сигары, они усълись и принялись громко разговаривать. Я пришелъ въ ярость и собирался уже отпустить какое-нибудь замъчаніе по ихъ адресу, но одумался и, повернувъ, ушелъ въ противоположный конецъ парка. Тамъ я нашелъ себъ новую скамью и сълъ.

Мысли о Богѣ снова завладѣли моимъ мозгомъ. Я находилъ, что въ высшей степени непростительно было съ его стороны вмѣшиваться всякій разъ, когда я искалъ какогонибудь занятія, и портить мнѣ все, хотя я просилъ вѣдь только хлѣба насущнаго. Я замѣтилъ, что, когда мнѣ долгое время подрядъ приходилось голодать, мозгъ мой словно испарялся незамѣтно изъ головы, оставляя ее пустой. Голова моя становилась легкой и какъ бы отсутствующей, я не чувствовалъ больше ея тяжести на плечахъ, и мнѣ казалось, что на всѣхъ и на все я смотрѣлъ широко вытаращенными глазами.

Я сидѣлъ на скамъѣ и размышлялъ обо всемъ этомъ, и сердце мое все больше озлоблялось противъ Бога за всѣ тѣ испытанія, которыя Онъ непрерывно посылалъ мнѣ. Если Онъ думаетъ привлечь меня къ себѣ и сдѣлать меня лучшимъ, мучая меня безконечно и ставя мнѣ препятствіе за препятствіемъ на пути моемъ, то Онъ очень ошибается, могу Его увѣрить! И чуть не плача отъ упрямства и озлобленія, я поднялъ голову къ небу и въ глубинѣ души своей повторилъ это Господу Богу разъ навсегда.

Обрывки того, что я училъ въ дѣтствѣ, пришли мнѣ на память, библейскій тонъ зазвучаль въ ушахъ моихъ, и я принялся кротко разговаривать самъ съ собою, насмѣшливо склонивъ голову на бокъ. Для чего мнѣ заботиться о томъ, что мнѣ ѣсть, что пить и чѣмъ покрыть жалкій мѣшокъ, называемый моей земной оболочкой? Не позаботился развѣ обо мнѣ Отецъ Небесный, какъ Онъ заботится о пташкахъ лѣсныхъ, и не оказалъ мнѣ милости, остановивъ перстъ Свой на смиренномъ рабѣ Своемъ? Господь коснулся Своимъ перстомъ моихъ нервовъ и мягко, едва замѣтно, спуталъ ихъ волокна. И Господь отвелъ Свой перстъ, и волокна и жилки остались на перстѣ Его отъ моихъ нервовъ, и отъ перста Его, отъ перста Господня осталось открытое отверстіе и рана въ мозгу моемъ. И коснувшись меня перстомъ

Своимъ, Господь послѣ этого оставилъ меня и больше меня не трогалъ и не дѣлалъ мнѣ зла, но отпустилъ меня съ миромъ и отпустилъ меня съ зіяющей раной. И не будетъ мнѣ зла никакого отъ Господа, Который есть Отецъ нашъ Небесный во вѣки вѣковъ...

Изъ студенческой рощи вътеръ донесъ до меня звуки музыки; былъ, слъдовательно, уже третій часъ. Я сталъ доставать изъ кармана бумагу, чтобы попробовать написать коть что-нибудь; при этомъ у меня выпала абонементная книжка изъ парикмахерской. Я раскрылъ ее и сталъ считать билеты, ихъ оставалось еще шесть. Слава Богу! проговорилъ я невольно; въ теченіе нѣсколькихъ недѣль я могу еще бриться и выглядѣть прилично. Видъ этой маленькой собственности, которой я еще владѣлъ, сразу привелъ меня въ лучшее настроеніе; я тщательно разгладилъ билеты и спряталъ книжку въ карманъ.

Но работа у меня не клеилась. Написавъ нѣсколько строкъ, я больще ничего не могъ придумать; мысли мои были разсъяны, и я не могъ заставить себя сосредоточить ихъ на одномъ предметъ. Все, что я видълъ вокругъ себя, производило на меня впечатлѣніе и развлекало меня, каждая мелочь оказывала свое дъйствіе. Мухи и крохотныя мошки садились на бумагу и мъшали мнъ; я началъ дуть на нихъ, чтобы прогнать ихъ, дулъ все сильнъе и сильнъе, но безъ всякаго результата. Крохотныя созданьица упираются на заднія лапки всей своей тяжестью и сопротивляются изо всъхъ силъ такъ, что ихъ тоненькія ножки дрожатъ и гнутся. Нътъ никакой возможности сдвинуть ихъ съ мъста. Они находятъ что-нибудь, за что уцепиться, впиваются лапками въ какую-нибудь запятую или шероховатость на бумагь и стоятъ на мъстъ непоколебимо, покуда сами не сочтутъ своевременнымъ удалиться.

Эти маленькія существа занимали меня нѣкоторое время; заложивъ ногу за ногу, я спокойно наблюдалъ за ними,

Вдругъ до меня донеслись изъ рощи ръзкіе звуки кларнета и дали моимъ мыслямъ новый толчокъ. Не въ духъ отъ того, что я не могъ написать свою статью, я снова спряталъ бумагу въ карманъ и откинулся на спинку скамьи. Въ эту минуту голова моя такъ ясна, что я могу думать о чемъ угодно, не чувствуя утомленія. Лежа въ такой позѣ и скользя взглядомъ по собственной груди и ногамъ, я замѣчаю вздрагивающія движенія моей ноги при каждомъ ударъ пульса. Я слегка приподымаюсь и смотрю на свои ноги, и вдругъ я проникаюсь фантастическимъ и страннымъ ощущеніемъ, какого я никогда раньше не испытывалъ; нѣжная, странная дрожь проходить по моимъ нервамъ, словно ихъ пронизалъ потокъ свъта. Я смотрю на свои сапоги, и у меня является ощущеніе, будто я встрѣтилъ стараго знакомаго или вновь нашелъ какую-то отдълившуюся часть самого себя; воспоминаніе дрожить въ моей душь, слезы навертываются у меня на глазахъ, и я ощущаю свои сапоги, какъ какой-то слабо дрожащій въ душѣ моей звукъ. — Это слабость! — говорю я жестко самому себъ; я стиснулъ руки и повторилъ: — это слабость! Я самъ поднялъ себя на смъхъ за эти смѣшныя ощущенія, я съ полнымъ сознаніемъ смѣялся надъ собою и вышучивалъ себя; я говорилъ очень строго и разсудительно, кръпко зажмуривъ глаза, чтобы подавить слезы. Какъ будто не видавъ никогда раньше своихъ сапогъ, я принимаюсь изучать ихъ внѣшность, ихъ мимику, когда я шевелю ногой, форму ихъ поношеннаго голенища, и я замѣчаю, что складки на немъ и побълъвшіе швы придаютъ имъ какое-то выраженіе, опредѣленную физіономію. Какая-то часть моего существа перешла въ эти сапоги, они дъйствовали на меня, какъ дуновеніе моего собственнаго я, какъ живая и дышащая часть меня самого...

Я долго быль занять этими ощущеніями, быть можеть, цълый часъ. Къ моей скамь подошель старикъ небольшого роста и усълся на другомъ концъ ея; садясь и тяжело пыхтя отъ ходьбы, онъ произнесъ:

Точно вихрь пронесся въ головъ моей, какъ только я услыхалъ его голосъ; я забылъ про сапоги, и мнъ стало казаться, что то странное состояніе, въ которомъ я только что находился, я пережилъ уже давнымъ давно, можетъ быть, годъ или два тому назадъ, и оно уже начинало блъднъть въ моей памяти. Я поднялся изъ своего полулежачаго положенія, чтобы посмотръть на старика.

Какое дѣло мнѣ было до него, до этого маленькаго человѣка? Никакого, ровно никакого. Но онъ держалъ въ рукѣ газету, старый номеръ, объявленіями наружу; въ нее, повидимому, было что-то завернуто. Меня охватило любопытство, и я не могъ отвести глазъ отъ газеты; у меня мелькнула безумная мысль, что это, можетъ быть, совершенно необыкновенная газета, единственная въ своемъ родѣ; любопытство мое возрастало, и я безпокойно задвигался на скамъѣ. Это могли быть документы, важные акты, украденные изъ архива. И въ головѣ моей уже носились представленія о тайныхъ трактатахъ, о заговорахъ...

Человѣкъ сидѣлъ, задумавшись, и не произносилъ ни слова. Почему онъ держитъ свою газету не такъ, какъ всѣ люди, названіемъ наружу? Что это еще за хитрыя уловки? У него былъ такой видъ, словно онъ не выпуститъ пакета изъ рукъ ни за что на свѣтѣ, онъ, можетъ быть, даже боялся довѣрить его собственному карману. Я готовъ былъ поручиться головой, что за этимъ что-то скрывается.

Я сидълъ, устремивъ глаза въ даль. Именно то, что такъ невозможно было проникнуть въ эту тайну, разжигало мое любопытство и доводило меня до безумія. Я сталъ искать у себя въ карманахъ чего-нибудь, что бы предложить этому человъку и такимъ образомъ вступить съ нимъ въ разговоръ; я нащупалъ абонементную книжку изъ парикма-херской, но сейчасъ же оставилъ ее. Вдругъ я ръшаюсь на крайнюю дерзость: я хлопаю рукой по пустому карману своего сюртука и говорю.

— Могу я предложить вамъ сигару?

Спасибо, онъ не куритъ, ему пришлось бросить куренье изъ-за глазъ. Во всякомъ случаѣ, очень благодаренъ!

И давно уже онъ страдаетъ глазами? Такъ онъ, пожалуй, и не въ состояніи читать? Даже газету?

Да, къ сожалѣнію, даже газету.

Онъ посмотрѣлъ на меня. Оба глаза его были подернуты пленкой, что придавало имъ стеклянное выраженіе, взглядъ ихъ былъ тусклый и производилъ отталкивающее впечатлѣніе.

— Вы здѣсь чужой? — спросилъ онъ.

Да. — Онъ, пожалуй, даже не можетъ прочесть и названіе газеты, которую держитъ въ рукахъ?

Да, едва. — Впрочемъ, онъ сразу услыхалъ, что я чужой, что-то въ интонаціи моего голоса подсказало ему это. Ему такъ мало нужно для этого, у него такой хорошій слухъ, ночью, когда всѣ спятъ, онъ слышитъ дыханіе спящихъ въ сосѣдней комнатѣ...—Что я хотѣлъ сказать, гдѣ вы живете?

Въ мозгу моемъ въ одинъ мигъ встала ложь. Я солгалъ безъ всякой надобности, безъ всякой задней мысли; я отвътилъ:

— На площади св. Олафа, № 2.

Въ самомъ дѣлѣ? Онъ знаетъ каждый камушекъ на площади св. Олафа. Тамъ есть фонтанъ, нѣсколько газовыхъ фонарей, пара деревьевъ, онъ помнитъ все...—Въ которомъ номерѣ вы тамъ живете?

Я хотълъ положить этому конецъ и поднялся, доведенный до крайности преслъдовавшей меня мыслью о газетъ. Тайна эта должна быть разъяснена, чего бы мнъ это ни стоило.

- Но разъ, что вы не можете читать газеты, то для чего...
- Вы сказали, кажется, во второмъ номерѣ? продолжалъ человѣкъ, не замѣчая моего безпокойнаго состоянія. —

Въ свое время я зналъ всѣхъ обитателей второго номера. Какъ зовутъ вашего хозяина?

Я второпяхъ произнесъ первое попавшееся имя, только, чтобы избавиться отъ его разспросовъ, въ одинъ мигъ я выдумалъ имя и швырнулъ его въ лицо своему мучителю.

- Гапполати, сказалъ я.
- Гапполати, да, повторилъ человъкъ, кивая головой.
 Онъ не пропустилъ ни одной буквы въ этомъ необыкновенномъ имени.

Я смотрѣлъ на него съ изумленіемъ; онъ сидѣлъ совершенно серьезно, и лицо его было задумчиво. Не успѣлъ я еще выговорить этого глупаго имени, перваго, которое пришло мнѣ въ голову, какъ человѣкъ этотъ сразу освоился съ нимъ, сдѣлавъ видъ, будто онъ слыхалъ его уже раньше. Свой пакетъ онъ положилъ между тѣмъ на скамью около себя, и я чувствовалъ, какъ каждый нервъ во мнѣ дрожитъ отъ любопытства. Я замѣтилъ, что на газетѣ было нѣсколько жирныхъ пятенъ.

- Онъ не морякъ ли, вашъ хозяинъ? спросилъ человъкъ; въ голосъ его не было слышно ни слъда какой-либо скрытой ироніи. Насколько мнъ помнится, онъ былъ морякомъ?
- Морякъ? Виноватъ, вы, можетъ быть, знаете его брата, мой же хозяинъ І. А. Гапполати, агентъ.

Я думалъ, что этимъ дѣло и кончится, но маленькій человѣчекъ съ большой готовностью соглашался со всѣмъ, что я ни говорилъ.

- Онъ дъльный человъкъ, насколько я слышалъ? сказалъ онъ.
- О, это умнѣйшая голова, отвѣтилъ я, настоящій купецъ, онъ торгуетъ всѣмъ, чѣмъ хотите, брусникой изъ Китая, перьями и пухомъ изъ Россіи, кожами, лѣсомъ, чернилами...
- Хе-хе, однако, чортъ возьми! промолвилъ старикъ,
 въ высокой степени заинтересованный.

Это становилось интереснымъ. Я самъ увлекся ситуаціей, и въ мозгу моемъ одна ложь рождалась за другой. Я снова сълъ, забывъ и газету, и замъчательные документы, вошелъ въ азартъ и сталъ говорить безъ конца, поминутно перебивая его. Легковъріе этого стараго карлика увеличивало мою дерзость до крайней степени, я ръшилъ лгать ему безъ зазрънія совъсти, чтобы выбить его изъ колеи и заставить замолчать.

Не слыхалъ ли онъ объ электрическомъ молитвенникѣ, изобрѣтенномъ Гапполати?

Что, элек..?

Съ электрическими буквами, свътящимися въ темнотъ? Это огромное предпріятіе, съ оборотнымъ капиталомъ въ милліоны кронъ, съ словолитнями и типографіями, заваленными работой, съ цълой арміей механиковъ на хорошемъ жалованьи, что-то около семисотъ человъкъ, насколько я слышалъ.

— Скажите на милость! — проговорилъ старикъ спокойно. Больше онъ ничего не прибавилъ; онъ вѣрилъ каждому моему слову, и его ничѣмъ нельзя было удивить. Это меня немного смутило, я ожидалъ, что мои выдумки выведутъ его изъ равновѣсія.

Я сочинилъ еще нѣсколько отчаянныхъ небылицъ, говорилъ все, что приходило въ голову, упомянулъ о томъ, что Гапполати въ теченіе девяти лѣтъ былъ министромъ въ Персіи. Вы, можетъ быть, не имѣете представленія о томъ, что значитъ быть министромъ въ Персіи? спросилъ я. Это больше, чѣмъ у насъ король, приблизительно то же, что султанъ, если онъ знаетъ, что это такое. Но Гапполати съ одинаковой легкостью справлялся со всѣмъ и ни разу не сѣлъ на мель. Затѣмъ я принялся разсказывать объ Илаяли, его дочери, феѣ, принцессѣ, у которой было триста рабынь и которая спала на ложѣ изъ желтыхъ розъ; это было самое прекрасное созданіе изъ всѣхъ, какія я когда-либо видалъ, накажи меня Богъ, если я въ жизни встрѣчалъ что-либо подобное!

 Въ самомъ дѣлѣ, она такъ красива? — произнесъ старикъ съ отсутствующимъ видомъ и уставился въ землю.

Красива? Она восхитительна, прекрасна, божественно соблазнительна! Глаза, словно бархатъ, руки — что твой янтарь! Одинъ взглядъ ея одурманиваетъ, какъ поцълуй, а когда она зоветъ меня, голосъ ея проникаетъ въ самую глубь моей души, словно струя опъяняющаго вина. Да и почему ей не быть прекрасной? Или онъ принимаетъ ее за какого-нибудь разсыльнаго, или служащаго въ пожарной командъ? Это прямо небесная красота, могу его увъритъ, мечта...

— Да, да, — произнесъ человъкъ, слегка озадаченный.

Его спокойствіе раздражало меня; мой собственный голосъ увеличивалъ мое возбужденіе, и я говорилъ самымъ серьезнымъ образомъ. Украденные изъ архива акты, тайные договоры съ той или другой иностранной державой — все было забыто; маленькій плоскій пакетъ лежалъ на скамьѣ между нами, но у меня больше не было ни малѣйшаго желанія изслѣдовать его и убѣдиться, что въ немъ находится. Я всецѣло былъ поглощенъ своими собственными выдумками, самыя изумительныя картины проносились въ моемъ воображеніи, кровь ударяла мнѣ въ голову, и я лгалъ во всю.

Наконецъ, человѣкъ, повидимому, рѣшилъ уйти. Онъ поднялся, но, чтобы не обрывать разговора сразу, спросилъ:

— Онъ, должно быть, очень богатъ, этотъ Гапполати?

Какъ смѣлъ этотъ отвратительный, слѣпой старикашка обращаться съ этимъ незнакомымъ именемъ, которое я выдумалъ, словно это было самое обыкновенное имя, которое можно прочесть на любой вывѣскѣ въ городѣ? Онъ ни разу не запнулся ни на одной буквѣ и не забылъ ни одного слога, имя это глубоко засѣло въ его мозгу и сразу пустило тамъ корни. Я пришелъ въ раздраженное состояніе, во мнѣ подымалось и росло озлобленіе противъ этого человѣка, котораго ничѣмъ нельзя было вывести изъ равновѣсія и ничѣмъ нельзя было смутить.

- Этого я не знаю, отвѣтилъ я рѣзко; я этого совершенно не знаю. Позвольте мнѣ, впрочемъ, сказать вамъ разъ навсегда, что онъ называется Іоганнъ Арендтъ Гапполати, судя по начальнымъ буквамъ его имени.
- Іоганнъ Арендтъ Гапполати, повторилъ человъкъ, слегка удивленный моей ръзкостью. Затъмъ онъ замолчалъ.
- Вы должны были бы видѣть его жену! продолжалъ я въ бѣшенствѣ. Болѣе толстой женщины... Но вы, пожалуй, и не вѣрите, что она толста?

Да, онъ охотно въритъ этому, онъ не станетъ противъ этого спорить, нътъ ничего невъроятнаго въ томъ, что у такого человъка толстая жена.

На каждую мою выходку старикъ отвъчалъ кротко и спокойно, онъ подыскивалъ слова, словно боясь какимънибудь неосторожнымъ словомъ совершить оплошность и вызвать мой гнъвъ.

— Тысяча чертей, вы, пожалуй, думаете, что я туть сижу и выдумываю все это? — вскричаль я внѣ себя. — Вы, можеть быть, и не върите вовсе, что существуеть человѣкъ по имени Гапполати? Во всю мою жизнь мнѣ не случалось видѣть у такого стараго человѣка столько упрямства и элобы! Что вы, чортъ возьми, воображаете? Ужъ не думаете ли вы, въ довершеніе всего, что я отчаянный бѣднякъ, который сидить здѣсь въ своемъ лучшемъ нарядѣ и у котораго нѣтъ въ карманѣ даже портсигара набитаго папиросами? Я долженъ вамъ сказать, что къ подобному обращенію я не привыкъ и не потерплю его, видитъ Богъ, ни отъ васъ, ни отъ кого-либо другого, такъ вы и знайте!

Человъкъ поднялся. Съ разинутымъ ртомъ онъ молча слушалъ меня, пока я не кончилъ, затъмъ схватилъ проворно свой пакетъ со скамьи и ушелъ, почти побъжалъ по дорогъ маленькими старческими шагами.

Я сидълъ и смотрълъ сзади на его спину, которая, казалось, все больше и больше съеживалась по мъръ того, какъ онъ

удалялся. Я не знаю, откуда у меня получилось такое представленіе, но мнѣ вдругъ показалось, что я никогда не встрѣчалъ болѣе безчестной и порочной спины, и я нисколько не жалѣлъ о томъ, что выругалъ этого человѣка раньше, чѣмъ онъ меня покинулъ...

День клонился къ вечеру, солнце садилось; по верхушкамъ деревьевъ время отъ времени пробъгалъ легкій вътерокъ, и няньки, сидъвшія въ отдаленіи группами, стали собираться съ дътскими колясочками домой. Я былъ въ спокойномъ и благодушномъ настроеніи. Возбужденіе, въ которомъ я только что находился, понемногу улеглось и уступило мъсто усталости и сонливости, большое количество хлъба, которое я съълъ раньше, больше не тяготило меня. Въ самомъ лучшемъ настроеніи я откинулся на спинку скамьи и закрылъ глаза: меня все болье и болье клонило ко сну, я впалъ въ дремоту, которая стала было уже переходить въ кръпкій сонъ, но въ эту минуту одинъ изъ сторожей парка положилъ мнъ руку на плечо и проговорилъ:

- Здѣсь нельзя спать.
- Нътъ, отвътилъ я и быстро поднялся.

И въ ту же минуту передо мною снова живо встало сознаніе моего грустнаго положенія. Надо было что-нибудь предпринять, найти какой-нибудь выходъ! Искать мѣста было безполезно: рекомендаціи, которыя у меня были, уже устарѣли, да къ тому же исходили отъ лицъ слишкомъ мало извѣстныхъ для того, чтобы онѣ могли оказать какое-нибудь дѣйствіе; вдобавокъ эти вѣчные отказы въ теченіе цѣлаго лѣта лишили меня мужества. Но, какъ бы то ни было, срокъ моей квартиры кончился, и мнѣ необходимо было чтонибудь предпринять въ этомъ направленіи. Остальное было не къ спѣху.

Совершенно незамѣтно карандашъ и бумага снова очутились у меня въ рукахъ, и я сталъ механически писать по всѣмъ направленіямъ 1848 годъ. Хоть бы одна живая мысль

зажглась въ моемъ мозгу и подсказала бы мнѣ слова! Вѣдь бывало же раньше — дѣйствительно, случалось — что на меня находили такія минуты, когда я безъ всякаго напряженія писалъ длиннѣйшія статьи, которыя выходили чрезвычайно удачными.

Я сижу на скамы и безчисленное множество разъ пишу 1848, исписываю этимъ числомъ бумагу вдоль и поперекъ на всѣ возможные лады и жду, чтобы какая-нибудь счастливая идея пришла мнѣ въ голову. Цѣлый рой безпорядочныхъ мыслей проносится у меня въ головъ; уходящій день приводитъ меня въ подавленное, сантиментальное настроеніе. Осень наступила, и на всемъ уже чувствуется приближеніе зимняго сна; мухи и мелкія козявки получили первый смертельный ударъ; вверху, въ вътвяхъ деревьевъ, и внизу, на земль, всюду слышится безпокойное біеніе умирающей жизни, тревожный шелестъ и шорохъ, послѣднія усилія противостоять смерти. Червяки и разные мелкіе гады еще разъ встряхиваются передъ смертью, высовываютъ изо мха свои желтыя головки, вытягиваютъ лапки, подвигаются впередъ длинными, извилистыми движеніями —и вдругъ какъ-то сразу осъдаютъ и переворачиваются животами кверху. На каждомъ растеніи лежитъ какой-то особенный отпечатокъ, едва замътное дуновеніе первыхъ холодовъ. Блъдныя былинки тянутся къ солнцу, а опавшіе листья катаются по землѣ съ тихимъ шорохомъ, словно ползающія гусеницы. Это осенняя пора, карнавалъ смерти; самый пурпуръ розъ кажется воспаленнымъ, странный, лихорадочный блескъ лежитъ на ихъ кроваво-красныхъ лепесткахъ.

Я и самъ почувствовалъ себя вдругъ такъ, словно я былъ тоже одинъ изъ гибнущихъ червячковъ, захваченный общимъ разрушеніемъ среди засыпающаго міра. Подъ вліяніемъ какого-то страннаго страха я вскочилъ и сдѣлалъ нѣсколько крупныхъ шаговъ по аллеѣ. Нѣтъ, воскликнулъ я, сжавъ кулаки, этому надо положить конецъ! Я снова сѣлъ

и вынулъ карандашъ и бумагу съ самымъ рѣшительнымъ намѣреніемъ приняться за статью. Что толку складывать оружіе, когда имѣешь предъ собою неоплаченную квартиру.

Мало-по-малу, чрезвычайно медленно, мысли мои стали приходить въ порядокъ. Я воспользовался этимъ и спокойно и обдуманно написалъ нѣсколько страницъ въ видѣ введенія; это могло быть началомъ для чего угодно, для описанія путешествія, политической статьи — все равно, что бы мнѣ ни вздумалось потомъ сдѣлать изъ этого. Это было превосходное вступленіе къ любой темѣ.

Затѣмъ я принялся придумывать какую-нибудь опредѣленную тему, которую я могъ бы разработать, какое-нибудь лицо, вещь, за которыя я могъ бы ухватиться, — но ничего не приходило мнѣ въ голову. Отъ этого безплоднаго напряженія мысли мои снова начали приходить въ хаотическое состояніе, я буквально чувствовалъ, какъ мозгъ мой перестаетъ дѣйствовать, голова все пустѣла и пустѣла и въ концѣ концовъ сидѣла у меня на плечахъ безъ вѣса и безъ содержанія. Я всѣмъ тѣломъ ощущалъ эту зіяющую пустоту въ головѣ, я казался самому себѣ словно выдолбленнымъ съ головы до ногъ.

-- Господи, Отецъ Небесный! — воскликнулъ я въ отчаяніи, и я повторилъ этотъ возгласъ много разъ подъ рядъ, не говоря больше ни слова.

Вътеръ шумълъ верхушками деревьевъ, приближалась буря. Я посидълъ еще немного, тупо глядя на свои бумаги, затъмъ сложилъ ихъ и медленно сунулъ въ карманъ. Становилось холодно, а жилета у меня больше не было; я застегнулъ сюртукъ до верху и сунулъ руки въ карманы. Затъмъ я поднялся и пошелъ.

Если бы мнѣ хоть только еще этотъ одинъ разъ повезло, этотъ единственный разъ! Два раза уже хозяйка взглядомъ просила у меня денегъ, и я весь съеживался и съ смущеннымъ поклономъ быстро проскальзывалъ мимо. Я не могу этого

больше выносить, въ слѣдующій же разъ, когда я встрѣчу снова этотъ взглядъ, я прямо откажусь отъ комнаты и положу этому конецъ; все равно долго это такъ продолжаться не можетъ.

Выходя изъ парка, я снова увидалъ стараго карлика, котораго я въ своемъ безумномъ возбужденіи обратилъ въ бѣгство. Таинственный свертокъ лежалъ развернутый рядомъ съ нимъ на скамъѣ, въ немъ было множество самой разнообразной ѣды, которую старикъ съ жадностью уничтожалъ. Я хотѣлъ было подойти къ нему и извиниться, попросить прощенія за свое поведеніе, но видъ его оттолкнулъ меня, его старые пальцы, точно скрюченные когти, отвратительно впились въ жирные бутерброды, я почувствовалъ тошноту и прошелъ мимо, не сказавъ ни слова. Онъ не узналъменя, глаза его тупо смотрѣли на меня пустымъ взглядомъ и лицо не измѣнило выраженія.

Я продолжалъ свой путь.

По обыкновенію, я останавливался передъ каждымъ вывѣшеннымъ плакатомъ, встрѣчавшимся мнѣ по пути, ища объявленій о мѣстахъ; на этотъ разъ мнѣ посчастливилось, и я нашелъ объявленіе о мѣстѣ, которое показалось мнѣ подходящимъ: купецъ на Грэнландслеретъ искалъчеловѣка для вечернихъ занятій по бухгалтеріи; плата по соглашенію. Я записалъ адресъ этого человѣка и въ душѣ сталъ молить Бога объ удачѣ; я былъ готовъ работать за меньшую плату, чѣмъ всякій другой, пятьдесятъ эре было бы болѣе, чѣмъ достаточно, или даже, можетъ быть, сорокъ эре; я былъ согласенъ на все.

Вернувшись домой, я нашелъ на столѣ записку отъ моей хозяйки, въ которой она просила меня уплатить за комнату впередъ или выѣхать какъ можно скорѣе. Она проситъ меня не обижаться на нее, она вынуждена къ этому необходимостью. Съ почтеніемъ мадамъ Гундерсенъ.

Я написалъ письмо съ предложеніемъ своихъ услугъ

купцу Кристи, Грэнландслеретъ № 31, вложилъ его въ конвертъ и снесъ внизъ въ почтовый ящикъ на углу. Затѣмъ я снова поднялся къ себѣ и, усѣвшись въ качалку, погрузился въ невеселыя мысли. Сумерки сгущались все больше. Становилось трудно держаться дальше.

На слѣдующее утро я проснулся очень рано. Было еще совершенно темно, когда я открылъ глаза, и только долго послѣ того я услыхалъ, какъ въ квартирѣ подо мной пробило пять часовъ. Я хотѣлъ снова заснуть, но сонъ не приходилъ; я лежалъ съ открытыми глазами и думалъ о тысячѣ вещей.

Вдругъ мнѣ приходитъ въ голову нѣсколько фразъ, пригодныхъ для небольшого очерка, для фельетона, тонкіе, мъткіе обороты, какихъ мнъ никогда еще не удавалось придумать. Я лежу и повторяю эти слова про себя и нахожу, что они замъчательны. Понемногу къ нимъ присоединяются новыя слова, неожиданно рождающіяся въ моей голов'я, мозгъ мой вдругъ проясняется, я подымаюсь и хватаю со стоящаго за моей кроватью стола карандашъ и бумагу. Словно вдругъ какая-то жила вскрылась во мнъ, слова слѣдуютъ одно за другимъ, выравниваются въ стройномъ порядкъ, создаютъ ситуаціи; сцена чередуется за сценой, дъйствія и реплики бьютъ ключомъ изъ моего мозга, и я весь охваченъ чувствомъ сладостнаго наслажденія. Я работаю, какъ бъщеный, и наполняю страницу за страницей, не давая себъ ни одной минуты отдыха. Мысли обрушиваются на меня такимъ неожиданнымъ и обильнымъ потокомъ, что масса мелочей ускользаетъ отъ меня, которыхъ я не успъваю записать, хотя работаю изо всъхъ силъ. Мысли продолжаютъ напирать на меня, я весь захваченъ своей темой, и каждое слово, которое я пишу, словно само выливается у меня изъподъ пера.

Этотъ удивительный моментъ тянется, тянется такъ дивно долго; на колѣняхъ у меня лежитъ пятнадцать, двадцать исписанныхъ страницъ, когда я, наконецъ, останавливаюсь и откладываю карандашъ въ сторону. Если эти бумаги, дѣйствительно, имѣютъ какую-нибудь цѣнность, то я спасенъ. Я вскакиваю съ постели и начинаю одѣваться. Свѣтаетъ все больше и больше, я почти могу уже различить объявленіе смотрителя маяка внизу у дверей, а у окна уже такъ свѣтло, что можно свободно писать. И я сейчасъ же принимаюсь за переписку своей работы.

Какимъ своеобразнымъ богатствомъ свѣта и красокъ блещутъ эти фантазіи; я самъ поражаюсь то тѣмъ, то другимъ яркимъ образомъ и говорю самому себѣ, что это лучше всего, что мнѣ когда-либо приходилось читать. Я внѣ себя отъ восторга, радость опьяняетъ меня, и я кажусь себѣ великимъ. Я взвѣшиваю свою рукопись на рукѣ и тутъ же оцѣниваю ее по приблизительному подсчету въ пять кронъ. Вѣдь никому же не придетъ въ голову торговаться изъ-за пяти кронъ, напротивъ, можно сказать, что и десять кронъ это еще небывало дешевая цѣна за нее, принимая во вниманіе достоинство ея содержанія. Я не имѣю никакого намѣренія отдавать даромъ такую исключительную работу; насколько мнѣ извѣстно, подобнаго рода романы не находятся на улицахъ. И я останавливаюсь на десяти кронахъ.

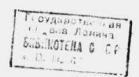
Въкомнатъ становилось все свътлъе и свътлъе, я бросилъ взглядъ на дверь и безъ особеннаго труда могъ разобрать тощія, скелетообразныя буквы объявленія іомфру Андерсенъ о погребальныхъ покровахъ и саванахъ въ воротахъ направо; прошло уже немало времени послъ того, какъ часы пробили семь.

Я поднялся и сталъ посреди комнаты. Если хорошенько обсудить, то, въ сущности, отказъ мадамъ Гундерсенъ являлся для меня почти кстати. Собственно говоря, это отнюдь не была подходящая для меня комната; на окнахъ висъли самыя

простыя зеленыя занавѣски, да и особенно много гвоздей, гдѣ бы можно было развѣсить свой гардеробъ, тоже не было видно въ стѣнахъ. Несчастная качалка тамъ въ углу въ сущности одна иронія, надъ которой можно лишь кохотать до упаду. Она была слишкомъ низка для взрослаго человѣка и притомъ такъ узка, что надо было пустить въ ходъ необыкновенныя усилія, чтобы извлечь изъ нея свое тѣло. Коротко говоря, эта комната совершенно не была приспособлена для умственнаго труда, и у меня не было никакого намѣренія оставаться въ ней дольше. Ни за что на свѣтѣ я не останусь въ ней. И такъ ужъ я слишкомъ долго молчалъ и терпѣливо страдалъ въ этомъ углу.

Весь преисполненный надежды и самодовольства, страшно гордый своимъ замъчательнымъ очеркомъ, который я ежеминутно вынималь изъ кармана и перечитывалъ, я ръшилъ, не откладывая въ долгій ящикъ, сейчасъ же приняться за перевздъ. Я досталъ свой узелокъ, красный носовой платокъ, заключавшій въ себъ пару чистыхъ воротничковъ и нъсколько смятыхъ газетныхъ листовъ, въ которыхъ я обыкновенно приносилъ домой хлѣбъ, свернулъ одѣяло и сунулъ въ карманъ весь свой запасъ чистой писчей бумаги. Послъ этого я, для большей върности, принялся изследовать все углы, чтобы убъдиться, не забылъ ли я чего; не найдя ничего, я подошелъ къ окошку и выглянулъ. Было темное и сырое утро; въ полъ, у обгоръвшей кузницы, не видать было ни души; внизу во дворъ отъ стъны до стъны одиноко тянулась веревка для развъшиванія бълья, вся съежившаяся отъ сырости. Все это было мнъ давно знакомо; я отошелъ отъ окна, взяль подъ мышку свое одъяло, отвъсиль поклонъ объявленію смотрителя маяка, другой поклонъ погребальнымъ покровамъ и саванамъ іомфру Андерсенъ и открылъ дверь.

Вдругъ мнѣ приходитъ въ голову мысль о хозяйкѣ; вѣдь, въ сущности, я долженъ ее извѣстить о своемъ переѣздѣ, чтобы она знала, что имѣетъ дѣло съ порядочнымъ человѣ-

комъ. Надо также поблагодарить ее письменно за тъ нъсколько дней, въ теченіе которыхъ я пользовался комнатой сверхъ срока. Увъренность въ томъ, что я теперь на долгое время избавленъ отъ нужды, была во мнъ такъ сильна, что я даже объщалъ своей хозяйкъ занести ей пять кронъ въ одинъ изъ ближайшихъ дней, когда буду проходить мимо. Я хотълъ показать ей достаточно ясно, какого честнаго человъка она столько времени имъла подъ своей кровлей.

Записку эту я положилъ на столъ.

У двери я еще разъ остановился и обернулся. Радостное сознаніе, что я снова выплылъ на поверхность, приводило меня въ восторгъ и вызывало въ сердцѣ моемъ чувство благодарности къ Богу и всему міру; я опустился на колѣни у кровати и громкимъ голосомъ сталъ благодарить Бога за великую благость Его, проявленную ко мнъ въ это утро. Я зналъ, о, да, я зналъ, что порывъ вдохновенія, который я только что пережилъ въ душъ и передалъ на бумагу, былъ чудеснымъ даромъ неба, ниспосланнымъ моей душъ, отвътомъ на мою вчерашнюю мольбу. Въ этомъ Богъ! въ этомъ Богъ! повторялъ я самому себъ, и слезы восторга катились изъ глазъ моихъ; по временамъ я умолкалъ, прислушиваясь, не идетъ ли кто по лъстницъ. Наконецъ, я поднялся и вышелъ; я неслышно спустился внизъ и, никъмъ не замъченный, добрался до выходной двери.

Улицы блестели отъ выпавшаго подъ утро дождя, тучи, темныя и унылыя, низко нависли надъ городомъ, не пропуская ни одного солнечнаго луча. Который бы это могъ быть часъ? Я, по привычкъ, пошелъ по направленію къ ратушѣ, часы на башнѣ показывали половину десятаго. У меня оставалось еще около двухъ часовъ времени; было совершенно безполезно являться въ редакцію газеты раньше десяти или даже одиннадцати, я могъ тъмъ временемъ бродить по улицамъ, да придумать средство раздобыть себъ завтракъ. Впрочемъ, я нисколько не боялся, что въ этотъ

день мит придется лечь спать голоднымъ; эги времена, слава Богу, миновали. Это была оставшаяся позади полоса жизни, дурной сонъ; съ сегодняшняго дня я иду впередъ, а не назалъ!

Между тъмъ мое зеленое одъяло начинало меня тяготить; не могу же я ходить по улицамъ на виду у всъхъ съ такимъ пакетомъ подъ мышкой. Что обо мнв подумаютъ? Я сталъ соображать, гдъ бы можно было оставить его на время. Вдругъ мнъ приходитъ въ голову, что я могу зайти къ Сембу и попросить завернуть одъяло въ бумагу; оно сразу получитъ другой видъ, и мнѣ нечего будетъ больше стыдиться его. Я вошелъ въ магазинъ и изложилъ свою просьбу одному изъ служащихъ.

Онъ посмотрълъ сначала на одъяло, потомъ на меня; мнъ показалось, что онъ втихомолку пожалъ презрительно плечами, принимая изъ моихъ рукъ пакетъ. Это разозлило меня.

— Тысяча чертей, будьте же осторожнѣе! -- воскликнулъ я. — Тутъ двъ дорогія хрустальныя вазы; этотъ пакетъ идетъ въ Смирну.

Это подъйствовало, это великолъпно подъйствовало! При каждомъ движеніи приказчикъ извинялся, что онъ сразу не догадался, что въ этомъ одъяль находятся цънныя вещи. Когда онъ кончилъ, я поблагодарилъ его съ видомъ человъка, которому не впервые приходится отправлять въ Смирну цънныя вещи; онъ даже распахнулъ передо мною дверь, когда я уходилъ.

Я принялся бродить среди толпы на базарной площади, держась поближе къ женщинамъ, торговавшимъ цвътами. Тяжелыя, красныя розы, кровавые лепестки которыхъ ярко рдъли въ сыромъ утреннемъ воздухъ, возбуждали мою алчность, вызывали во мнъ гръшное искушение стащить которую-нибудь изъ нихъ, и я спросилъ о цене только для того, чтобы имъть возможность подойти къ нимъ ближе. Какъ только у меня будутъ лишнія деньги, я непремѣнно куплю себѣ розу, будь что будетъ; какъ-нибудь ужъ я съэкономлю потомъ на чемъ-нибудь другомъ, чтобы снова привести въ равновѣсіе свой бюджетъ.

Въ десять часовъ я отправился въ редакцію. За столомъ сидитъ человъкъ съ ножницами и перебираетъ старыя газеты; редактора еще нътъ. На его вопросъ, что мнѣ угодно, я вынимаю и передаю ему свою рукопись, даю ему понять, что она имъетъ болъе нежели обыкновенную цѣнность, и настоятельно прошу его передать ее редактору въ собственныя руки, какъ только онъ придетъ.

 Хорошо! — говоритъ "Ножницы" и снова принимается за свои газеты.

Я подумалъ, что онъ слишкомъ равнодушно отнесся къ моей рукописи, но ничего не сказалъ, только кивнулъ ему довольно холодно головой и ушелъ.

Теперь я снова быль свободень. Только бы прояснилось! Погода была отвратительная, не было вътра, но не было и свъжести въ воздухъ; дамы изъ предосторожности ходили съ раскрытыми зонтиками, а шерстяныя шапочки мужчинъ имъли помятый и унылый видъ. Я снова обошелъ базаръ, поглядывая на зелень и розы. Вдругъ я чувствую чью-то руку на своемъ плечъ, я оборачиваюсь: передо мной стоитъ "Дъва" и желаетъ мнъ добраго утра.

— Доброе утро! — отвъчаю я съ легкимъ вопросомъ въ голосъ, чтобы поскоръе узнать, что ему нужно. Я не особенно люблю "Дъву".

Онъ смотритъ съ любопытствомъ на большой, завернутый въ новешенькую бумагу, пакетъ у меня подъ мышкой и спрашиваетъ:

- Что это вы несете?
- Я былъ у Семба и купилъ матерію на костюмъ, отвѣчаю я равнодушнымъ голосомъ: надоѣло мнѣ ходить въ такомъ обтрепанномъ видѣ, этакъ не долго и совершенно запустить свою внѣшность.

Онъ смотритъ на меня съ удивленіемъ.

- Что слыхать у васъ? какъ дѣла? спрашиваетъ онъ медленно.
 - Да хороши, сверхъ ожиданія.
 - Вы достали какую-нибудь работу?
- Какую-нибудь работу? отвъчаю я, принимая чрезвычайно удивленный видъ, да въдь я бухгалтеромъ въ торговомъ домъ Кристи, да.
- Вотъ какъ! говоритъ онъ и слегка отступаетъ назадъ. — Боже мой, я отъ души радъ за васъ. Только бы у васъ кто-нибудь не выклянчилъ тъхъ денегъ, которыя вы теперь зарабатываете. До свиданія!

Черезъ минуту онъ возвращается; онъ указываетъ палкой на мой пакетъ и говоритъ:

— Я могу вамъ рекомендовать своего портного для этого костюма. Вы не найдете портного лучше Исаксена. Скажите только, что я васъ послалъ.

Чего онъ суетъ свой носъ въ мои дѣла? Какое ему дѣло до того, у какого портного я буду шить? Я разозлился; лицо этого пустого разряженнаго франта раздражало меня, и я довольно грубо напомнилъ ему о десяти кронахъ, которыя онъ мнѣ былъ долженъ. Раньше, чѣмъ онъ успѣлъ что-нибудь отвѣтить, я пожалѣлъ о своихъ словахъ, я смутился и отвелъ глаза въ сторону; въ эту самую минуту мимо насъ прошла дама, я быстро отступилъ назадъ, чтобы пропустить ее, и, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, ушелъ.

Куда мнѣ теперь дѣваться? Въ кафе я не могъ пойти съ пустыми карманами, а изъ знакомыхъ у меня не было никого, къ кому можно было бы зайти въ это время дня. Я сталъ ходить по улицамъ, долго бродилъ между базаромъ и "Границей", свернулъ внизъ по улицѣ Карла-Іоанна, потомъ повернулъ обратно и поднялся къ кладбищенской рощѣ Спасителя, гдѣ отыскалъ себѣ спокойное мѣстечко на холмѣ позади часовни.

Я сидълъ тамъ, вдыхая сырой воздухъ, окруженный тишиной и спокойствіемъ, мечталъ, думалъ, дремалъ и зябъ. И время шло. Въ концѣ концовъ, такъ ли ужъ это несомнѣнно, что мой фельетонъ представляетъ собой шедевръ вдохновеннаго искусства? Богъ знаетъ, нѣтъ ли въ немъ недостатковъ. Если хорошенько обсудить, то онъ, быть можетъ, даже не будетъ принятъ, очень просто. Онъ былъ, можетъ быть, весьма посредственнаго качества, быть можетъ, даже никуда не годился. Есть ли у меня какаянибудь гарантія, что онъ въ эту минуту не лежитъ уже въ корзинѣ для бумагъ?.. Моя увѣренность была поколеблена, я вскочилъ и стрѣлой бросился вонъ съ кладбища.

На Акерсгаденъ я заглянулъ въ окно какого-то магазина и увидалъ, что было лишь начало перваго часа. Это привело меня въ еще большее отчаяніе, я такъ былъ увъренъ, что уже гораздо больше полудня, а раньше четырехъ не имъло смысла итти къ редактору. Судьба моего фельетона вызывала во мнъ мрачныя предчувствія; чъмъ больше я о немъ думалъ, тъмъ невъроятнъе представлялось мнъ, чтобы я вдругъ, въ полуснъ, въ состояніи, когда мозгъ охваченъ лихорадкой и сновидъніями, могъ написать что-нибудь пригодное. Конечно, это былъ лишь самообманъ, и я все утро былъ радъ и счастливъ рѣшительно безъ всякаго основанія! Конечно!... Въ сильномъ возбужденіи я быстро шелъ по Уллевольдсвейенъ, мимо холма св. Іоанна, вышелъ въ открытое поле, незамътно для себя попалъ въ какія-то тъсныя, странныя улички около лѣсопиленъ, которыя вывели меня на пустоши и пашни, и, въ концъ концовъ, очутился на проъзжей дорогѣ, конца которой не было видно.

Здѣсь я остановился и рѣшилъ повернуть обратно. Мнѣ стало жарко отъ ходьбы, и я возвращался назадъ медленно и въ подавленномъ состояніи. На встрѣчу мнѣ попались два воза съ сѣномъ; возницы лежали, растянувшись, на самомъ верху и распѣвали во все горло, — оба съ обнаженными голо-

вами, оба съ круглыми, беззаботными лицами. Я шелъ и думалъ про себя, что они навърное заговорятъ со мной, сдълаютъ какое-нибудь замъчаніе или выкинутъ какую-нибудь шутку; дъйствительно, когда я приблизился къ нимъ, одинъ изъ нихъ окликнулъ меня и спросилъ, что я несу подъ мышкой.

- Одъяло, отвътилъ я.
- А сколько теперь часовъ? спросилъ онъ.
- Точно не знаю, но думаю, что около трехъ.

Оба разсмъялись и проъхали мимо. Въ ту же минуту я почувствовалъ ударъ кнутомъ по уху, и шляпа слетъла у меня съ головы; веселые парни не могли проъхать мимо, чтобы не подшутить надо мною. Слегка оглушенный, я схватился за голову, поднялъ свою шляпу, лежавшую на краю канавы, и продолжалъ свой путь. У холма св. Іоанна я встрътилъ человъка, который сказалъ мнъ, что уже пятый часъ.

Пятый часъ! Уже пятый часъ! Я пустился почти бѣгомъ къ городу и, свернувъ съ дороги, поспѣшилъ въ редакцію. Редакторъ, можетъ быть, уже давнымъ давно былъ тамъ и снова ушелъ. Я поперемѣнно то шелъ, то бѣжалъ, спотыкался, наталкивался на возы, обгонялъ всѣхъ пѣшеходовъ, бѣжалъ взапуски съ лошадьми и дѣлалъ самыя безумныя усилія, чтобы попасть во время. Я влетѣлъ въ подъѣздъ, въ четыре прыжка очутился наверху и постучался.

Никакого отвѣта.

Онъ ушелъ! онъ ушелъ! — думаю я. Я пробую дверь — она открыта, я снова стучусь и вхожу.

Редакторъ сидитъ у своего стола, лицомъ къ стѣнѣ и съ перомъ въ рукѣ, собираясь писать. Я поклонился. Услыхавъ мой задыхающійся голосъ, онъ полуоборачивается, бросаетъ на меня мимолетный взглядъ, качаетъ головой и говоритъ:

— Я еще не успълъ прочитать вашего очерка.

Я такъ радъ, что онъ во всякомъ случав еще не забраковалъ его, что отвъчаю:

Да, конечно, я это понимаю. Да это и не къ спѣху.
 Можетъ быть, черезъ нѣсколько дней, или...

 Да, я посмотрю. Впрочемъ, у меня въдь есть вашъ адресъ.

Я забываю сказать ему, что у меня больше нътъ никакого адреса.

Аудіенція кончена, я кланяюсь и ухожу. Въ душть моей снова пробуждается надежда, еще не все потеряно, напротивъ, какъ дта обстоятъ сейчасъ, я могу еще разсчитывать на полную удачу. И мозгъ мой начинаетъ рисовать картину великаго совта на небесахъ, гдт только что ртшено, что я долженъ заработать десять кронъ за фельетонъ...

Если бы мнѣ теперь только найти уголокъ, куда укрыться на ночь! Я начинаю размышлять, куда бы мнѣ лучше всего забраться, и такъ поглощенъ этимъ вопросомъ, что незамѣтно для себя останавливаюсь посреди улицы. Я забываю, гдѣ я, и стою, какъ одинокая вѣха среди моря, вокругъ которой волны шумятъ и бурлятъ. Мальчишка-газетчикъ протягиваетъ мнѣ номеръ "Викинга": купите, баринъ, очень интересно! Я подымаю голову и вздрагиваю — я снова стою передъ Сембомъ.

Я быстро поворачиваю обратно, заслоняя, насколько возможно, пакетъ собственнымъ тѣломъ, и поспѣшно загибаю въ Церковную улицу, полный смущенія и страха, не замѣтили ли меня изъ оконъ магазина. Я прохожу мимо Ингебрета и мимо театра, сворачиваю въ сторону и спускаюсь къ морю вдоль крѣпостной стѣны. Я снова отыскиваю себѣ скамью и, усѣвшись, опять принимаюсь соображать.

Гдѣ мнѣ, чортъ возьми, переночевать эту ночь! Неужели не найдется какой-нибудь норы, куда бы я могъ забраться и укрыться до утра? Гордость не позволяла мнѣ вернуться обратно въ свою прежнюю комнату; у меня, конечно, не было никакого намѣренія взять свое слово обратно, я гнѣвно отбросилъ самую мысль объ этомъ, а воспоминаніе о маленькой красной качалкѣ вызвало въ душѣ моей презрительную насмѣшку. По ассоціаціи идей мнѣ вдругъ предста-

вилась большая, въ два окна, комната, въ которой я когдато жилъ; я увидалъ передъ собою подносъ, весь наполненный толстыми бутербродами, которые вслъдъ затъмъ превратились въ бифштексы, въ самые соблазнительные бифштексы, — бълоснъжную скатерть, массу хлъба и серебряный приборъ. Дверь открылась, вошла моя хозяйка и предложила мнъ еще чаю...

Все фантазія и глупыя мечты! Я говорилъ самому себъ, что если бы я теперь поълъ чего-нибудь, то въ головъ моей снова поднялся бы хаосъ, мозгъ мой охватила бы прежняя лихорадка, и мнъ опять пришлось бы бороться съ безумными фантазіями. Я не переношу пищи, такъ ужъ я устроенъ; это особенность моего организма, его спеціальное свойство.

Можетъ быть, до вечера мнѣ удастся придумать чтонибудь относительно квартиры. Особенно торопиться нечего; въ крайнемъ случаѣ, я могу отыскать себѣ мѣстечко въ лѣсу, въ моемъ распоряженіи всѣ окрестности города, а мороза, который могъ бы послужить препятствіемъ, пока на дворѣ еще нѣтъ.

Передо мной море тяжело и спокойно катило свои волны; пароходы и неуклюжія, широконосыя грузовыя суда глубоко врѣзывались въ его свинцовую поверхность, оставляя направо и налѣво широкія борозды; дымъ тяжело клубился изъ пароходныхъ трубъ и машинные поршни глухо гудѣли въ пропитанномъ сыростью воздухѣ. Не было ни солнца, ни вѣтра, деревья позади меня совершенно отсырѣли и скамья, на которой я сидѣлъ, была холодна и сыра. Время шло; я сидѣлъ и мечталъ, но скоро усталъ, и по спинѣ у меня побѣжалъ холодокъ: черезъ нѣкоторое время я почувствовалъ, что глаза мои начинаютъ слипаться. И я не противился...

Когда я проснулся, вокругъ меня было темно; я вскочилъ, оцъпенълый и озябщій, и принялся ходить. Я шелъ все скоръе и скоръе, чтобы согръться, хлопалъ рукой объ руку и потиралъ колѣни, которыхъ я почти не чувствовалъ отъ колода; такъ я дошелъ до брандвахты. Было девять часовъ; я проспалъ нѣсколько часовъ.

Что мнѣ все-таки дълать съ собой? Куда-нибудь въдь долженъ же я дъваться. Я стою, и смотрю на брандвахту, и размышляю о томъ, не удастся ли мнв пробраться туда, улучивъ минуту, когда патруль повернется спиной. Я подымаюсь по ступенькамъ и хочу завязать разговоръ съ стоящимъ наверху человъкомъ; онъ сейчасъ же беретъ на караулъ своимъ топорикомъ и ждетъ, что я ему скажу. Этотъ поднятый топорикъ, обращенный ко мнъ остріемъ, отзывается на моихъ нервахъ, словно холодный ударъ, я нѣмѣю отъ ужаса передъ этимъ вооруженнымъ человѣкомъ и невольно отступаю назадъ. Я ничего не говорю, только все дальше и дальше отхожу отъ него; для виду я провожу рукой по лбу, словно я забылъ что-то, и удаляюсь. Очутившись внизу, я чувствую себя спасеннымъ, словно я только что избавился отъ большой опасности. Я поспъшно ухожу.

Продрогшій и изголодавшійся, все болѣе и болѣе не въ духѣ, я пошелъ по улицѣ Карла-Іоанна; я началъ браниться, на чемъ свѣтъ стоитъ, вслухъ, не заботясь о томъ, что меня могутъ услышать. У зданія стортинга, едва я поровнялся съ первымъ львомъ, я вдругъ, по какой-то новой ассоціаціи идей, вспомнилъ о знакомомъ художникѣ, молодомъ человѣкѣ, котораго я когда-то въ Тиволи спасъ отъ пощечины и у котораго потомъ былъ разъ въ гостяхъ. Прищелкивая пальцами, я отправляюсь въ Торденскьольсгаде, нахожу дверь, на которой прибита карточка съ именемъ: С. Захарій Бартель, и стучусь.

Онъ выходитъ самъ; отъ него ужъ издали такъ и разитъ табакомъ и пивомъ.

- Добрый вечерь! говорю я.
- Добрый вечеръ! Это вы? Но почему же вы, чортъ

возьми, пришли такъ поздно? Она никуда не годится при вечернемъ освъщеніи. Я прибавилъ еще скирду съна и вообще сдълалъ нъкоторыя измъненія. Вы должны видъть ее днемъ, теперь не имъетъ никакого смысла смотръть ее.

- Позвольте мив все-таки посмотрять ее, говорю я; я, впрочемъ, совершенно не помню, о какой картинв онъ говоритъ.
- Это прямо немыслимо, —отвѣчаетъ онъ. —Все кажется совершенно желтымъ. Да, кромѣ того, онъ подходитъ совсѣмъ близко ко мнѣ и говоритъ шопотомъ у меня тутъ одна дѣвчоночка сегодня въ гостяхъ, такъ что это совершенно невозможно.
 - Ну, да, когда такъ, то не о чемъ и говорить.

Я прощаюсь и ухожу.

Значитъ, все-таки не остается ничего другого, какъ отправиться куда-нибудь въ лъсъ. Если бы только земля не была такъ сыра! Я хлопнулъ рукой по одъялу; я все болъе мирился съ мыслью, что придется эту ночь провести подъ открытымъ небомъ. Я такъ измучился, придумывая, гдъ найти ночлегъ въ городъ, что теперь мнъ все это надоъло; для меня было наслажденіемъ успокоиться, отдаться на произволъ судьбы и ни о чемъ не думать. Я направился къ университету, чтобы посмотрѣть, который часъ; было начало одиннадцатаго. Я сталъ ходить по улицамъ. На одной изъ улицъ я остановился передъ лавкой съъстныхъ припасовъ, въ витринъ которой было выставлено множество самой разнообразной ѣды. Тамъ, рядомъ съ круглымъ французскимъ хлѣбомъ, лежала кошка и спала; позади нея стояла большая банка съ свинымъ саломъ и нѣсколько банокъ съ крупами. Нѣкоторое время я стоялъ и смотрѣлъ на всѣ эти богатства, но такъ какъ у меня не было денегъ, чтобы купить чего-нибудь, то я быстро отвернулся и продолжалъ свой путь. Я шелъ очень медленно, шелъ безконечно долго, все дальше и дальше и, наконецъ, вышелъ за городъ въ буковую рощу.

Я свернулъ съ дороги и сѣлъ отдохнуть. Затѣмъ я принялся отыскивать удобное мѣстечко для ночлега, сталъ собирать хворостъ и сухія вѣтки и, устроивъ себѣ постель въ небольшомъ углубленіи почвы, гдѣ было немного суше, развернулъ свой пакетъ и вынулъ одѣяло. Отъ долгой ходьбы я чувствовалъ усталость и разбитость и сейчасъ же легъ. Я долго ворочался съ боку на бокъ, пока не нашелъ удобнаго положенія; ухо мое болѣло, оно слегка распухло отъ удара бичемъ, и я не могъ на немъ лежать. Сапоги я снялъ съ себя и подложилъ ихъ подъ голову, накрывъ бумагой отъ Семба.

Вокругъ меня царило величественное спокойствіе мрака; все было тихо кругомъ, нигдѣ ни звука. Только высоко надъ головой слышалась вѣчная мелодія, не прекращающееся движеніе воздуха, отдаленное, беззвучное, никогда не умолкающее гудѣніе. Я такъ долго прислушивался къ этому нескончаемому, чуть слышному гулу, что, въ концѣ концовъ, почувствовалъ внутренній трепетъ; это были, навѣрное, симфоніи движущихся въ вышинѣ міровъ, безконечные хоры созвѣздій...

— Къ чорту! — сказалъ я и разсмѣялся вслухъ, чтобы придать себѣ бодрости; — вѣдь это ночныя совы кричатъ въ лѣсу!

И я подымался и снова ложился, надѣвалъ сапоги и бродилъ въ темнотѣ по лѣсу, опять ложился и такъ промучился до разсвѣта, стараясь побороть досаду и страхъ. Лишь подъ утро я заснулъ.

Было совершенно свътло, когда я проснулся, и у меня было ощущеніе, что время близится къ полудню. Я надълъ сапоги, снова завернулъ свое одъяло и отправился обратно въ городъ. Солнца и сегодня не было видать, и я зябъ, какъ собака; ноги мои совершенно онъмъли и глаза слезились, словно не могли выносить дневного свъта.

Выло три часа. Голодъ становился все мучительнье, я чувствовалъ большую слабость, и по временамъ у меня дълалась легкая рвота. Я спустился къ паровой кухнъ, прочиталъ вывъшенное меню и демонстративно пожалъ плечами, стараясь показать этимъ, что солонина для меня не ъда; затъмъ, я отправился къ вокзальной площади.

Вдругъ я почувствовалъ странное головокруженіе: я пошелъ дальше, рѣшивъ не обращать на него вниманія, но оно становилось все сильнѣе и, въ концѣ концовъ, я долженъ былъ присѣсть на ступеньки подъѣзда, мимо котораго я проходилъ. Во всемъ моемъ существѣ сразу прозошла какая-то перемѣна, словно что-то внутри меня сдвинулось въ сторону или какая-то завѣса въ мозгу моемъ разорвалась. Я нѣсколько разъ глубоко перевелъ духъ и продолжалъ сидѣть, съ изумленіемъ прислушиваясь къ своему состоянію. Я былъ въ полномъ сознаніи, я ясно чувствовалъ легкую боль въ ухѣ со вчерашняго дня, и, когда мимо меня прошелъ знакомый, я сразу его узналъ, всталъ и поклонился.

Что это еще за новое, мучительное ощущеніе присоединилось теперь ко всѣмъ прочимъ? Явилось пи оно слѣдствіемъ того, что я провелъ ночь на сырой землѣ? Или это оттого, что я еще ничего не ѣлъ? Собственно говоря, это прямо безсмыслица жить такимъ образомъ; клянусь всѣми святыми, я не понимаю, чѣмъ я заслужилъ эти необыкновенныя преслѣдованія судьбы. И вдругъ мнѣ приходитъ въ голову мысль: отчего бы мнѣ сейчасъ ужъ не смошенничать и не отправиться съ одѣяломъ въ помбардъ? Я могъ бы спустить его за крону и получить возможность три раза пообѣдать, продержаться такимъ образомъ, пока мнѣ не удастся найти какой-нибудь выходъ; Гансу Паули я ужъ что-нибудь навру. И я направился къ ломбарду, но дойдя до подъѣзда, остановился, нерѣшительно покачалъ головой и повернулъ обратно.

По мъръ того, какъ я удалялся отъ ломбарда, я чувство-

валъ все большую и большую радость отъ того, что устоялъ противъ этого тяжелаго искушенія. Сознаніе, что я еще могу быть честнымъ человъкомъ, вскружило мнъ голову, наполнило меня восхитительной увъренностью, что я представляю собою индивидуальность съ твердымъ характеромъ, являюсь ярко горящимъ маякомъ среди мутнаго человъческаго моря, покрытаго обломками крушенія. Заложить чужую собственность ради объда, насытиться цъной суроваго приговора, который пришлось бы вынести самому себъ, заклеймить свою совъсть первымъ безчестнымъ поступкомъ, набросить первое темное пятно на свою порядочность, назвать самого себя въ лицо мошенникомъ и быть вынужденнымъ опустить глаза передъ самимъ собою - никогда! никогда! Я никогда объ этомъ серьезно и не думалъ, мнъ и въ голову это не приходило: за безсвязныя, мимолетныя мысли нельзя быть отвътственнымъ, особенно, когда у человъка адски болитъ голова и когда онъ до изнеможенія долженъ тащиться съ одвяломъ, принадлежащимъ другому.

Въ концѣ концовъ, безъ всякаго сомнѣнія, найдется же какой-нибудь выходъ изъ этого положенія! У меня еще есть, напримѣръ, купецъ на Грэнландслеретъ; развѣ я безпрестанно напоминалъ ему о себѣ съ тѣхъ поръ, какъ отправилъ ему свое письмо? развѣ я звонилъ у его дверей рано утромъ и поздно вечеромъ и получалъ отказы? Я вѣдь даже не явился къ нему за отвѣтомъ. Вѣдь нигдѣ не сказано, что и эта попытка потерпитъ полную неудачу, можетъ быть, на этотъ разъ счастье мнѣ улыбнется, вѣдь счастье часто идетъ неисповѣдимыми путями. И я отправился на Грэнлансдлеретъ.

Послѣдняя борьба съ самимъ собою немного утомила меня, и я шелъочень медленно, раздумывая о томъ, что я скажу купцу Кристи. Можетъ быть, онъ окажется добрымъ человѣкомъ; придетъ ему фантазія — и онъ охотно дастъ мнѣ крону впередъ за работу, не дожидаясь моей просьбы; по-

добнымъ людямъ приходятъ иногда въ голову самыя превосходныя фантазіи.

Я зашелъ въ первыя попавшіяся ворота и смочилъ слюной брюки на колѣняхъ, чтобы придать имъ болѣе приличный видъ, затѣмъ положилъ свое одѣяло на какой-то ящикъ, стоявшій въ темномъ углу, перешелъ черезъ улицу и вошелъ въ маленькую лавочку купца Кристи.

За прилавкомъ стоялъ человъкъ и склеивалъ мъшечки изъ старой газетной бумаги.

- Я бы хотълъ видъть господина Кристи, сказалъ я.
- Это я, отвътилъ человъкъ.

Меня зовутъ такъ-то и такъ-то, я позволилъ себъ послать ему письмо съ предложеніемъ своихъ услугъ, я хотълъ бы знать, могу ли я разсчитывать на благопріятный отвътъ.

Онъ нѣсколько разъ повторилъ мое имя и началъ смѣяться. — А вотъ я вамъ покажу, — сказалъ онъ, вынимая изъ бокового кармана мое письмо.—Потрудитесь посмотрѣть, какъ вы обходитесь съ цифрами, молодой человѣкъ. Вы помѣтили свое письмо 1848 годомъ.

И онъ захохоталъ во все горло.

- Да, это было не совсѣмъ правильно, проговорилъ я робко, — я сознаюсь, что это, съ моей стороны, разсѣянность, невниманіе.
- Видите ли, мнѣ нуженъ человѣкъ, который не дѣлаетъ ошибокъ въ цифрахъ, сказалъ онъ. Мнѣ очень жаль; у васъ такой отчетливый почеркъ, да и вообще мнѣ ваше письмо понравилось, но...

Я съ минуту подождалъ; это не могло быть его послъднимъ словомъ. Онъ снова занялся своими мъшечками.

— Да, это досадно, —заговорилъ я опять, —это, дъйствительно, очень досадно; но это, конечно, больше не повторится, и эта маленькая оплошность въдь еще не доказываетъ, что я вообще совершенно неспособенъ къ веденію книгъ?

- Нѣтъ, этого я и не говорю, отвѣтилъ онъ; но, во всякомъ случаѣ, это имѣло въ моихъ глазахъ настолько большое значеніе, что я рѣшилъ остановить свой выборъ на другомъ.
 - Такъ, значитъ, мъсто занято? спросилъ я.
 - Да.
- Но, Боже мой, въ такомъ случаѣ, вѣдь не о чемъ и говорить!
 - Да. Миъ очень жаль; но...
 - Прощайте! сказалъ я.

Теперь въ душъ моей поднялся гнъвъ, дикій, жгучій гнъвъ. Я досталъ свой пакетъ изъ подворотни и, стиснувъ зубы, пошелъ дальше, толкая мирныхъ пъшеходовъ на панели и не извиняясь передъ ними. Когда одинъ господинъ остановился и сдълалъ мнъ ръзкое замъчаніе по поводу моего поведенія, я повернулся къ нему, крикнулъ ему прямо въ ухо какое-то безсмысленное слово, поднялъ сжатые кулаки къ самому его носу и пошелъ дальше, весь во власти слъпого бъшенства, котораго я не могъ побороть. Онъ крикнулъ городового, и я ничего такъ не желалъ, какъ стать на одну минуту лицомъ къ лицу съ городовымъ; я нарочно замедлилъ шагъ, чтобы дать ему возможность догнать меня; но онъ не явился. Былъ ли какой-нибудь разумный смыслъ въ томъ, что абсолютно всъ самыя искреннія, самыя неутомимыя мои поцытки оканчивались неудачей? И надо же было мнъ написать 1848 годъ! Какое мнъ было дъло до этого проклятаго года? Вотъ я хожу теперь и голодаю такъ, что вст мои внутренности переворачиваются во мнт, какъ змѣи, и нигдѣ рѣшительно не сказано, что до наступленія ночи я найду хоть что-нибудь поъсть. И по мъръ того, какъ время шло, я чувствовалъ въ себъ, душевно и физически, все большую и большую пустоту; съ каждымъ днемъ я опускался нравственно все ниже и ниже. Я лгалъ, не краснъя, надувалъ бъдныхъ людей, не платя имъ за квартиру, долженъ

былъ бороться съ самыми низкими побужденіями, былъ готовъ посягать на чужія одъяла и все это продълываль безъ заэрънія совъсти и безъ тъни раскаянія. Въ душть моей завелась гниль, черный грибъ, захватывавшій все большее и большее пространство. А вверху, на небъ, сидълъ Господь и не сводилъ съ меня своего бдительнаго взора, и слъдилъ за тъмъ, чтобы паденіе мое совершалось по всты правиламъ искусства, медленно и равномърно, не сбиваясь съ такта. Въ глубинть же ада копошились черти, и злились, и негодовали на то, что столько времени требуется мнть, чтобы совершить капитальный гртъхъ, непростительный гртъхъ, за который Господь въ справедливости Своей низвергнетъ меня внизъ...

Я ускориль шагь; я шель все быстрве и быстрве, потомъ внезапно свернуль налво и, возбужденный и гнвный, очутился вдругь въ ярко осввщенномъ, богато разукрашенномъ подъвздв. Я не остановился, ни на одну минуту не замедлиль шага; но вся своеобразная архитектура подъвзда моментально проникла въ мое сознаніе, всв мельчайшія лвпныя украшенія на дверяхъ, особымъ образомъ вымощенная панель—все это ясно и отчетливо стояло предъмоимъ внутреннимъ взоромъ, покуда я взбвгалъ по лвстницв. Я сильно дернулъ звонокъ во второмъ этажъ. Почему я остановился какъ разъ во второмъ этажъ? И почему я потянулъ именно эту ручку звонка, находившуюся дальше отъ меня на площадкъ?

Молодая дъвушка, въ съромъ, отдъланномъ чернымъ кружевомъ, платьи, открыла дверь и выглянула; съ минуту она смотръла на меня въ изумленіи, но затъмъ покачала головой и сказала:

— Нътъ, сегодня у насъ ничего нътъ.

И она приготовилась закрыть дверь.

И надо же было мнъ наткнуться какъ разъ на эту особу! Она съ перваго взгляда приняла меня за нищаго. Ко мнъ сразу вернулось мое хладнокровіе и спокойствіє; я снялъ шляпу, отвъсилъ почтительный поклонъ и, сдълавъ видъ, что совершенно не слыхалъ ея словъ, произнесъ чрезвычайно въжливо:

— Прошу меня извинить, фрэкенъ, что я такъ сильно позвонилъ, я не зналъ звонка. Не здѣсь ли живетъ больной господинъ, помѣстившій объявленіе, что ищетъ человѣка, который бы возилъ его коляску?

Она съ минуту стояла, словно застигнутая врасплохъ этой лживой выдумкой, ея первое впечатлѣніе о моей особѣ, повидимому, поколебалось.

- Нѣтъ, сказала она, наконецъ, нѣтъ, здѣсь нѣтъ никакого больного господина.
- Нѣтъ? Пожилой господинъ, два часа въ день работы, по сорока эре за часъ?
 - Нътъ.
- Въ такомъ случаѣ, я снова долженъ извиниться, сказалъ я; это, должно быть, въ первомъ этажѣ. Я хотѣлъ только рекомендовать одного человѣка, котораго я знаю и которымъ интересуюсь. Мое имя Ведель-Іарльсбергъ.

Я снова поклонился и отступилъ назадъ. Молодая дъвушка покраснъла, какъ огонь, въ смущеніи она не двигалась съ мъста, а стояла и смотръла мнъ вслъдъ, покуда я спускался съ лъстницы.

Спокойствіе вернулось ко мнѣ, голова моя прояснилась. Слова молодой дѣвушки, что у нихъ сегодня ничего нѣтъ, подѣйствовали на меня, какъ холодный душъ. Такъ вотъ до чего дошло дѣло! Всякій встрѣчный можетъ указать на меня пальцемъ и проговорить мысленно: вотъ идетъ нищій, одинъ изъ тѣхъ, которые живутъ тѣмъ, что добрые люди подаютъ имъ черезъ дверь!

На Мэллергаденъ я остановился у трактира и сталъ вдыхать въ себя доносившійся оттуда запахъ свѣжаго мяса; я уже ухватился было за ручку двери и собирался войти, но во время опомнился и отошелъ прочь. Когда я пришелъ на Сторторветъ и сталъ искать мъстечка, гдъ бы можно было присъсть, оказалось, что всъ скамьи заняты, и я тщетно ходилъ вокругъ церкви, ища уголка, гдъ-бы я могъ отдохнуть. Конечно! проговорилъ я мрачно, конечно, конечно! И я пошелъ дальше. Я остановился у фонтана на углу базарной площади, выпилъ воды и снова пошелъ, еле передвигая ноги, останавливаясь подолгу у каждой витрины, стоя среди панели и слъдя глазами за каждой проъзжавшей мимо коляской. Голова моя горъла, и какъ то странно стучало въ вискахъ. Отъ выпитой воды меня сильно тошнило, и я по временамъ незамътно выплевывалъ ее понемногу, стараясь не обращать на себя ничьего вниманія. Такъ я добрался до кладбища. Я сълъ, оперся локтями на колънии опустилъ голову на руки; въ этой позъ мнъ было хорошо, и я не чувствовалъ больше легкой, ноющей боли въ груди.

Неподалеку отъ меня, на большой гранитной плитѣ, пежалъ на животѣ каменьщикъ и вырѣзалъ надпись; на глазахъ у него были синіе очки, и онъ вдругъ напомнилъ мнѣ одного знакомаго, о которомъ я почти забылъ, онъ служилъ въ банкѣ, и нѣсколько времени тому назадъ я встрѣтилъ его въ кафэ.

Если бы только я могъ побороть стыдъ и обратиться къ нему! разсказать ему всю правду, что дѣла мои плохи и что мнѣ даже нечѣмъ жить! Я могъ бы ему дать свою абонементную книжку изъ парикмахерской... Чортъ возьми! моя абонементная книжка! Въ ней билетовъ почти на крону! И я нервно сую руку въ карманъ за драгоцѣннымъ сокровищемъ. Не находя его сразу, я вскакиваю, весь покрываюсь потомъ отъ страха, наконецъ, нахожу его на самомъ днѣ бокового кармана, вмѣстѣ съ другими бумагами, чистыми и исписанными, потерявшими всякую цѣну. Я нѣсколько разъ пересчитываю эти шесть билетовъ, считаю ихъ отъ начала къ концу и отъ конца къ началу; мнѣ они совершенно не

нужны, въдь могла же мнъ придти фантазія перестать бриться. Я такимъ образомъ оказываюсь обладателемъ полукроны, цълой полукроны изъ чистъйшаго серебра! Банки закрываются въ шесть часовъ, я, слъдовательно, могу подстеречь моего знакомаго у кафе часовъ около семи-восьми.

Я долго сидълъ, радуясь этой мысли, такъ неожиданно пришедшей мнъ въ голову. Время шло, вътеръ шумълъ вокругъ меня верхушками каштановыхъ деревьевъ, день клонился къ вечеру. Въ сущности, было ли удобно являться съ шестью жалкими билетами для бритья къ молодому человъку, служащему въ банкъ? У него, можетъ быть, въ карманъ двъ туго набитыхъ абонементныхъ книжки, съ гораздо лучшими и болъе чистыми билетами, чъмъ мои, почемъ я знаю? Я сталъ искать во всъхъ карманахъ чего-нибудь, что бы можно было еще прибавить къ этимъ билетамъ, но не находилъ ничего. Не предложить ли ему мой галстукъ? Я прекрасно могу обойтись безъ него, если застегну сюртукъ до верху. что я все равно вынужденъ дълать, такъ какъ у меня нътъ жилета. Я снялъ свой галстукъ, большой черный бантъ, закрывавшій мнѣ половину груди, тщательно вычистилъ его и завернулъ вмѣстѣ съ абонементной книжкой въ чистую бумагу. Затъмъ я вышелъ съ кладбища и направился къ кафе.

На ратушѣ часы показывали семь. Я все время оставался вблизи кафе, ходилъ взадъ и впередъ вдоль желѣзной рѣшетки и зорко слѣдилъ за всѣми, кто входилъ и выходилъ изъ дверей. Наконецъ, около восьми часовъ, я увидалъ своего молодого человѣка; свѣжій и элегантный, онъ спускался съ холма, направляясь прямо къ кафе. Сердце у меня въ груди забилось, какъ птица, и, не здороваясь, я прямо накинулся на него.

— Полъ кроны, дружище!—сказалъ я чрезвычайно развязно;—а вотъ и залогъ.—И я сунулъ свой свертокъ ему въ руку.

Нѣтъ ничего, — отвѣтилъ онъ, — видитъ Богъ, ни одного

эре!—и онъ вывернулъ передъ моими глазами свой кошелекъ.—Вчера вечеромъ я немного прокутился и остался на мели; повъръте мнъ, я самъ безъ гроша.

— Да нътъ, голубчикъ, я вполнъ върю вамъ, — отвътилъ я, и я, дъйствительно, върилъ ему на слово; въдь не сталъ бы онъ лгать изъ за-такой мелочи; мнъ показалось даже, будто голубые глаза его подернулись влагой, покуда онъ шарилъ въ карманахъ и ничего не находилъ въ нихъ. Я простился съ нимъ. — Вы меня извините, — сказалъ я, — но я сейчасъ какъ разъ нахожусь въ нъкоторомъ затрудненіи.

Я успълъ уже удалиться на порядочное разстояніе, когда онъ догналъ меня и протянулъ мнъ мой свертокъ.

— Оставьте его, оставьте его себѣ! — сказалъ я; — я охотно даю его вамъ! Въ немъ не болѣе, какъ пара мелочей, пустяки, — приблизительно все, чѣмъ я обладаю на этомъ свѣтѣ.

Я самъбылъ тронутъ своими словами, они такъ безутъшно прозвучали среди сумерекъ наступающаго вечера, что слезы выступили у меня на глазахъ...

Вътеръ усиливался, по небу быстро неслись облака; становилось все холоднъе по мъръ того, какъ сумерки сгущались. Я шелъ по улицъ и все время плакалъ; я чувствовалъ все большее и большее состраданіе къ самому себъ и безпрестанно повторялъ одни и тъ же слова, возгласъ, снова вызывавшій на глаза мои слезы, какъ только онъ переставали течь: Боже мой, какъ мнъ тяжело! Боже мой, какъ мнъ тяжело!

Прошелъ часъ, онъ тянулся такъ безконечно медленно и вяло. Я долго оставался на Торфгаденъ, садился на ступеньки подъъздовъ, прокрадывался въ ворота, когда кто-нибудь приближался, подолгу стоялъ, устремивъ безсмысленный взглядъ на освъщенныя окна магазиновъ, въ которыхъ люди безостановочно двигались взадъ и впередъ, перебирая въ рукахъ товары и деньги; въ концъ концовъ, я отыскалъ защищен-

ный уголокъ позади кучи досокъ, сложенныхъ между церковью и базарной площадью.

Нѣтъ, сегодня я не въ состояніи снова отправиться въ лѣсъ, пусть будетъ, что будетъ, у меня совершенно нѣтъ больше силъ, а путь такъ безконечно дологъ. Я предпочитаю провести ночь, какъ придется, только бы не двигаться теперь съ мѣста; если станетъ слишкомъ холодно, я буду гулять вокругъ церкви, вотъ и все. И я закрылъ глаза и погрузился въ дремоту.

Шумъ вокругъ меня затихалъ, магазины закрывались, шаги пъшеходовъ доносились все ръже и ръже и, наконецъ, свътъ погасъ во всъхъ окнахъ...

Открывъ глаза, я увидалъ передъ собою какую-то фигуру; свътившіяся въ темнотъ пуговицы заставили меня предположить, что передо мною находится констабль; лица его мнъ не было видно.

- Добрый вечеръ!-сказалъ онъ.
- Добрый вечеръ! отвѣтилъ я испуганно. Я въ смущеніи поднялся со своего мѣста. Онъ съ минуту стоялъ неподвижно.
 - Гдѣ вы живете?--спросилъ онъ.

Я по старой привычкѣ, не задумываясь, назвалъ свой прежній адресъ, маленькую мансарду, которую я покинулъ.

Онъ снова помолчалъ.

- Я сдълалъ что-нибудь дурное? спросилъ я боязливо.
- Нѣтъ, ничего подобнаго!—отвѣтилъ онъ.—Но лучше бы вамъ пойти домой, здѣсь вѣдь холодно лежать.
 - Да, это правда, становится холодно.

Я сказалъ спокойной ночи и инстинктивно пошелъ по направленію къ своей прежней квартирѣ. При большой осторожности я могу подняться наверхъ такъ, что никто не услышитъ, вѣдь всего то пять этажей, и только въ верхнемъ этажѣ ступеньки лѣстницы скрипятъ.

Я еще внизу снялъ сапоги и сталъ подыматься. Все

было тихо кругомъ; во второмъ этажѣ я услыхалъ медленное тиканье часовъ и тихій плачъ ребенка; больше ничего не было слышно. Я нащупалъ свою дверь, слегка приподнялъ ее на петляхъ и, по обыкновенію, открылъ безъ ключа; войдя въ комнату, я неслышно затворилъ за собою дверь.

Все въ комнатъ было въ томъ же видъ, въ какомъ я оставилъ ее: занавъски на окнахъ были отдернуты въ сторону и кровать была пуста; на столъ бълъла бумага, это была, можетъ быть, моя записка, которую я оставилъ хозяйкъ; значитъ, она даже не была наверху ни разу съ тъхъ поръ, какъ я покинулъ комнату. Я нашупалъ рукой бълую поверхность и, къ своему удивленію, увидалъ, что это было письмо. Письмо? Я подношу его къ окну, всматриваюсь, насколько позволяетъ мракъ, въ неразборчиво написанныя буквы, и, наконецъ, мнъ удается прочесть на конвертъ свое собственное имя. Ага! подумалъ я, отвътъ отъ хозяйки, запрещеніе переступать порогъ этой комнаты, если бы мнъ вздумалось вернуться сюда!

И медленно, очень медленно я снова выхожу изъ комнаты, держа сапоги въ одной рукѣ, письмо въ другой и одѣяло подъ мышкой.

Я стараюсь ступать, какъ можно легче, стискиваю зубы при малъйшемъ скрипъ ступенекъ, наконецъ, благополучно спускаюсь внизъ и снова стою на улицъ.

Я опять надъваю сапоги, неторопливо завязываю ремешки, съ минуту еще сижу спокойно, покончивъ съ этимъ, и смотрю неподвижно впередъ, все еще продолжая держать письмо въ рукъ.

Наконецъ, я подымаюсь и иду.

Въ нѣкоторомъ отдаленіи мерцаетъ свѣтъ газоваго фонаря; я подхожу, прислоняю свой пакетъ къ столбу и распечатываю письмо; все это я продѣлываю крайне медленно.

Вдругъ словно струя свъта пронизываетъ грудь мою, и у меня вырывается какой-то возгласъ, безсмысленное воскли-

цаніе радости: письмо оказывается отъ редактора, мой фельетонъ принятъ и уже сданъ въ наборъ! "Нъсколько мелкихъ измъненій... нъсколько описокъ... написано чрезвычайно талантливо... будетъ напечатано завтра... десять кронъ".

Я смъялся и плакалъ, прыгалъ и бъгалъ по улицъ, останавливался и хлопалъ себя по колънямъ, клянясь вслухънеизвъстно кому. И часы шли.

Всю ночь, до самаго утра, я бродилъ, ликуя, по улицамъ, совершенно поглупъвъ отъ радости и повторяя: написано чрезвычайно талантливо, значитъ, маленькій шедевръ, геніальное произведеніе. И десять кронъ!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Нъсколько недъль спустя я однажды вечеромъ находился за городомъ.

Я снова сидъпъ на одномъ изъ кладбищъ и писалъ статью для одной изъ газетъ; покуда я былъ занятъ этой работой, пробило десять часовъ, на кладбищъ стемнъло, и скоро должны были запереть ворота. Я былъ голоденъ, очень голоденъ; десяти кронъ, къ сожалѣнію, хватило ненадолго; прошло уже двое, почти трое сутокъ, что я ничего не ѣлъ, и я чувствовалъ нѣкоторую слабость, усталость отъ долгаго писанія карандашомъ. Въ карманъ у меня находились половинка перочиннаго ножика и связка ключей—но ни одного эре.

Когда закрылись ворота кладбища, мнѣ надо было бы въ сущности отправиться домой; но изъ инстинктивнаго страха передъ своей комнатой, гдѣ было такъ темно и пусто,—покинутой мастерской жестяныхъ издѣлій, въ которой мнѣ было позволено временно жить,—я продолжалъ ходить по улицамъ, куда глаза глядятъ, прошелъ мимо ратуши, спустился къ морю и, добравшись до скамьи на желѣзнодорожномъ мосту, сѣлъ.

Въ эту минуту ни одной грустной мысли не было у меня въ головъ, я забылъ свою нужду и чувствовалъ только, какъ здъсь, на пристани, такой мирной и красивой въ этотъ сумеречный часъ, въ душу мнъ проникаетъ покой. По старой привычкъ я хотълъ перечесть, чтобы доставить себъ удовольствіе, статью, которою я только что написалъ и которая казалась мнъ лучше всего, сдъланнаго мною до сихъ

поръ. Я вынулъ изъ кармана рукопись, приблизилъ ее къ глазамъ, чтобы лучше видѣть, и сталъ пробѣгать страницу за страницей. Въ концѣ концовъ, я почувствовалъ усталость и спряталъ бумагу въ карманъ. Все было тихо кругомъ; море тянулось вдаль своей отливавшей голубымъ перламутромъ поверхностью, и маленькія пташки неслышно перелетали мимо меня съ мѣста на мѣсто. Неподалеку отъ меня дежурный констабль ходитъ взадъ и впередъ, но кромѣ него ни души не видать; гавань вся молчалива.

Я снова пересчитываю свои богатства: половинка перочиннаго ножика и связка ключей; но ни одного эре. Вдругъ я опять засовываю руку въ карманъ и вытаскиваю оттуда бумагу. Это было механическое дъйствіе, безсознательное, нервное движеніе. Я выбираю чистый, незаписанный листъ и—одному Богу извъстно, какъ мнъ пришла въ голову такая мысль— свертываю бумагу трубочкой, тщательно закрываю ее съ объихъ сторонъ, такъ что она выглядитъ туго набитой, и бросаю ее впереди себя на мостовую; вътеръ относитъ ее еще немного дальше, и она остается среди мостовой.

Между тѣмъ голодъ начиналъ становиться весьма чувствительнымъ Я сидѣлъ и смотрѣлъ на этотъ бѣлый бумажный валикъ, словно набитый блестящими серебряными монетами, и старался увѣрить себя самого, что въ немъ, дѣйствительно, что-то содержится. Я вслухъ подстрекалъ самого себя отгадать сумму—если я отгадаю, она будетъ моей. Я представлялъ себѣ маленькія, изящныя монеты въ десять эре снизу и крупныя кроны сверху,—валикъ, весь набитый монетами. Я сидѣлъ и смотрѣлъ на него широко раскрытыми, жадными глазами и убѣждалъ самого себя пойти, поднять его и присвоить себѣ.

Въ эту минуту констабль кашлянулъ, и—какъ мнѣ пришло въ голову сдѣлать совершенно то же самое?—я приподымаюсь на скамъѣ и тоже кашляю, и повторяю это три раза, для того, чтобы онъ услыхалъ. Воображаю, какъ

онъ набросится на бумажный валикъ, когда приблизится и замѣтитъ его! Я сидѣлъ и радовался этой выдумкѣ, въ восхищеніи потиралъ руки, и ругался, и клялся при этомъ, на чемъ свѣтъ стоитъ. Ахъ, съ какимъ длиннымъ носомъ останется эта собака! Какъ онъ будетъ злиться до бѣсиковъ, что надъ нимъ такъ подшутили! Я былъ совершенно внѣ себя, голодъ возбуждалъ меня до опьяненія.

Нъсколько минутъ спустя приближается констабль, стуча по камнямъ желъзными гвоздями своихъ каблуковъ и озираясь во вст стороны. Онъ не торопится, у него еще цтая ночь впереди: онъ не замъчаетъ валика, не замъчаетъ его, пока не подходитъ къ нему вплотную. Тогда онъ останавливается и начинаетъ его разглядывать. Валикъ такъ соблазнительно бълъетъ на землъ и кажется такимъ туго набитымъ; можетъ быть, въ немъ деньги, что? куча серебряныхъ монетъ?... И онъ поднимаетъ его. Гм! валикъ легокъ, очень легокъ. Можетъ быть, въ немъ лежитъ какое-нибудь драгоцънное перо, украшеніе для шляпы... И онъ осторожно открываетъ его своими большими руками и заглядываетъ въ него. Я хохоталъ, хохоталъ, хлопая себя по колфиямъ, какъ сумасшедшій. Но ни одинъ звукъ не вырвался изъ моего горла; это былъ беззвучный, бользненный смыхъ, жгучій, какъ рыданіе...

Снова застучали сапоги по мостовой, и констабль поднялся на мостъ. Я сидълъ еще со слезами на глазахъ, едва переводя духъ, возбужденный и весь охваченный лихорадочной веселостью. Я принялся говорить вслухъ, разсказалъ самому себъ исторію съ бумажнымъ валикомъ, передразнивая каждое движеніе констабля, заглядывая въ пустой кулакъ и повторяя про себя: онъ кашлянулъ, когда отбросилъ его! онъ кашлянулъ, когда отбросилъ его! Къ этимъ словамъ я прибавлялъ новыя, придумывалъ наиболъ ядовитыя выраженія, переворачивалъ всю фразу и, наконецъ, отточилъ ее такимъ образомъ: онъ кашлянулъ одинъ разъ—кхэгэ!

Я изощрялся во всевозможныхъ варіаціяхъ на эти слова, и прошло много времени, пока моя веселость, наконецъ, улеглась. Сонливое спокойствіе овладало мною, пріятная усталость, которой я не противился. Мракъ еще нѣсколько сгустился, легкій вітерокъ пробівгаль по перламутровой поверхности моря; суда, мачты которыхъ темными силуэтами выдълялись на фонъ неба, своими огромными черными остовами походили на какихъ-то молчаливыхъ, лежавшихъ, ощетинившись, и поджидавшихъ меня въ моръ чудовищъ. Я не чувствовалъ никакой боли, голодъ притупилъ ее; на мъсто ея появилось пріятное ощущеніе пустоты, неприкосновенности ко всему, что было вокругъ меня, и радости, что никто меня не видитъ. Я протянулъ ноги на скамью и облокотился на спинку ея, такъ я лучше всего ощущалъ все блаженство оторванности отъ окружающаго. Въ душъ моей не было ни облачка, никакого непріятнаго ощущенія и, насколько могла охватить мысль, ни одного желанія, ни одного неудовлетвореннаго стремленія. Я лежалъ съ открытыми глазами, въ состояніи отчужденности отъ самого себя; я чувствовалъ себя дивно далекимъ.

Ни одинъ звукъ извнѣ не нарушалъ моего настроенія; мягкая пелена мрака скрыла отъ глазъ моихъ весь міръ и погрузила меня въ идеальный покой—только пустынная тишина монотонно звучала въ ушахъ моихъ. А темныя чудовища вдали хотятъ увлечь меня съ собой, когда наступитъ ночь, и они понесутъ меня далеко за моря, черезъ чуждыя, невѣдомыя страны, гдѣ не живетъ ни одно человѣческое существо. И они унесутъ меня во дворецъ принцессы Илаяли, гдѣ меня ждетъ неизреченное блаженство, какого не испытывалъ ни одинъ человѣкъ. И сама она возсѣдаетъ въ пучезарномъ залѣ, гдѣ все изъ сплошного аметиста, на тронѣ изъ желтыхъ розъ; и она протягиваетъ мнѣ руку, когда я вхожу въ залъ, и привѣтствуетъ меня, когда я приближаюсь къ ней и преклоняю передъ ней колѣни: будь желаннымъ

гостемъ, рыцарь, для меня и для страны моей! Я ждала тебя двадцать весенъ и звала тебя въ каждую свътлую ночь, и когда ты былъ печаленъ, я плакала здъсь, у себя, а когда ты спалъ, я навъвала на тебя сладкія грезы... И красавица беретъ меня за руку и ведетъ меня, она ведетъ меня по длиннымъ галлереямъ, гдъ огромныя толпы народа кричатъ ура, черезъ свътлые сады, гдъ триста молодыхъ дъвушекъ играютъ и ръзвятся, въ другой залъ, весь изъ сверкающаго смарагда. Солнце льетъ въ него свои лучи, со всъхъ галлерей и проходовъ доносятся чудные хоры музыки, и струи сладкаго аромата несутся мнъ навстръчу. Я держу ея руку въ своей рукъ и чувствую въ крови своей дивные чары волшебства; я обнимаю ея станъ, и она шепчетъ: не здъсь, пойдемъ дальше! И мы входимъ въ красный залъ, гдъ все изъ сплошного рубина, и все искрится въ невиданномъ блескъ. И, ослъпленный, я падаю къ ея ногамъ. И я чувствую, какъ руки ея обвиваются вокругъ моей шеи, дыханіе ея касается моего лица, и она шепчетъ: привътствую тебя, возлюбленный мой! Цълуй меня, цълуй!.. еще... еще...

Лежа на скамьъ, я вижу звъзды надъ своей головой, и мысль моя тонетъ въ моръ свъта...

Я заснулъ, и меня разбудилъ констабль. Я сидълъ на скамъъ, безжалостно возвращенный къ жизни и страданіямъ. Моимъ первымъ ощущеніемъ было тупое изумленіе при видъ открытаго неба у себя надъ головой, но оно сейчасъ же уступило мъсто горечи и отчаянію; я былъ готовъ плакать при мысли, что я все еще живу. Пока я спалъ, пошелъ дождь, платье мое промокло насквозь, и я чувствовалъ, какъ холодная сырость пронизываетъ все мое тъло. Мракъ еще больше сгустился, и я съ трудомъ могъ различить лицо стоявшаго передо мною констабля.

— Такъ! — сказалъ онъ, — вставайте-ка!

Я сразу поднялся; если бы онъ приказалъ мнѣ снова лечь, я точно такъ же повиновался бы ему. Я былъ очень

угнетенъ и совершенно безъ силъ; къ этому присоединилось еще то, что я въ первое же мгновеніе снова почувствовалъ голодъ.

- Погодите! крикнулъ мнѣ вслѣдъ констабль, вѣдь вы забыли свою шляпу, дуралей этакой! Такъ, теперь ступайте!
- Мнѣ и казалось, будто будто я что-то забылъ, пробормоталъ я съ отсутствующимъ видомъ. Благодарю васъ. Спокойной ночи.

И я снова пустился бродить.

Ахъ, если бы теперь имъть хоть кусочекъ хлъба! Эдакой восхитительный маленькій ржаной хлѣбецъ, въ который можно было бы запустить зубы на ходу! И я рисовалъ себъ въ воображеніи особый сортъ ржаного хлѣба, который недурно было бы имъть теперь въ рукахъ. Я чувствовалъ отчаянный голодъ, я хотълъ умереть и не существовать больше, пришелъ въ сантиментальное настроеніе и сталъ плакать. Конца никогда не будетъ моимъ мученіямъ! Вдругъ я останавливаюсь среди улицы, топаю ногой и начинаю вслухъ произносить проклятія. Какъ онъ меня назвалъ? Дуралеемъ? Я ему покажу, какъ меня называть дуралеемъ! И я повернулъ и побъжалъ обратно. Во мнъ все кипъло отъ бъщенства, Я споткнулся и упалъ, но не обратилъ на это никакого вниманія, вскочилъ и побъжалъ дальше. Добъжавъ до желъзнодорожной площади, я почувствовалъ такую усталость, что рѣшительно не былъ въ состояніи продолжать свой путь до моста; мой гнѣвъ между тѣмъ успѣлъ охладиться. Наконецъ, я остановился и перевелъ духъ. Не все ли равно, въ концѣ концовъ, что мнѣ скажетъ какой-нибудь констабль? - Да, но не могу же я позволить всякому говорить, что ему угодно! — Совершенно върно! прервалъ я самого себя; но можно ли отъ него требовать большаго? - И это извиненіе я нашелъ вполнѣ удовлетворительнымъ; я повторилъ себъ, что отъ него нельзя требовать большаго. И я опять повернулъ обратно.

Боже мой, чего я только не продалываю! думаль я съ горечью; бъжать, какъ сумасшедшій, по темнымъ улицамъ, въ насквозь промокшемъ платьи! Голодъ невыносимо мучилъ меня и не давалъ мнъ покою. Я все снова и снова глоталъ слюну, чтобы хоть что-нибудь давать своему желудку, и мнъ казалось, что это помогаетъ. Въ теченіе многихъ недъль уже, еще раньше, чъмъ я дошелъ до своего настоящаго состоянія, я питался слишкомъ недостаточно, и въ послъднее время силы мои значительно убыли. Когда счастье мнъ улыбалось, и тъмъ или другимъ способомъ мнъ удавалось раздобыть пять кронъ, денегъ этихъ никогда не хватало на столько времени, чтобы я успълъ возстановить свои силы раньше, чъмъ снова наступала у меня полоса голоданія. Хуже всего дѣло обстояло съ моей спиной и плечами; ноющую боль въ груди я еще могъ остановить на минуту, если принимался сильно кашлять или если ходилъ, сильно перегнувшись впередъ; но для спины и плечъ я ничего не могъ придумать. Въ чемъ же было дъло, что дни мои не просвътлялись? Не имълъ ли я точно такого же права на существованіе, какъ и всякій другой? какъ антикварный книжный торговецъ Паша, или пароходный экспедиторъ Геннехенъ? Не были ли у меня плечи, какъ у великана, и двъ сильныхъ руки для работы, и не былъ ли я готовъ пойти дровосъкомъ на Мэллергаденъ, только чтобы зарабатывать свой хлѣбъ насущный? Развѣ я былъ лѣнивъ? Я ли не искалъ всячески мъстъ, не слушалъ лекцій, и не писалъ статей для газетъ, и не читалъ, и не работалъ день и ночь, какъ безумный! И не жилъ ли я, какъ скряга, питаясь хлъбомъ и молокомъ, когда у меня было много въ карманъ, однимъ хлѣбомъ, когда у меня было мало, и голодая, когда у меня ничего не было? Или я жилъ въ отелъ, держалъ амфиладу комнатъ въ первомъ этажъ? Въ чердачной каморкъ жилъ я, въ мастерской жестяныхъ издълій, покинутой Богомъ и людьми еще въ прошлую зиму, потому что

въ нее падалъ снъгъ сквозь крышу. Нътъ, я ничего не могу понять во всемъ этомъ!

Я шелъ и перебиралъ въ головъ эти мысли, и въ душъ моей не было и слъда злобы, зависти или горечи.

У магазина красокъ я остановился и заглянулъ въ витрину; я попытался прочесть наклейки на банкахъ, но было слишкомъ темно. Досадуя на самого себя за эту новую выдумку и недовольный, почти озлобленный тѣмъ, что я не могъ узнать, что содержится въ этихъ банкахъ, я стукнулъ въ окно и пошелъ дальше. Въ концѣ улицы я увидалъ полицейскаго; я ускорилъ шагъ, подошелъ прямо къ нему и безо всякаго повода сказалъ:

- Теперь десять часовъ.
- Нътъ, теперь два часа, отвътилъ онъ удивленно.
- Нътъ, десять, сказалъ я, теперь десять часовъ. И почти застонавъ отъ бъщенства, я подошелъ еще ближе, сжалъ кулаки и сказалъ: Вы слышите? знайте, что теперь десять часовъ.

Онъ съ минуту молча соображалъ что-то, окинулъ взглядомъ всю мою фигуру и изумленно посмотрѣлъ мнѣ въ лицо. Наконецъ, онъ произнесъ совершенно спокойно:

— Во всякомъ случав вамъ пора отправиться домой. Не хотите ли, чтобы я васъ проводилъ?

Эта любезность обезоружила меня; я почувствоваль, что слезы навертываются у меня на глазахъ, и поторопился отвътить:

Нѣтъ, спасибо! Я только немного засидѣлся въ кафэ.
 Очень вамъ благодаренъ.

Онъ приложилъ руку къ козырьку, когда я повернулся, чтобы уйти. Его любезность совершенно ошеломила меня, и я плакалъ, оттого что у меня не было пяти кронъ, чтобы дать ихъ ему. Я остановился и сталъ глядъть ему вслъдъ, покуда онъ шелъ внизъ по улицъ, ударялъ себя рукой по лбу и плакалъ сильнъе по мъръ того, какъ онъ удалялся.

Я ругалъ себя за свою бъдность, называлъ себя всякими бранными словами, придумывалъ отчаянныя прозвища, самую отборную ругань, которою щедро осыпалъ себя. Это я продолжалъ почти всю дорогу до самаго дома. Когда я подошелъ къ воротамъ, оказалось, что я потерялъ ключи.

Да, конечно! сказалъ я самому себъ съ горечью, почему бы мнъ не потерять своихъ ключей? Вотъ я живу во дворъ, гдъ внизу помъщается хлъвъ, а наверху мастерская жестяныхъ издълій; ворота на ночь закрываются, и никто, никто не можетъ ихъ открыть — такъ почему же бы мнъ и не потерять ключей? Я промокъ, какъ собака, немного голоденъ, самую малость голоденъ и чувствую смъшную слабость въ колъняхъ — такъ почему мнъ и не потерять ихъ? Почему, въ сущности, всему дому и не передвинуться куда-нибудь за городъ, когда я возвращаюсь домой и хочу попасть къ себъ... И я захохоталъ, озлобленный голодомъ и своими неудачами.

Изъ хлѣва до меня доносился топотъ лошадиныхъ копытъ, а выше, надъ хлѣвомъ, мнѣ было видно мое окно; но воротъ я не могъ открыть и не могъ проникнуть внутрь. Усталый, съ горечью въ сердцѣ, я рѣшилъ вернуться обратно къ мосту, чтобы поискать свои ключи.

Дождь снова пошель, и я чувствоваль, какъ плечи мои промокають насквозь. У ратуши мнѣ пришла въ голову блестящая идея: я заявлю въ полицію, чтобы мнѣ открыли ворота. Я сейчась же обратился къ констаблю съ убѣдительной просьбой пойти со мною и открыть мнѣ ворота, если онъ можетъ.

Да, если онъ можетъ, да! Но онъ не можетъ, у него нътъ ключей. Полицейскіе ключи не здъсь, они находятся въ сыскномъ отдъленіи.

Что же мнъ дълать?

Да, мнъ остается только итти въ гостиницу и лечь спать. Но я не могу итти въ гостиницу и лечь спать, у меня

нътъ денегъ. Я немного засидълся въ кафэ, онъ понимаетъ...

Мы стояли нъсколько минутъ молча на ступенькахъ ратуши. Онъ соображалъ и обдумывалъ, разглядывая мою особу. Сверху на насъ лилъ дождь.

— Тогда вамъ остается пойти къ дежурному и заявить, что у васъ нътъ ночлега, — сказалъ онъ.

Что у меня нѣтъ ночлега? Объ этомъ я не подумалъ. Да, чортъ возьми, вѣдь это блестящая идея! И я тутъ же поблагодарилъ констабля за его чудесный совѣтъ. Такъ, значитъ, я могу прямо явиться и заявить, что у меня нѣтъ ночлега, и больше ничего?

Больше ничего...

- Ваше имя? спросилъ дежурный.
- Тангенъ Андреасъ Тангенъ.

Я не зналъ, для чего я солгалъ. Мысли мои блуждали безсвязно, и въ головъ моей чаще, чъмъ мнъ это было желательно, рождались самыя неожиданныя выдумки; въ одинъ мигъ я сочинилъ никогда не слыханное раньше имя и, не задумываясь, выговорилъ его. Я солгалъ безъ всякой надобности.

— Занятіе?

Это значило припереть человѣка къ стѣнѣ. Гмъ! Я сначала хотѣлъ было выдать себя за жестяныхъ дѣлъ мастера, но не рѣшился; вѣдь я назвалъ себя именемъ, какого не бываетъ у любого жестяника, да къ тому же я носилъ очки. Вдругъ мнѣ пришла въ голову нахальная мысль, я сдѣлалъ шагъ впередъ и произнесъ твердо и ясно:

— Журналистъ.

Дежурный сдълалъ невольное движеніе раньше, чъмъ принялся записывать; я же стоялъ передъ нимъ, выпрямившись со всъмъ величіемъ бездомнаго статскаго совътника. То, что я замедлилъ съ отвътомъ, очевидно, не внушило ему никакого подозрънія; ему, конечно, не трудно было

понять это. Да и въ самомъ дълъ, на что это похоже — журналистъ, являющійся въ ратушу искать ночлега!

- Въ какой газетъ, господинъ Тангенъ?
- Въ "Утренней Газетъ", отвътилъ я. Къ сожальнію, я сегодня немного засидълся въ ресторанъ и...
- О, не стоитъ объ этомъ и говорить! прервалъ онъ меня и прибавилъ съ улыбкой: когда молодежь веселится, то... Ну, оно и понятно!

Онъ поднялся, вѣжливо поклонился мнѣ и, обращаясь къ констаблю, сказалъ:

 Проводите господина въ отдѣльную камеру. Спокойной ночи.

Мнѣ стало страшно отъ собственнаго нахальства, и, идя по коридору вслѣдъ за констаблемъ, я сжималъ кулаки, чтобы придать себѣ мужества.

- Газъ будетъ горъть еще десять минутъ, сказалъ констабль вь дверяхъ.
 - А затъмъ онъ погаснетъ?
 - Затъмъ онъ погаснетъ.

Садясь на кровать, я услыхаль, какъ констабль повернуль ключь въ замкъ. Свътлая камера имъла уютный видъ; мнъ было хорошо отъ сознанія, что у меня есть кровъ надъ головой, и я съ чувствомъ особеннаго удовлетворенія прислушивался къ шуму дождя на дворъ. Ничего лучше такой уютной камеры я не могъ бы себъ желать. Чувство довольства въ душъ моей все росло; сидя на кровати съ шляпой въ рукъ и съ глазами, устремленными на газовый рожокъ въ противоположной стънъ, я сталъ перебирать въ памяти всю эту свою встръчу съ полиціей. Это было въ первый разъ, что я имълъ дъло съ полиціей, и здорово же я ее надулъ! Журналистъ Тангенъ, не угодно ли! И затъмъ, "Утренняя Газета"! "Утренней Газетой" я поразилъ его въ самое сердце! Объ этомъ не стоитъ и говорить, не правда ли? Молодой человъкъ засидълся въ загородномъ саду до

двухъ часовъ, забылъ дома ключи отъ входной двери и бумажникъ съ нѣсколькими тысячами кронъ.. Проводите господина въ отдѣльную камеру...

Внезапно свътъ гаснетъ, такъ странно внезапно, не ослабъвая, не уменьшаясь постепенно; я нахожусь въ глубокомъ мракъ и не различаю ни своей руки, ни бълыхъ стънъ вокругъ, ничего. Мнъ не оставалось ничего другого, какъ лечь спать. И я сталъ раздъваться.

Но мнѣ не хотѣлось спать, и я не могъ заснуть. Нѣкоторое время я лежалъ, устремивъ глаза въ мракъ, въ эту
густую, плотную массу мрака, которой не было конца и которой я не могъ постичь. Мысль моя не могла ея объять.
Было невѣроятно темно, и эта темнота угнетала меня. Я
закрылъ глаза, принялся напѣвать въ полголоса, ворочался
на нарахъ во всѣ стороны, только для того, чтобы отвлечься;
но все было безполезно. Мракъ завладѣлъ моими мыслями
и не давалъ мнѣ ни одной минуты покоя. А что, если я
самъ растворюсь въ мракѣ, сольюсь съ нимъ въ одно! Я
приподнялся на постели и началъ размахивать руками.

Мое нервное состояніе взяло окончательно верхъ, и сколько я ни силился противостоять ему, мои усилія ни къ чему не вели. Я весь находился во власти самыхъ необыкновенныхъ фантазій; я старался овладѣть собой, напѣвалъ самому себѣ колыбельныя пѣсни и весь покрывался потомъ отъ усилій привести себя въ спокойное состояніе. Я все смотрѣлъ въ темноту и говорилъ самому себѣ, что никогда въ жизни я не видалъ подобнаго мрака. Не было никакого сомнѣнія, что я находился лицомъ къ лицу съ совершенно особымъ родомъ мрака, съ злобной стихіей, которой до сихъ поръ никто не замѣчалъ. Самыя нелѣпыя идеи осаждали мой мозгъ, и каждая мелочь наводила на меня страхъ. Особенно сильно занимала меня маленькая щель, которую я нащупалъ въ стѣнѣ надъ кроватью, слѣдъ отъ гвоздя. Я все снова и снова ощупываю ее пальцемъ, дую въ нее и

стараюсь отгадать ея глубину. Это не какая-нибудь невинная щель, о, навърное, нътъ; это таинственное отверстіе, котораго я долженъ остерегаться. И весь поглощенный мыслью объ этомъ отверстіи, внъ себя отъ любопытства и страха, я въ концъ концовъ долженъ былъ встать и вытащить изъ кармана свою половинку перочиннаго ножика, чтобы измърить глубину отверстія и убъдиться, что оно не ведетъ въ сосъднюю камеру.

Я снова легъ для того, чтобы попытаться заснуть, но въ дъйствительности для того, чтобы возобновить борьбу съ мракомъ. Дождь прекратился, и до меня не доносилось больше ни единаго звука. Долгое время я прислушивался къ шагамъ пъшеходовъ на улицъ и не могъ успокоиться, покуда не услыхалъ проходящіе мимо шаги, судя по звуку, принадлежавшіе констаблю. Вдругъ я прищелкиваю нъсколько разъ пальцами и начинаю хохотать. Чортъ возьми! Ха-Ха! Я вообразилъ, что выдумалъ новое слово. Я подымаюсь съ постели и говорю: этого слова нътъ въ языкъ, я его выдумалъ, — Кубоо. Оно состоитъ изъ буквъ, какъ всякое другое слово, клянусь Богомъ, дружище, ты выдумалъ слово... Кубоо... слово, имъющее колоссальное грамматическое значеніе.

Въ темнотъ я такъ ясно видълъ предъ собой это слово. Я сижу съ открытыми глазами, пораженный своимъ изобрътеніемъ, и хохочу отъ радости. Затъмъ я начинаю шептать; меня могутъ подслушать, а мнъ важно сохранить свое изобрътеніе въ тайнъ. Меня охватило радостное безуміе голода; я чувствовалъ себя пустымъ и свободнымъ отъ всякой боли, и мысль моя не знала преградъ. Въ тиши ночи я держу совътъ съ самимъ собою. Дълая самые изумительные, самые невъроятные скачки, мысль моя работаетъ, стараясь найти значеніе для моего новаго слова. Ему не зачъмъ означать ни Богъ, ни Тиволи, и кто сказалъ, что оно должно означать выставку животныхъ? Я гнъвно сжалъ руки и повторилъ еще разъ: кто говоритъ, что оно должно означать

выставку животныхъ? Въ сущности, если хорошенько обсудить, то даже нътъ необходимости, чтобы оно означало висячій замокъ или восходъ солнца. Для такого слова, какъ это, не трудно найти значеніе. Я подожду, время терпитъ. Пока я могу соснуть немного.

Я лежу на нарахъ и улыбаюсь, но ничего не говорю, не высказываюсь ни за, ни противъ. Проходитъ нъсколько минутъ, и я снова прихожу въ нервное состояніе, новое слово не перестаетъ меня мучить, оно безпрестанно возвращается ко мнъ, завладъваетъ, наконецъ, всъми моими мыслями и настраиваетъ меня серьезно. Я составилъ себъ мнъніе о томъ, чего оно не должно означать, но не принялъ еще никакого ръшенія относительно того, что оно должно означать. Это вопросъ второстепенный! говорю я вслухъ самому себъ, и я сжимаю руки и повторяю, что это вопросъ второстепенный. Слово, слава Богу, найдено, а это главное. Но мысль о немъ безконечно терзаетъ меня и не даетъ мнъ уснуть; ничто мнъ не кажется достаточно хорошимъ для этого исключительнаго слова. Наконецъ, я снова подымаюсь на своей койкъ, хватаюсь объими руками за голову и говорю: Нътъ, въдь въ томъ-то и дъло, что совершенно невозможно обозначить имъ эмиграцію или табачную фабрику! Если бы оно могло означать что-либо подобное, я бы давнымъ-давно ръшился и взялъ бы на себя всъ послъдствія. Нътъ, въ сущности, слово это можетъ означать только нѣчто духовное, чувство, состояніе-неужели я этого не понимаю? И мысль моя снова принимается работать, стараясь отыскать что-либо духовное. Вдругъ мнѣ начинаетъ казаться, что кто-то другой еще говоритъ, вмъшивается въ мой разговоръ, и я гнъвно отвъчаю: что такое? Нътъ, такого другого идіота нътъ на свъть! Льняная пряжа, говоришь ты? Ступай къ чорту! Почему я долженъ допустить, чтобы оно означало льняную пряжу когда я именно противъ того, чтобы оно означало льняную пряжу? Я самъ изобрълъ это слово, и я имъю полное право

придать ему то значеніе, какое мнѣ будетъ угодно. Насколько мнѣ извѣстно, я еще не высказался по этому вопросу...

Въ мозгу моемъ поднимался все большій и большій хаосъ. Въ концѣ концовъ, я вскочилъ съ постели и сталъ искать водопроводнаго крана. У меня не было жажды, но голова моя горѣла, какъ въ огнѣ, и я почувствовалъ инстинктивную потребность въ водѣ. Напившись, я снова легъ и рѣшилъ во что бы то ни стало заснуть. Я закрылъ глаза и заставилъ себя быть спокойнымъ. Такъ я пролежалъ нѣсколько минутъ, не дѣлая ни малѣйшаго движенія; меня бросило въ потъ, и я чувствовалъ, какъ кровь рѣзкими толчками двигается у меня по жиламъ. Нѣтъ, это было слишкомъ восхитительно, что онъ сталъ искать денегъ въ бумажномъ валикѣ! И онъ кашлянулъ только одинъ разъ! А что, если онъ все еще тамъ ходитъ? Сидитъ на моей скамъѣ... Голубой перламутръ... Суда...

Я открылъ глаза. Да и для чего мнѣ держать ихъ закрытыми, когда я все равно не могу спать? Тотъ же мракъ вокругъ меня, та же бездонная черная въчность, противъ которой возстаетъ мой мозгъ, не въ силахъ постичь ее. Съ чемъ бы ее можно было сравнить? Я дълалъ самыя отчаянныя усилія найти слово, достаточно черное для того, чтобы имъ обозначить этотъ мракъ, слово такой жестокой черноты, чтобы губы мои почернъли, произнося его. Отецъ небесный, что за мракъ! И мысль моя снова переносится къ гавани и судамъ, этимъ чернымъ чудовищамъ, что лежатъ и ждутъ меня. Они привлекутъ меня къ себъ и будутъ кръпко держать, и понесутся со мной мимо чуждыхъ странъ, по далекимъ морямъ, черезъ темныя земли, которыхъ ни одинъ человъкъ не видалъ! Вотъ я на палубъ, погружаюсь въ воду, плыву въ облакахъ, падаю, падаю... Я испускаю хриплый крикъ ужаса и судорожно хватаюсь за края койки; я совершилъ опасное путешествіе, стремительно слетълъ внизъ, пересъкая

воздушное пространство, словно безжизненный предметъ. Какое облегчение я почувствовалъ, когда ударился рукой о твердый край наръ! Такъ умираютъ, сказалъ я самому себъ, теперь ты умрешь! И я нъсколько минутъ лежалъ и думалъ о томъ, что я сейчасъ умру. Вдругъ я подымаюсь на постели и спрашиваю строго: кто сказалъ, что я долженъ умереть? Разъ я самъ придумалъ слово, то я имъю полное право самъ ръшить, что оно должно означать... Я слышалъ самъ, что я бредилъ, слышалъ это въ то самое время, какъ говорилъ. Мой бредъ былъ результатомъ слабости и истощенія, но я не былъ безъ сознанія. Внезапно у меня мелькнула въ головъ мысль, что я сошелъ съ ума. Объятый ужасомъ, я вскакиваю съ постели. Я бросаюсь къ двери, хочу ее открыть, нъсколько разъ кидаюсь на нее, пробуя ее выломать, быюсь головой объ стъну, стону громко, кусаю себъ пальцы, рыдаю и кляну...

Все кругомъ было спокойно; только собственный мой голосъ гулко отдавался въ пустыхъ стѣнахъ. Я упалъ на полъ, не въ силахъ больше метаться по камерѣ. Вдругъ я замѣчаю высоко вверху, какъ разъ напротивъ меня, съроватый квадратъ въ стѣнѣ, слабый отблескъ, намекъ—это былъ дневной свѣтъ. О, съ какимъ облегченіемъ я вздохнулъ! Я упалъ лицомъ на полъ и плакалъ отъ радости, что увидалъ этотъ благословенный проблескъ свѣта, рыдалъ отъ благодарности, посылалъ поцѣлуи по направленію къ окошку и велъ себя, какъ безумный. И въ этотъ ммоментъ я вполнѣ сознавалъ, что я дѣлаю. Все мое мрачное настроеніе прошло, все отчаяніе, вся боль исчезли, и въ эту минуту, насколько мысль могла охватить, я не зналъ ни одного неудовлетвореннаго желанія. Я поднялся и, сидя на полу, со сложенными руками, терпѣливо сталъ ждать наступленія дня.

Что это была за ночь! Я удивлялся, какъ никто не слыхалъ этого шума. Впрочемъ, я въдь находился въ отдъльной камеръ, высоко надъ всъми заключенными. Бездом-

ный статскій совѣтникъ, если можно такъ выразиться. Все еще въ самомъ лучшемъ настроеніи, не отводя глазъ отъ окна, съ каждой минутой все яснѣе вырисовывавшагося на темной стѣнѣ, я забавлялся тѣмъ, что изображалъ изъ себя статскаго совѣтника, называлъ себя фонъ-Тангенъ и велъ рѣчь въ департаментскомъ стилѣ. Мой мозгъ не переставалъ фантазировать, хотя нервы мои были значительно спокойнѣе. Если бы только не эта досадная разсѣянность, изъ-за которой я забылъ дома свой бумажникъ! Не могу ли я имѣть честь уложить господина статскаго совѣтника въ постель? И съ самымъ серьезнымъ видомъ, со множествомъ церемоній, я направился къ нарамъ и легъ.

Разсвъло между тъмъ настолько, что я съ нъкоторымъ трудомъ могъ уже различить контуры стънъ моей камеры, а немного спустя мнъ стали видны тяжелые дверные засовы. Это отвлекло меня; однообразный мракъ, такой раздражительно-густой и плотный, что я не могъ даже отличить собственной руки, исчезъ; кровь моя стала спокойнъе течь по жиламъ, и скоро я почувствовалъ, какъ глаза мои слипаются.

Я проснулся отъ стука въ дверь. Я торопливо вскочилъ и быстро одълся; платье мое было еще совершенно сыро со вчерашняго вечера.

— Вы должны явиться къ дежурному, — сказалъ мнѣ констабль.

Значить, опять формальности, черезъ которыя надо пройти, подумаль я съ нѣкоторымъ страхомъ. Я спустился внизъ и попалъ въ большую комнату, гдѣ сидѣло человѣкъ тридцать-сорокъ, все бездомные. Одинъ за другимъ выходилъ къ дежурному, выкрикивавшему имена по списку, одинъ за другимъ получалъ билетъ на обѣдъ. Дежурный безпрестанно обращался къ стоявшему рядомъ съ нимъ констаблю:

 Онъ получилъ билетъ? Да, не забудъте выдать имъ билеты. Судя по виду, они очень нуждаются въ объдъ.

Я стоялъ и смотрълъ на эти билеты и въ душъ страстно желалъ для себя такого билета.

- Андреасъ Тангенъ, журналистъ!
- Я выступилъ впередъ и поклонился.
- Но, милъйшій, какъ вы сюда попали?

Я разсказалъ ему, какъ я попалъ, повторилъ то же объясненіе, какое далъ наканунъ вечеромъ, солгалъ опять, и глазомъ не моргнувъ, солгалъ съ полной искренностью: къ сожалънію, засидълся немного въ кафэ, забылъ дома ключи отъ квартиры...

- Да, сказалъ онъ, улыбаясь, это бываетъ! Хорошо пи вы спали?
- Какъ статскій совѣтникъ, отвѣтилъ я, какъ статскій совѣтникъ!
 - Очень пріятно, сказалъ онъ и поднялся. До свиданія!
 И я ушелъ.

Билетъ, билетъ и мнѣ! Я ничего не ѣлъ уже трое долгихъ дней и ночей. Хлѣба! Но никто не предлагалъ мнѣ билета, а у меня самого не хватало духу попросить. Это сейчасъ же возбудило бы подозрѣніе. Они стали бы рыться въ моей частной жизни и узнали бы, кто я на самомъ дѣлѣ; меня арестовали бы за ложное показаніе. Закинувъ руки за спину, я покинулъ ратушу съ высоко поднятой головой, съ осанкой милліонера.

Солнце уже изрядно гръло, было десять часовъ и движеніе на Юнгсторветъ было въ полномъ ходу. Куда мнъ пойти? Я нащупалъ въ боковомъ карманъ свою рукопись; въ одиннадцать часовъ я попытаюсь зайти въ редакцію, можетъ быть, я увижу редактора. Я стою съ минуту на крыльцъ ратуши и наблюдаю кипящую у моихъ ногъ жизнь. Отъ платья моего начинаетъ подыматься паръ. Голодъ снова заявляетъ о себъ, ноетъ въ груди и безпрестанно напоми-

наетъ о себъ мелкими, тонкими, болъзненными уколами. Неужели же у меня, дъйствительно, нътъ ни одного друга, ни одного знакомаго, къ которому я могъ бы обратиться? Я роюсь въ памяти, стараясь отыскать кого-нибудь, у кого можно было бы попросить десять эре, но никого не нахожу. Какой чудесный день; какая масса солнца и свъта вокругъ; небо словно дышетъ и колышется, какъ нъжная поверхность моря...

Самъ не зная какъ, я очутился по дорогъ къ дому.

Голодъ мучилъ меня невыразимо; я поднялъ съ земли стружку и сталъ ее жевать. Это помогло. И какъ это раньше не пришло мнѣ въ голову?

Ворота были открыты; конюхъ, по обыкновенію, пожелалъ мнѣ добраго утра.

- Славный день! сказалъ онъ.
- Да, отвътилъ я. Это было все, что я нашелся ему сказать. Не попросить ли его одолжить мнъ крону? Онъ навърное охотно сдълаетъ это, если только въ состояніи. Я къ тому же однажды написалъ для него письмо.

Онъ стоялъ и, очевидно, хотълъ что-то сказать, но не ръшался.

- Славная погода, да. Гмъ! Я долженъ сегодня заплатить своей хозяйкъ, вы, можетъ быть, можете одолжить мнѣ пять кронъ, что? Только на пару дней. Вы этимъ окажете мнѣ большую услугу.
- Нътъ, я право не могу, Іенсъ Олай,—отвътилъ я.— Сейчасъ не могу. Можетъ быть, позже, можетъ быть, послъ объда. — И я быстро сталъ подыматься по лъстницъ къ себъ въ комнату.

Здѣсь я бросился на кровать и началъ хохотать. Какое чертовское счастье, что онъ меня опередилъ! Моя честь спасена. Пять кронъ — помилуй тебя Богъ, голубчикъ! Ты съ такимъ же успѣхомъ могъ бы попросить у меня пять акцій паровой кухни или какую нибудь загородную дачу.

И мысль объ этихъ пяти кронахъ заставляла меня хохотать все громче и громче. Въдь везетъ же мнъ! Да, чортъ возьми, пять кронъ! Къ кому же и обратиться за пятью кронами, какъ не ко мнъ! Моя веселость возрастала, и я безпрепятственно отдавался ей: фу, ты чортъ, какъ здъсь пахнетъ ъдой! Это несетъ свъжей отбивной котлетой еще съ объда, отвратительно! И я раскрылъ окно, чтобы провътрить комнату. Кельнеръ, полъ порціи бифштекса! Повернувшись къ столу, моему шатающемуся столу, который я долженъ былъ придерживать колънями, когда писалъ, я низко склонился и спросилъ: осмълюсь спросить, не угодно ли вамъ вина? Нътъ? Я — Тангенъ, статскій совътникъ Тангенъ. Къ сожалънію я немного засидълся... ключи отъ дверей...

И, ничѣмъ не сдерживаемыя, мысли мои снова понеслись въ какомъ-то хаотическомъ вихрѣ. Я все время сознавалъ, что веду безсвязныя рѣчи, и я не произнесъ ни одного слова, въ которомъ не отдавалъ бы себѣ отчета. Я говорилъ самому себѣ: ну, вотъ, теперь ты снова несешь околесицу! Но я всетаки ничего не могъ подѣлать съ собой. Словно лежишь въ бодрствующемъ состояніи и въ то же время говоришь во снѣ. Голова моя была пуста, въ ней не было ни боли, ни давленія, и въ душѣ моей не было ни малѣйшей тѣни. Мысли мои неслись впередъ, и я, не сопротивляясь, отдавался теченію.

Войдите! Да, войдите, пожалуйста! Какъ вы видите, здѣсь все изъ рубина. Илаяли, Илаяли... Красный шелковый диванъ... Какъ порывисто она дышетъ! Цѣлуй меня, возлюбленная! еще! Руки твои подобны янтарю, и уста твои горятъ... Кельнеръ, я просилъ бифштексъ...

Солнце смотръло сквозь окно ко мнъ въ комнату; я ясно слышалъ, какъ внизу подо мной лошади жевали овесъ. Я сидълъ и сосалъ свою стружку, веселый и довольный, какъ дитя. Совершенно машинально я безпрестанно нащупывалъ

свою рукопись; я о ней совершенно не думалъ, но инстинктъ подсказывалъ мнѣ, что она существуетъ, моя кровь напоминала мнѣ о ней. Я вытащилъ ее.

Она отсыръла, и я развернулъ ее и положилъ на солнце. Затъмъ я принялся ходить взадъ и впередъ по комнатъ. Какой угнетающій видъ представляла моя комната! На полу валялись мелкіе, растоптанные остатки жести; ни стула, чтобы състь, даже ни одного гвоздя въ голыхъ стънахъ. Все поглотили нъдра ломбарда. Все мое имущество состояло изъ нъсколькихъ листовъ бумаги на столъ, покрытомъ толстымъ слоемъ пыли, да стараго, зеленаго одъяла на кровати, которое мнъ одолжилъ Гансъ Паули уже много мъсяцевъ тому назадъ... Гансъ Паули! Я прищелкнулъ пальцами. Гансъ Паули Петтерсенъ поможетъ мнъ! И я сталъ вспоминать его адресъ. Какъ могъ я забыть объ Гансъ Паули? Онъ навърное будетъ очень сердиться за то, что я сразу не обратился къ нему. Я живо надъваю шляпу, собираю свою рукопись, сую ее въ карманъ и сбъгаю съ лъстницы.

— Послушай, Іенсъ Олай, — крикнулъ я ему въ двери конюшни, — я почти увъренъ, что сегодня послъ объда буду въ состояніи тебъ помочь!

Поровнявшись съ ратушей, я увидалъ, что уже больше одиннадцати часовъ, и рѣшилъ за-одно зайти въ редакцію. У дверей конторы я остановился, вынулъ свою рукопись, чтобы посмотрѣть, сложены ли листы по порядку, тщательно разгладилъ ихъ, сунулъ снова въ карманъ и постучался. Сердце мое колотилось въ груди, когда я входилъ.

"Ножницы" сидитъ на своемъ обычномъ мѣстѣ. Я робко спрашиваю редактора. Никакого отвѣта. "Ножницы" продолжаетъ вырѣзывать изъ провинціальныхъ газетъ мѣстныя новости.

Я повторяю свой вопросъ и дълаю шагъ впередъ.

 Редактора еще нѣтъ, —говоритъ наконецъ, "Ножницы", не подымая головы.

- А когда онъ придетъ?
- Не могу этого сказать, совершенно не могу этого сказать.
 - До котораго часу контора открыта?

На это я не получилъ никакого отвъта и долженъ былъ уйти. За все время этотъ человъкъ ни разу даже не взглянулъ на меня; онъ слышалъ мой голосъ и, конечно, узналъ меня по голосу. — Такъ плохи, значитъ, твои дъла здъсъ, что тебъ даже не отвъчаютъ, подумалъ я. А что, если это дълается по распоряженію редактора? И въ самомъ дълъ, съ того дня, какъ былъ принятъ мой знаменитый фельетонъ въ десять кронъ, я не давалъ ему покоя со своими работами, чутъ ли не каждый день являлся къ нему съ никуда негодными вещами, которыя ему приходилось читать и возвращать мнъ обратно. Можетъ быть, онъ хотълъ положить этому конецъ, отдълаться отъ меня... Я пошелъ по направленію къ Гомансбюенъ.

Гансъ Паули Петтерсенъ былъ студентъ-крестьянинъ, занимавшій чердачную каморку во дворѣ пятиэтажнаго дома; изъ этого ясно, что Гансъ Паули Петтерсенъ былъ бѣдный человѣкъ. Но если у него есть крона, то онъ, конечно, ея не пожалѣетъ. Я былъ такъ увѣренъ, что получу ее, какъ если бы уже держалъ ее въ рукахъ. И всю дорогу я радовался этой кронѣ, такъ велика была моя увѣренностъ, что я ее получу. Когда я подошелъ къ двери, то оказалось, что она заперта, и мнѣ пришлось позвонить.

- Миъ нужно видъть студента Петтерсена, сказалъ я, собираясь войти, —я знаю его комнату.
- Студента Петтерсена? повторила дѣвушка. Это не тотъ ли, который жилъ на чердакѣ? Онъ переѣхалъ. Да. она не знаетъ куда; но онъ просилъ пересылать его письма къ Германсену на Тольдбодгаденъ; и дѣвушка назвала номеръ.

Полный въры и надежды, я отправляюсь на Тольдбод-

гаденъ, чтобы узнать адресъ Ганса Паули. Это для меня послѣдній выходъ, и я долженъ его использовать. По дорогѣ я прохожу мимо новаго строющагося дома, передъ которымъ стоятъ два столяра и что-то стругаютъ. Я поднялъ изъ кучи двѣ бѣлыхъ, свѣжихъ стружки, одну сунулъ въ ротъ, а другую спряталъ въ карманъ про запасъ и продолжалъ свой путь. Я стоналъ отъ голода. Проходя мимо булочной, я увидалъ въ окнѣ изумительно-громадный хлѣбъ за десять эре, самый большой, какой можно было получить за эти деньги...

- Я пришелъ, чтобы узнать адресъ студента Петтерсена.
- Бернтъ-Анкерсгаде, номеръ 10, на чердакѣ. Не иду пи я туда? Въ такомъ случаѣ не буду ли я такъ любезенъ взять съ собой пару писемъ, которыя пришли для него?

Я отправляюсь обратно, по той же дорогѣ, по которой пришелъ, снова прохожу мимо столяровъ, сидящихъ теперь со своими жестяными кружками между колѣнями и съ аппетитомъ поѣдающихъ вкусный, теплый обѣдъ изъ паровой кухни, миную булочную, въ окнѣ которой хлѣбъ лежитъ еще на прежнемъ мѣстѣ, и приближаюсь, наконецъ, къ Бернтъ-Анкерсгаде, полумертвый отъ усталости. Дверь открыта, и я начинаю подыматься по безконечной узенькой лѣстницѣ на чердакъ. Я вынимаю письма изъ кармана для того, чтобы сразу же, какъ только я войду, привести Ганса Паули въ хорошее настроеніе. Онъ, конечно, не откажетъ мнѣ въ этой помощи, когда я объясню ему всѣ обстоятельства дѣла, навѣрное нѣтъ. У Ганса Паули такое благородное сердце, я всегда это говорилъ...

На дверяхъ я нахожу его карточку: " Γ . П. Петтерсенъ, студ.-теол. — уъхалъ домой".

Я сажусь, сажусь на голый поль, усталый, убитый, отупъвшій. Машинально я повторяю нъсколько разь: уъхаль домой! уъхаль домой! Затъмъ я умолкаю. Въ глазахъ у меня

не было ни одной слезы, въ головъ ни одной мысли, ни одного чувства въ душъ. Съ широко раскрытыми глазами я сидълъ и смотрълъ на эти письма, не думая ни о чемъ. Прошло минутъ десять, а можетъ быть, двадцать, или еще больше; я все сидълъ на томъ же мъстъ, не шевеля пальцемъ. Я находился въ состояніи отупънія, походившемъ на сонъ. Вдругъ я слышу чьи-то шаги на лъстницъ; я подымаюсь и говорю:

- Я ищу студента Петтерсена. У меня два письма для него.
- Онъ уѣхалъ домой, отвѣчаетъ женщина. Но онъ вернется послѣ каникулъ. Письма его я могу взять, если хотите.
- Да, пожалуйста, это очень хорошо, сказалъ я, такимъ образомъ онъ получитъ ихъ, какъ только прівдетъ. Въ нихъ, можетъ быть, какія-нибудь важныя извѣстія. До свиданія!

Я дълаю нъсколько шаговъ и снова останавливаюсь. Вдругъ я мъняю тонъ, складываю руки, склоняю голову на бокъ и спрашиваю слащавымъ, благочестивымъ голосомъ:

- Но обращался ли ты къ нему, дитя мое?

Нътъ, это звучитъ не такъ, какъ надо.

Съ большой буквы! говорю я, тутъ надо большое Н, надо Н величиною съ колокольню!

И я снова спрашиваю:

— Но обращался ли ты къ НЕМУ, дитя мое?

И я опускаю голову и сокрушеннымъ голосомъ отвѣчаю:— Нътъ!

Это все еще звучитъ не такъ.

Ты вѣдь даже не умѣешь лицемѣрить, идіотъ ты этакой! Да, долженъ ты сказать, да, я обращался къ моему Отцу Небесному, и ты долженъ найти для своихъ словъ самый жалобный тонъ, какой ты когда-либо слыхалъ. Ну, начинай съ начала! Такъ, это было лучше. Но ты долженъ вздыхать при этомъ, какъ околъвающая кляча. Такъ!

И я иду по улицѣ и упражняюсь въ лицемѣріи, нетерпѣливо топаю ногой, когда у меня выходитъ не такъ, и ругаю самого себя дуракомъ и идіотомъ, въ то время, какъ изумленные прохожіе останавливаются и оглядываютъ меня.

Я шелъ изъ улицы въ улицу со всей скоростью, на какую былъ способенъ, не переставая все время жевать свою стружку. Самъ не замѣтивъ какъ, я очутился на желѣзнодорожной площади. На башнѣ церкви Спасителя было половина второго. Я остановился и сталъ соображать. Потъ выступилъ у меня на лицѣ и капли его скатились въ глаза. Ступай, прогуляйся по набережной! сказалъ я себѣ. То-есть, конечно, если у тебя есть время! И я отвѣсилъ самому себѣ поклонъ и спустился къ набережной.

Вдали неподвижно стояли суда, и море, все залитое солнечнымъ свѣтомъ, слабо вздымалось. Всюду кругомъ было шумное движеніе, пароходныя трубы подавали сигналы, носильщики шныряли съ ящиками на плечахъ, съ палубъ доносилось веселое пъніе нагрузчиковъ. Неподалеку отъ меня сидитъ торговка печеньемъ, склонясь надъ своимъ товаромъ и чуть не тыча въ него своимъ длиннымъ носомъ; маленькій лотокъ ея безбожно заваленъ всякими сладостями, и я гнѣвно отворачиваюсь. Она наполняетъ всю набережную запахомъ съъстного; отвратительно! окна настежь. Я обращаюсь къ господину, сидящему рядомъ со мной, и самымъ усерднымъ образомъ начинаю ему доказывать все зло, происходящее отъ этихъ торговокъ сладостями, попадающихся на каждомъ шагу... Нътъ? вы не находите? Но согласитесь, что... Но что-то въ моихъ словахъ показалось ему подозрительнымъ и, не давъ мнъ даже цоговорить до конца, онъ поднялся и ушелъ. Я тоже всталъ и последовалъ за нимъ, твердо рѣшивъ вывести его изъ его заблужденія.

- Даже съ точки зрѣнія санитарныхъ условій, сказалъ я, хлопая его по плечу...
- Виноватъ, я здъсь чужой и совершенно незнакомъ съ здъшними санитарными условіями, сказалъ онъ, глядя на меня въ ужасъ.

Ну, это мѣняетъ дѣло, разъ, что онъ чужой... Не могу ли я оказать ему какую-нибудь услугу? Показать ему, можетъ быть, городъ? Нѣтъ? Для меня это было бы удовольствіемъ, ему же бы это ничего не стоило...

Но онъ во что бы то ни стало хотълъ отдълаться отъ меня и быстро перешелъ черезъ улицу на другой тротуаръ.

Я вернулся къ своей скамъв и свлъ. Я былъ въ очень неспокойномъ состояніи, а звуки шарманки, игравшей неподалеку, еще увеличивали мою нервность. Жесткая, металли ческая музыка, отрывокъ изъ Вебера, который маленькая двочка сопровождаетъ грустнымъ пвніемъ. Напоминающіе флейту, жалостные звуки шарманки проникаютъ мнв въ кровь, всв нервы мои начинаютъ дрожать, они какъ бы колеблются въ униссонъ съ этими звуками, и минуту спустя я откидываюсь на скамейку и тоже напвваю потихоньку. Какія только мысли не приходятъ въ голову человвку, который голодаетъ! У меня такое ощущеніе, словно я растворяюсь въ этихъ звукахъ, словно самъ превращаюсь въ звукъ, изливаюсь, я буквально чувствую, какъ я изливаюсь и плыву высоко надъ горами, парю въ пространствъ и уношусь все выше, въ болве свътлыя области...

- Одно эре!—говоритъ маленькая дѣвочка, пѣвшая подъ аккомпаниментъ шарманки, и протягиваетъ ко мнѣ свою оловянную тарелочку, только одно эре!
- Да, отвѣчаю я безсознательно, вскакиваю и начинаю шарить въ карманахъ. Но ребенокъ думаетъ, что я только хочу подшутить надъ нимъ, и быстро удаляется, не говоря ни слова. Ея молчаливое терпѣніе было свыше моихъ силъ, я не могъ этого перенести; если бы она меня обругала, мнъ

было бы легче; меня охватило чувство боли, и я позвалъ ее обратно. У меня нѣтъ ни одного эре, —сказалъ я ей, —но я буду помнить о тебѣ, можетъ быть, даже завтра. Какъ тебя зовутъ? Да, это очень красивое имя, я его не забуду. Значитъ завтра...

Но я прекрасно понималъ, что она не въритъ мнъ, хотя она не произносила ни слова, и я сталъ плакать отъ отчаянія, что эта маленькая уличная дъвочка не хотъла мнъ върить. Я снова позвалъ ее, быстро разстегнулъ свой сюртукъ и хотълъ отдать ей свой жилетъ. — Я тебя вознагражу, — сказалъ я, — погоди одну минуту...

И вдругъ оказалось, что у меня нътъ жилета.

Какъ могъ я забыть объ этомъ? Вѣдь уже много недѣль, какъ у меня его нѣтъ. Что такое со мной дѣлается? Изумленная дѣвочка больше не ждала и поспѣшно ушла. И я не могъ ее вернуть. Вокругъ меня собралась толпа и громко хохотала, какой-то полицейскій пробрался сквозь нее ко мнѣ и пожелалъ узнать, что здѣсь происходитъ.

- Ничего, отвѣтилъ я, ровно ничего! Я только хотѣлъ дать той маленькой дѣвочкѣ свой жилетъ... для ея отца... Вамъ нечего стоять тутъ и смѣяться. Мнѣ стоитъ только пойти домой и надѣть другой.
- Пожалуйста, безъ скандаловъ на улицъ, говоритъ констабль. Такъ, маршъ! И онъ толкаетъ меня впередъ. Это ваши бумаги? кричитъ онъ мнѣ вслѣдъ.

Чортъ побери, моя статья для газеты, цѣлая куча важныхъ бумагъ! Какая непростительная неосторожность...

Я схватилъ свою рукопись, удостовърился, что она въ порядкъ, и, не останавливаясь ни на минуту, не оглядываясь по сторонамъ, направился прямо въ редакцію. Часы на башнъ церкви Спасителя показывали четыре.

Контора закрыта. Я тихонько спускаюсь съ лѣстницы, крадясь, какъ воръ, и останавливаюсь внизу въ нерѣшимости. Что мнѣ теперь дѣлать? Я прислоняюсь къ стѣнѣ и

обдумываю этотъ вопросъ, устремивъ глаза на камни мостовой. У самыхъ моихъ ногъ что-то сверкаетъ, это булавка; я наклоняюсь и подымаю ее. А что, если бы снять пуговицы съ сюртука, сколько я могу за нихъ получить? Можетъ быть, это было бы безполезно, пуговицы въдь не болье, какъ пуговицы; но я все-таки начинаю разсматривать ихъ со всъхъ сторонъ и нахожу, что онъ какъ новыя. Это все-таки счастливая мысль, я могу сръзать ихъ своимъ перочиннымъ ножикомъ и снести въ ломбардъ. Надежда на то, что я продамъ эти пять пуговицъ, сразу оживила меня, и я сказалъ себъ: погоди, все еще будетъ хорошо! Радостъ вдругъ обуяла меня, и я сейчасъ же принялся сръзать пуговицы одну за другой. При этомъ я велъ самъ съ собой вполголоса слъдующій разговоръ:

Да, видите ли, немножко туго пришлось, временное разстройство денежныхъ дѣлъ... Вы говорите, онѣ потерты? Не болтайте глупостей! Я бы хотѣлъ видѣть того человѣка, который изнашиваетъ пуговицы меньше меня. Я долженъ вамъ сказать, что я всегда хожу съ разстегнутымъ сюртукомъ; это у меня привычка, своего рода чудачество... Нѣтъ, нѣтъ, если вы не желаете... Но я долженъ получить за нихъ, по крайней мѣрѣ, десять эре... Но, Господи, помилуй, кто говоритт, что вы должны это сдѣлать? Держите языкъ за зубами и оставьте меня въ покоѣ... Да, да, вы можете позвать полицію, пожалуйста, я буду здѣсь ждать, покуда вы сходите за констаблемъ. И я ничего у васъ не украду... Ну, до свиданія, до свиданія! Мое имя Тангенъ, я немного засидѣлся...

Кто-то идетъ по лъстницъ. Я моментально возвращаюсь къ дъйствительности, узнаю человъка съ ножницами и быстро прячу пуговицы въ карманъ. Онъ проходитъ мимо и даже не отвъчаетъ на мой поклонъ, все его вниманіе вдругъ поглощено ногтями. Я останавливаю его и спрашиваю о редакторъ.

- Его нѣтъ.
- Вы лжете!—сказалъ я. И съ нахальствомъ, которому я самъ удивился, я продолжалъ:—мнѣ надо его видѣть—по неотложному дѣлу, у меня важныя сообщенія.
 - Но не можете ли вы передать ихъ мнъ?
 - Вамъ? -- сказалъ я и смърилъ его взглядомъ.

Это подъйствовало. Онъ сейчасъ же поднялся со мной наверхъ и открылъ дверь. Въ эту минуту у меня душа ушла въ пятки. Я кръпко стиснулъ зубы, чтобы придать себъ мужества, постучался и вошелъ въ частный кабинетъ редактора.

— Здравствуйте! Это вы? — сказалъ онъ любезно. — Садитесь, пожалуйста.

Я чувствовалъ бы себя лучше, если бы онъ указалъ мнѣ на дверь; слезы подступили мнѣ къ горлу, и я сказалъ:

- Я прошу извиненія...
- Садитесь, пожалуйста, повторилъ онъ.

Я сѣлъ и объяснилъ ему, что у меня есть снова статья, которую мнѣ было бы очень важно помѣстить въ его газетѣ. Я положилъ на нее столько стараній, она мнѣ стоила такого напряженія.

— Я прочту ее, — сказалъ онъ и взялъ у меня рукопись. — Стараніе вы прилагаете, конечно, ко всему, что вы пишете; но вы слишкомъ порывисты. Если бы вы были хоть немного хладнокровнъе. Въ вашихъ работахъ всегда слишкомъ много лихорадочнаго. Но я во всякомъ случаъ прочту ее.

И онъ снова повернулся къ своему столу.

Я продолжалъ сидѣть. Не могу ли я попросить у него крону? Объяснить ему, почему въ моихъ работахъ такъ много лихорадочнаго? Онъ бы навѣрное охотно помогъ мнѣ; это не въ первый разъ.

Я поднялся. Гмъ! Но въ послѣдній разъ, когда я былъ у него, онъ жаловался на отсутствіе денегъ и даже долженъ былъ послать разсыльнаго, чтобы собрать сумму, необхо-

димую для уплаты мнѣ гонорара. Можетъ быть, онъ и сейчасъ въ такомъ же положеніи? Нѣтъ, я этого не сдѣлаю! И развѣ я не вижу, что онъ поглощенъ работой?

- У васъ еще что-нибудь? спросилъ онъ.
- Нѣтъ, отвѣтилъ я, стараясь придать своему голосу какъ можно больше твердости. Когда я могу зайти за отвѣтомъ?
- О, когда будете проходить мимо, отвътилъ онъ, черезъ пару дней приблизительно.

У меня языкъ не поворачивался выговорить мою просьбу. Пюбезность этого человъка казалась мнъ безграничной, и я долженъ же умъть цънить ее. Лучше умеретъ съ голоду. И я ушелъ.

Даже, когда я очутился на улицѣ и снова почувствовалъ приступъ голода, я не пожалѣлъ, что покинулъ контору, не попросивъ у него этой кроны. Я вынулъ изъ кармана вторую стружку и сунулъ ее въ ротъ. Это снова помогло. Почему я не сдѣлалъ этого раньше? Стыдись! сказалъ я вслухъ самому себѣ; ты серьезно думалъ о томъ, чтобы попросить у этого человѣка крону и вторично поставить его въ непріятное положеніе! И я самымъ грубымъ образомъ сталъ отчитывать себя за нахальную безцеремонность, которую я готовъ былъ совершить. Видитъ Богъ, это величайшая низость, о какой я когда-либо слыхалъ, —говорилъ я; накидываться на человѣка, быть готовымъ чуть ли не выцарапать ему глаза только потому, что тебѣ нужна крона, негодяй ты этакой. — Ступай, впередъ! живѣй, болванъ! Я тебѣ покажу!

Чтобы наказать самого себя, я пустился бѣжать, бѣжаль изъ улицы въ улицу, погонялъ себя впередъ злобными окриками и, какъ безумный, ругалъ себя всякій разъ, когда я дѣлалъ попытку остановиться. Такъ я добѣжалъ до середины Пилестрэде. Когда я, наконецъ, остановился, почти готовый заплакать оттого, что не былъ въ состояніи бѣжать

дальше, я дрожалъ всѣмъ тѣломъ и въ изнеможеніи упалъ на ступеньки. Нѣтъ, шалишь! сказалъ я себѣ. И, чтобы помучить себя еще больше, я поднялся и заставилъ себя стоять, и я смѣялся надъ собой и зпорадствовалъ надъ собственнымъ жалкимъ состояніемъ. Наконецъ, когда прошло достаточно времени, я кивкомъ головы далъ себѣ разрѣшеніе сѣсть; но даже и тогда я выбралъ самое неудобное положеніе.

Отецъ Небесный, что за наслажденіе отдыхать! Я вытеръ потъ съ лица и нѣсколько разъ глубоко перевелъ духъ. Какъ я бѣжалъ! Но я не жалѣлъ объ этомъ, я этого заслужилъ. Отчего я хотѣлъ непремѣнно попросить у него крону? Вогъ и послѣдствія! И я сталъ упрекать и увѣщевать самого себя мягко и кротко, какъ могла бы это сдѣлать мать. Я все больше и больше растрогивался и, измученный и обезсиленный, началъ плакать. Это былъ тихій, искренній плачъ, беззвучное рыданіе безъ слезъ.

Такъ я просидълъ четверть часа, если не больше. Люди проходили мимо, но никто меня не трогалъ. Вокругъ меня весело играли дъти, какая-то маленькая пташка пъла въ вътвяхъ дерева по другую сторону улицы.

Ко мнъ приближается констабль.

- Для чего вы здѣсь сидите? спрашиваетъ онъ.
- Для чего я эдъсь сижу? отвъчаю я. Для удовольствія.
- Я наблюдаю за вами вотъ ужъ полчаса, говоритъ онъ. Вы сидите здъсь ужъ цълыхъ полчаса.
- Да, приблизительно, отвѣчаю я. Вамъ еще чегонибудь угодно? И, взбѣшенный, я подымаюсь и ухожу.

Придя на площадь, я остановился и оглянулся назадъ. Для удовольствія! Развѣ это былъ отвѣтъ? Отъ усталости! долженъ былъ бы ты сказать и при этомъ придать своему голосу какъ можно болѣе слезливое выраженіе, — ты болванъ и никогда не научишься притворяться! — отъ истощенія! и ты долженъ былъ вздыхать при этомъ, какъ кляча.

Дойдя до брандвахты, я снова остановился, мнѣ пришло коечто въ голову. Я прищелкнулъ пальцами, разразился громкимъ смѣхомъ къ изумленію прохожихъ и проговорилъ: Нѣтъ, ты, дѣйствительно, долженъ пойти къ пастору Левіону. Ты непремѣнно долженъ сдѣлать это. Хотя бы только для пробы. Что ты потеряешь отъ этого? Къ тому же погода такая чудесная.

Я зашелъ въ книжный магазинъ Паши, отыскалъ въ апресной книгъ адресъ пастора Левіона и отправился къ нему. Ну, теперь смотри! сказалъ я себъ, только безъ глупостей! Ты говоришь, совъсть? Не болтай вздора; ты слишкомъ бъденъ, чтобы имъть совъсть. Ты изголодался и являещься по важному дълу, не терпящему отлагательства. Но ты долженъ склонить голову на бокъ и говорить на распъвъ. Ты этого не хочешь, что? Но тогда я не иду съ тобой ни шагу дальше, такъ ты и знай! Итакъ: ты находишься въ состояніи, подверженномъ соблазну, по ночамъ борешься съ силами мрака и тьмы, съ громадными, беззвучными чудовищами, борешься такъ, что волосы дыбомъ становятся, ты голоденъ и жаждешь вина и млека небеснаго, но не получаешь ничего. Вотъ, до чего ты дошелъ. И вотъ ты стоищь, и нътъ больше масла въ твоемъ свътильникъ. Но ты въришь въ милосердіе Божіе, слава тебъ, Господи, ты еще не потерялъ въры! И тутъ ты долженъ сложить руки и принять такой видъ, точно никто больше тебя не въритъ въ милосердіе Божіє. Что касается мамона, то ты ненавидишь мамона во встхъ его видахъ; совстмъ другое дъломолитвенникъ, какая-нибудь память за нъсколько кронъ...

У дверей пасторскаго дома я остановился и прочелъ: Контора открыта съ 12 до 4⁴.

Только безъ глупостей! сказалъ я себъ; теперь не до шутокъ! Такъ, голову кверху, еще немного... и я позвонилъ у дверей, ведущихъ въ квартиру пастора.

— Я хотълъ бы видъть пастора, — сказалъ я дъвушкъ; но имени Божьяго я не могъ прибавить.

— Его нътъ дома, — отвътила она.

Нѣтъ дома! Нѣтъ дома! Это разрушало весь мой планъ, совершенно мѣняло все, что я собирался сказать. Для чего же я продѣлалъ весь этотъ длинный путь!

- У васъ дъло къ господину пастору? спросила
- О, нисколько, отвътилъ я, нисколько! Но погода сегодня такая чудесная, и я ръшилъ прогуляться и навъстить пастора.

Я стоялъ по эту сторону двери, она по ту. Я нарочно выпятилъ грудь впередъ, чтобы обратить ея вниманіе на булавку, скалывавшую мой сюртукъ; я молилъ ее глазами увидать и понять, для чего я пришелъ; но бъдняжка ничего не понимала.

Да, чудесная погода. Но, можетъ быть, госпожа пасторша дома?

Да, но у нея подагра, она лежитъ на диванѣ и не можетъ двинуться съ мѣста... Не желаю ли я передать чтонибудь?

Нътъ, ничего. Я просто дълаю иногда такія большія прогулки, ради моціона. Это такъ полезно послъ объда.

Я пошелъ обратно. Да и что толку было стоять и разговаривать? Къ тому же у меня начиналось головокруженіе; еще немного, и я того и гляди свалился бы. Контора открыта съ 12 до 4; я опоздалъ на одинъ часъ, часъ милосердія кончился.

На Сторторветъ я усълся на одной изъ скамей, расположенныхъ вокругъ церкви.

Господи помилуй, какъ все мрачнѣе и мрачнѣе становится мое существованіе! Я не плакалъ, я былъ слишкомъ разбитъ; измученный до крайности, я сидѣлъ, ничего не предпринимая, сидѣлъ, не двигаясь съ мѣста, и голодалъ. Грудь моя навѣрное была воспалена, тамъ внутри невыносимо горѣло. Отъ стружекъ больше не было никакого толку,

челюсти мои устали отъ безплодныхъ усилій, и я далъ имъ покой. Я больше не могъ бороться. Въ довершеніе всего отъ апельсинной корки, которую я нашелъ на улицѣ и сейчасъ же принялся сосать, меня стошнило. Я былъ боленъ; жилы на рукахъ у меня вздулись и посинѣли.

Чего мнъ, въ сущности говоря, еще ждать? Цълый день я бъгалъ по городу въ поискахъ за кроной, которая могла бы продолжить мою жизнь еще на несколько часовъ. Не все ли равно, въ концъ концовъ, случится ли неизбъжное днемъ раньше или позже? Если бы я велъ себя, какъ порядочный человъкъ, я бы давнымъ давно отправился домой и легъ на покой, сдался бы. Въ эту мунуту голова моя работала совершенно ясно. Итакъ, я долженъ умереть; на дворъ какъ разъ стоитъ осень — время, когда все погружается въ сонъ. Я испробовалъ всъ средства, исчерпалъ всъ источники, какіе я только зналъ. Я сантиментально перебиралъ въ головъ эту мысль, и всякій разъ, когда мнъ начинало казаться, что есть еще надежда на спасеніе, я отгонялъ ее отъ себя и шепталъ съ укоромъ: ты — глупецъ, въдь ты уже началъ умирать! Надо написать пару писемъ все устроить, самому приготовиться. Я вымоюсь тщательно и приведу въ порядокъ свою постель; подъ голову я положу листъ бѣлой писчей бумаги, самый чистый предметъ, какой у меня есть, а зеленое одъяло я могу...

Зеленое одъяло! Я сразу очнулся, кровь ударила мнъ въ голову, сердце сильно забилось. Я встаю со скамьи и иду; жизнь снова бьется во всъхъ моихъ жилахъ, и я безостановочно повторяю одни и тъ же слова: зеленое одъяло! Я иду все быстръе и быстръе, какъ если бы мнъ надо было наверстать что-нибудь, и скоро я снова у себя дома, въ мастерской жестяныхъ издълій.

Не останавливаясь ни на одну секунду, не колеблясь въ своемъ рѣшеніи, я прямо направляюсь къ кровати и сворачиваю одѣяло Ганса Паули. Было бы удивительно, если бы

моя прекрасная идея не спасла меня! На глупыя сомнѣнія, подымавшіяся въ душѣ, на внутренній голосъ, втихомолку шептавшій что-то о клеймѣ, о первомъ темномъ пятнѣ на моей чести, я не обращалъ больше вниманія; я былъ безконечно выше этого. Я вѣдь не святой, не добродѣтельный идіотъ, у меня еще есть разумъ въ головѣ...

И я взялъ одъяло подъмышку и отправился на Стенерсгаденъ, номеръ 5.

Я постучался и вошелъ въ огромный, незнакомый мнъ залъ; это было въ первый разъ, что я сюда входилъ; звонокъ на дверяхъ отчаянно затрещалъ надъ моей головой. Изъ сосъдней комнаты, жуя, съ полнымъ ртомъ, выходитъ человъкъ и становится за прилавкомъ.

- Не дадите ли вы мнѣ полъ-кроны подъ залогъ моихъ очковъ? спросилъ я; я ихъ выкуплю навѣрное черезъ пару дней.
 - Какъ? Да вѣдь это стальныя очки?
 - Да.
 - Нътъ, я не могу ихъ взять.
- Да, конечно, вы не можете ихъ взять. Собственно говоря, это была только шутка. Да, но у меня есть съ собой одъяло, для котораго у меня нътъ, въ сущности, никакого примъненія, и мнъ пришло въ голову, не избавите ли вы меня отъ него.
- Къ сожалѣнію, у меня цѣлый складъ одѣялъ,—отвѣтилъ онъ, и такъ какъ я между тѣмъ развернулъ свое одѣяло, онъ бросилъ на него одинъ единственный взглядъ и воскликнулъ:
- Нѣтъ, простите, но у меня тоже нѣтъ для него никакого примѣненія!
- Я хотѣлъ вамъ показать сначала болѣе худую сторону, сказалъ я; другая сторона гораздо лучше.
- Да, да, но это все равно, я не желаю его, и вы и въ другомъ мъстъ не получите за него и десяти эре.

- Да, это ясно, что оно ничего не стоитъ, сказалъ я; но я думалъ, что оно, можетъ быть, вмъстъ съ какимънибудь другимъ старымъ одъяломъ можетъ пойти на аукціонъ.
 - Нътъ, оно совершенно ни къ чему.
 - Двадцать пять эре! сказалъ я.
- Да нътъ, я вовсе не хочу его, вы слышите, я не хочу его имъть у себя въ домъ!

Я снова взялъ свое одъяло подъ мышку и пошелъ домой.

Я сдълалъ видъ, точно ничего не произошло, разложилъ снова одъяло на постели, тщательно разгладилъ его, какъ дълалъ всегда, и старался уничтожить всякій слъдъ своего послъдняго поступка. Я никоимъ образомъ не могъ быть въ полномъ разсудкъ въ ту минуту, когда ръшилъ совершить такое мошенничество; чъмъ больше я думалъ объ этомъ ръшеніи, тъмъ безумнъе оно мнъ казалось. Это былъ, должно быть, приступъ слабости, какое-то душевное отупъніе, захватившее меня врасплохъ. Но едва я попался въ эту ловушку, какъ сейчасъ же цочуялъ, что это не приведетъ меня къ добру, и намъренно пустилъ сперва въ ходъ очки. И я страшно радовался, что мнъ не удалось совершить этотъ проступокъ, который покрылъ бы позоромъ послъдніе часы моей жизни.

Я снова вышелъ въ городъ.

У церкви Спасителя я опустился на скамью; въ изнеможеніи отъ только что перенесеннаго возбужденія, я дремалъ, опустивъ голову на грудь, больной и истощенный голодомъ. И время шло.

Я хотълъ провести на воздухъ еще этотъ часъ; здъсь, на улицъ, было свътлъе, чъмъ въ комнатъ; къ тому же мнъ казалось, что груди моей легче на свъжемъ воздухъ; да я и успъю еще притти домой достаточно рано.

И я продолжалъ сидъть, дремалъ, и думалъ, и испытывалъ жестокія страданія. Я нашелъ маленькій камушекъ, который очистилъ рукавомъ сюртука и сунулъ въ ротъ, чтобы хоть

что-нибудь имъть во рту; но затъмъ я больше не двигался и даже не открывалъ глазъ. Люди проходили мимо меня, стукъ колесъ, лошадиныхъ копытъ и разговоры наполняли воздухъ.

Но не попробовать ли мнѣ все-таки пустить въ ходъ пуговицы? Это, конечно, ни къ чему не приведетъ, да кромѣ того, я чувствую себя совершенно больнымъ. Но въ сущности, вѣдь, идя домой, я прохожу мимо ломбарда — мимо моего собственнаго ломбарда.

Наконецъ, я поднялся и медленно, весь дрожа, потащился по улицамъ. Глаза у меня горѣли, повидимому, у меня начиналась лихорадка, и я торопился, насколько позволяли силы. Я снова прошелъ мимо булочной, въ окнѣ еще лежалъ хлѣбъ. Прекрасно, теперь мы не будемъ здѣсь останавливаться, сказалъ я себѣ съ дѣланной твердостью. А что, если бы зайти и попросить кусокъ хлѣба? Это была только мимолетная мысль, сверкнувшая, какъ молнія; но, конечно, я и не подумаю это сдѣлать. — Фи! — прошепталъ я и покачалъ головой. И я пошелъ дальше.

Въ воротахъ стояла влюбленная парочка и шепталась; недалеко отъ нихъ изъ окошка высунулась голова дъвушки. Я шелъ очень медленно, словно обдумывая что-то — дъвушка вышла на улицу.

— Что съ тобой, старина? Что ты, боленъ? Нътъ, помилуй меня, Богъ, что за лицо! — И дъвушка быстро скрылась.

Я остановился. Что такое было съ моимъ лицомъ? Или я, въ самомъ дѣлѣ, уже началъ умирать? Я провелъ рукой по лицу: исхудалое лицо, конечно, я исхудалъ, на мѣстѣ щекъ были глубокіе провалы; но, Господи Боже мой... И я потащился дальше.

Минуты черезъ двѣ я снова остановился. Я, должно быть, невѣроятно исхудалъ. И глаза у меня чуть что не вылѣзали изъ орбитъ. На кого я, собственно, похожъ? Вѣдь это чортъ знаетъ, что такое, что человѣкъ живьемъ долженъ гнить съ

голоду! Я опять почувствовалъ приступъ бъщенства, послъднюю вспышку. Помилуй и спаси насъ Богъ отъ такого
лица, что? Вотъ у меня голова, подобной которой не найдется во всей странъ, и пара кулаковъ, которыми, прости
меня, Господи, я могъ бы стереть въ порошокъ любого городового, и при всемъ томъ я долженъ умирать съ голоду
на улицахъ столицы Христіаніи! Есть ли во всемъ этомъ
какой-нибудь смыслъ? Я валялся въ конуръ и работалъ
днемъ и ночью, какъ какая-нибудь кляча; я читалъ и работалъ чуть что не до потери зрънія и голодалъ чуть что не
до потери разсудка — и чего я добился? Даже какая-нибудь
уличная потаскуха проситъ Бога избавить ее отъ зрълища
моего лица. Но теперь стопъ, довольно! ты понимаешь? —
довольно, чортъ побери...

Злоба моя все росла, ни на минуту не исчезавшее ощущение слабости только увеличивало ее, и я продолжаль бъсноваться, скрежеща зубами, плача и кляня, и не обращая никакого вниманія на прохожихъ. Я снова началъ истязать самого себя, нарочно бился головой о фонарные столбы, запускалъ ногти глубоко въ ладони, въ бъшенствъ кусалъ себъ языкъ, когда онъ произносилъ слова неясно, и хохоталъ, какъ сумасшедшій, всякій разъ, когда боль была сильна.

Да, но что мнѣ дѣлать? спросилъ я себя въ концѣ концовъ. И я нѣсколько разъ топаю ногой и повторяю: что мнѣ дѣлать? Въ эту минуту проходитъ мимо меня господинъ и замѣчаетъ, улыбаясь:

 Пойти и заявить, чтобы васъ засадили въ сумасшедшій домъ.

Я посмотрълъ ему вслъдъ. Это былъ одинъ изъ нашихъ извъстныхъ дамскихъ докторовъ, по прозванію "Герцогъ". Даже онъ не понималъ моего состоянія, человъкъ, котораго я зналъ, которому пожималъ руку. Я стоялъ, молча. Чтобы меня засадили въ сумасшедшій домъ? Да, я сошелъ съ ума; онъ правъ. Я чувствовалъ безуміе въ своей крови, чувство-

валъ, какъ оно охватываетъ мой мозгъ. Такъ вотъ какъ мнѣ суждено кончить! Да, да! И я снова пустился въ свой медленный, печальный путь. Такъ тамъ, значитъ, мнѣ суждено пристать!..

И вдругъ я опять останавливаюсь. Но только бы меня не засадили! говорю я; только не это! И я чуть не хрипълъ отъ страха. Я молился, посылалъ въ пространство мольбы о томъ, чтобы меня не засадили. Я опять попаду въ ратушу, и опять меня запрутъ въ темную камеру, гдѣ не будетъ ни одного луча свѣта. Только не это! Предо мною открыты еще другіе пути, которыхъ я еще не испробовалъ. И я хочу ихъ испробовать; я буду такъ стараться, буду неутомимо ходить изъ дома въ домъ. Вотъ, напримъръ, музыкальный торговецъ Цислеръ, у него я еще не былъ. Выходъ еще есть... Такъ я шелъ и говорилъ самъ съ собою, чуть не плача отъ жалости къ себъ. Только не быть посаженнымъ въ темную камеру!

Цислеръ? Не перстъ ли это свыше? Его имя пришло мнъ на умъ совершенно случайно, и живетъ онъ къ тому же такъ далеко; но я все-таки пойду къ нему, пойду медленно и буду часто отдыхать. Я знаю дорогу, я часто бывалъ тамъ, въ прежнія, счастливыя времена часто покупалъ у него ноты. Попросить у него полкроны? Это, можетъ быть, поставитъ его въ неловкое положеніе; я лучше попрошу цълую крону.

Я вошель въ магазинъ и спросилъ хозяина; мнѣ указали контору. Тамъ сидѣлъ красивый, одѣтый по модѣ, человѣкъ и просматривалъ счета.

Я пробормоталъ извиненіе и изложилъ свою просьбу. Вынужденъ необходимостью обратиться къ нему... Скоро верну ему долгъ... Какъ только получу гонораръ за газетную статью... Онъ окажетъ мнѣ огромное одолженіе...

Покуда я говорилъ еще, онъ отвернулся къ конторкъ и сталъ продолжать свою работу. Когда я кончилъ, онъ искоса взглянулъ на меня, покачалъ своей красивой головой и про-

говорилъ: — нѣтъ! — Только "нѣтъ". Никакихъ объясненій. Ни одного слова больше.

Колѣни у меня дрожали такъ сильно, что я былъ вынужденъ прислониться къ маленькому полированному шкапчику. Я попробую еще разъ. Почему какъ разъ его имя пришло мнѣ въ голову въ ту минуту, когда я стоялъ посреди улицы въ другомъ концѣ города? Въ лѣвомъ боку у меня нѣсколько разъ закололо, и по всему тѣлу сталъ проступать потъ. Гмъ! Я, дѣйствительно, крайне нуждаюсь, сказалъ я, на бѣду я еще и заболѣлъ; навѣрное, пройдетъ не больше нѣсколькихъ дней, и я буду въ состояніи уплатить ему. Не будетъ ли онъ такъ добръ?..

- Милъйшій, почему вы пришли какъ разъ ко мнѣ? сказалъ онъ. Вы для меня совершенно чужой человъкъ, первый встръчный съ улицы. Ступайте въ редакцію, гдъ васъ знаютъ.
- Только на сегодняшній вечеръ! проговорилъ я. Редакція уже закрыта, а я такъ страшно голоденъ.

Онъ продолжалъ качать головой, продолжалъ даже тогда, когда я уже взялся за ручку двери.

— Прощайте! — сказалъ я.

Это, значитъ, не былъ перстъ свыше, подумалъ я, горько улыбаясь; такъ высоко достаетъ и мой собственный перстъ, коли на то пошло. Я тащился изъ квартала въ кварталъ, отъ времени до времени отдыхая немного на ступенькахъ крылецъ. Только бы меня не засадили! Страхъ передъ темной камерой преслъдовалъ меня все время, не давалъ мнъ покоя; всякій разъ, когда я издали замъчалъ констабля, я сворачивалъ въ боковую улицу, чтобы избъгнуть встръчи съ нимъ. Теперъ мы отсчитаемъ сто шаговъ, сказалъ я себъ, и снова попытаемъ счастья. Въдъ когда нибудь да должна же быть удача...

На этотъ разъ мнѣ попался небольшой магазинъ пряжи, лавочка, въ которой я никогда раньше не былъ. За прилав-

комъ одинъ единственный человъкъ, въ глубинъ дверь съ фарфоровой дощечкой въ контору, по стънамъ длинные ряды полокъ, заваленныхъ пряжей. Я сталъ ждать, покуда не уйдетъ изъ лавки послъдняя покупательница, молодая дама съ ямочками на щекахъ. Какой у нея былъ счастливый видъ! Въ своемъ сюртукъ, съ булавкой вмъсто пуговицъ, я и не пытался произвести на нее впечатлъніе; я отвернулся, и грудь мою приподняло беззвучное рыданіе.

- Вамъ угодно чего-нибудь? обратился ко мнъ при-
 - Могу я видъть хозяина? сказалъ я.
- Онъ отправился въ горную экскурсію въ Іотунгейменъ. — отвътилъ онъ. — У васъ къ нему дъло?
- Все дѣло только въ нѣсколькихъ эре, чтобы купить чего-нибудь поѣсть, сказалъ я, пытаясь улыбнуться. Я очень проголодался, и у меня нѣтъ ни одного эре.
- Такъ вы, значитъ, такъ же богаты, какъ и я, сказалъ онъ и принялся приводить въ порядокъ пакеты съ пряжей.
- О, не отказывайте мнѣ въ помощи! не дѣлайте этого теперь! проговорилъ я, чувствуя, какъ тѣло мое вдругъ похолодѣло. Я, право, чуть не умираю съ голоду, я нѣсколько дней уже ничего не ѣлъ.

Самымъ серьезнымъ образомъ, не говоря ни слова, онъ принялся выворачивать свои карманы одинъ за другимъ. Я не върю ему на слово, что ли?

- Только пять эре, сказалъ я. Вы черезъ пару дней получите за нихъ десять.
- Голубчикъ, не хотите ли вы, чтобы я укралъ изъ кассы? спросилъ онъ нетерпъливо.
 - Да! сказалъ я, да, возьмите пять эре изъ кассы.
- Я такими вещами не занимаюсь, заключилъ онъ и прибавилъ: и теперь позвольте вамъ замътить, что съ меня этого разговора достаточно.

Я вышелъ, изнемогая отъ голода и сгорая отъ стыда. Какъ собака, я молилъ о жалкой кости и все-таки не досталъ ея. Нѣтъ, этому долженъ быть конецъ! Дѣло зашло слишкомъ далеко. Я держался столько лѣтъ, не падалъ въ самыя тяжелыя минуты, и вотъ теперь я опустился до самаго постыднаго попрошайничества. За этотъ одинъ день мои мысли и чувства огрубѣли до невозможности и чувство стыда исчезло въ душѣ моей. Я не постыдился даже ныть и клянчить передъ послѣднимъ торгашемъ. И къ чему это привело? Точно я и сейчасъ не былъ лишенъ попрежнему даже корки хлѣба. Я дошелъ до того, что долженъ чувствовать отвращеніе къ самому себѣ. Да, да, этому необходимо положить конецъ! Скоро закроютъ ворота у меня дома, и я долженъ поторопиться, если не хочу опять провести ночь въ ратушѣ...

Это придало мнв силь; провести ночь въ ратушв я не котълъ. Сильно перегнувшись впередъ и прижимая рукой лъвый бокъ, чтобы котъ немного утишить боль, не подымая глазъ съ тротуара, чтобы знакомые, которыхъ я могъ встрътить, не были вынуждены раскланяться со мной, я пошелъ по направленію къ дому. Слава Богу, на башнъ церкви Спасителя было всего семь часовъ. Я имълъ передъ собой еще цълыхъ три часа. Какъ я боялся опоздать!

Теперь не осталось больше ни одного средства, котораго бы я не испробовалъ, я сдълалъ все, что могъ. Но за весь день ни одной удачи, думалъ я. Если я разскажу это комунибудь, то никто не повъритъ, а если я опишу, то скажутъ, что это выдумано. Ни въ одномъ мъстъ удачи! Да, да, ничего не подълаешь; но прежде всего только не растрогиваться и не приходить въ жалобное настроеніе. Фи, какъ это противно, увъряю тебя, ты этимъ вызываешь во мнъ только отвращеніе къ себъ! Разъ надежды больше нътъ, такъ нътъ. Нельзя ли, впрочемъ, стащить горсть овса въ конюшнъ? Опять лучъ свъта, мелькнувшій и исчезнувшій, какъ молнія,—я зналъ, что конюшня заперта.

Я не утруждалъ себя и тащился черепашьимъ шагомъ. Я почувствовалъ жажду, къ счастью, въ первый разъ за весь день, и поминутно оглядывался, не найду ли гдъ-нибудь воды. Отъ базарной площади я ушелъ слишкомъ далеко, а въ частный домъ мнт не хоттлось заходить; не подождать ли, пока я приду домой? это еще четверть часа. Въдь отнюдь не сказано, что желудокъ мой сохранитъ этотъ глотокъ воды; онъ ничего больше не переносилъ, даже слюна, которую я глоталъ, вызывала во мнт тошноту.

А пуговицы? Я вѣдь не пустилъ еще въ ходъ пуговицъ! Я сразу остановился и не могъ удержаться отъ улыбки. Быть можетъ, еще все-таки есть спасеніе! Я еще не совсѣмъ погибъ! Я навѣрное получу за нихъ десять эре, завтра я какимъ-нибудь другимъ способомъ достану еще десять, а въ четвергъ я получу гонораръ за газетную статью. Еще все можетъ наладиться и пойти хорошо! И какъ это я могъ забыть про пуговицы? Я вынулъ ихъ изъ кармана и, продолжая итти, любовался ими; отъ радости у меня потемнѣло въ глазахъ, и я еле видѣлъ дорогу, по которой шелъ.

Какъ хорошо мнѣ былъ знакомъ большой подвалъ, мое прибѣжище въ темные вечера, мой единственный другъ, высасывавшій изъ меня кровь! Вещь за вещью все мое имущество перекочевало туда, мои мелочи, привезенныя еще изъ дому, моя послѣдняя книга. Въ дни аукціоновъ я охотно ходилъ туда, чтобы посмотрѣть на свои вещи, и какъ я радовался, когда книги мои попадали, какъ мнѣ казалось, въ хорошія руки! Часы мои достались актеру Магельсену, и я почти гордился этимъ; календарь, въ которомъ былъ записанъ мой первый маленькій поэтическій опытъ, купилъ знакомый, а мое пальто нашло тихую пристань въ ателье фотографа. Пожаловаться не на что было.

Я держу пуговицы наготовъ и вхожу. Мой "другъ" сидитъ за конторкой и пишетъ.

— Мнѣ не къ спѣху, — говорю я, боясь помѣшать ему

и привести его этимъ въ дурное настроеніе. Голосъ мой звучалъ такъ странно глухо, что я самъ едва узналъ его, а сердце стучало, какъ молотъ.

Онъ, по обыкновенію, подходить ко мнѣ, улыбаясь, кладеть обѣ руки на прилавокъ и смотритъ мнѣ въ лицо, не говоря ни слова.

Вотъ у меня есть тутъ кое-что, и я хотълъ спросить его, не пригодится ли ему это... вещь, которая только мъшаетъ мнъ дома, увъряю васъ, доставляетъ мнъ одно мученіе... нъсколько пуговицъ...

— Въ чемъ дѣло, какія такія пуговицы? И онъ наклоняетъ голову совсѣмъ близко къ моей рукѣ.

Не можетъ ли онъ дать мнѣ за нихъ нѣсколько эре... Сколько онъ самъ найдетъ возможнымъ... Я совершенно предоставляю ему...

За пуговицы? И мой "другъ" удивленно смотритъ на меня. За эти пуговицы?

Столько лишь, чтобы хватило на сигару, или — сколько онъ самъ хочетъ. Я какъ разъ проходилъ мимо и ръшилъ зайти.

Старый ростовщикъ разсмъялся и вернулся къ своей конторкъ, не говоря ни слова. Я продолжалъ стоять. Я въ сущности, не особенно надъялся, но все-таки думалъ, что спасеніе еще возможно. Этотъ смъхъ былъ моимъ смертнымъ приговоромъ. Пожалуй, безполезно будетъ теперь попытаться предложитъ ему очки?

- Очки я, конечно, далъ бы въ придачу, это само собою разумъется, —сказалъ я, снимая ихъ. Всего лишь десять эре, или, если онъ не можетъ, то хоть пять.
- Въдь вы же знаете, что я ничего не могу дать подъ залогъ очковъ, — сказалъ онъ; — я уже разъ сказалъ вамъ это.
- Но мнѣ нужна почтовая марка,—сказалъ я глухо; я даже не могу отослать писемъ, которыя мнѣ надо написать. Марку въ десять или пять эре, какъ вамъ будетъ угодно.

 Господь съ вами, и ступайте съ Богомъ, — отвѣтилъ онъ, махая на меня рукой.

Да, ну что жъ, пускай! сказалъ я самому себъ. Я машинально надълъ очки, собралъ свои пуговицы и пошелъ; я сказалъ спокойной ночи и затворилъ за собой дверь, какъ ни въ чемъ не бывало. Такъ! ничего не подълаешь! Поднявшись изъ подвала наверхъ, я останововился и еще разъ осмотрълъ пуговицы. Странно, что онъ ни за что не хочетъ ихъ взять! проговорилъ я; почти новыя пуговицы; я этого не понимаю!

Въ то время, какъ я стоялъ, погруженный въ эти размышленія, мимо меня прошелъ человѣкъ и сталъ спускаться въ подвалъ. Второпяхъ отъ толкнулъ меня; мы оба извинились, я повернулся и посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

- Какъ, это ты? сказалъ онъ вдругъ, останавливаясь. Онъ снова поднялся наверхъ, и я узналъ его. Помилуй меня Богъ, на кого ты похожъ! сказалъ онъ. Что ты здѣсь дѣлаешь?
 - О! разныя дѣла. Ты идешь внизъ, какъ я вижу?
 - Да. Что ты сюда приносилъ?

Колѣни у меня дрожали, я прислонился къ стѣнѣ и протянулъ руку съ пуговицами.

- Что такое, чортъ возьми?—воскликнулъ онъ.—Нътъ, это ужъ слишкомъ!
- Спокойной ночи! сказалъ я и повернулся, чтобы уйти; я чувствовалъ, какъ слезы подступаютъ мнѣ къ горлу.
 - Нътъ, погоди минутку, сказалъ онъ.

Чего мнѣ ждать? Вѣдь онъ и самъ шелъ въ ломбардъ, можетъ быть, со своимъ обручальнымъ кольцомъ, онъ, можетъ быть, много дней голодалъ, задолжалъ хозяйкѣ.

- Хорошо, сказалъ я, если ты не долго...
- Конечно, отвѣтилъ онъ и схватилъ меня за руку;
 но я долженъ сказать тебѣ, что я тебѣ не вѣрю, ты идіотъ;
 лучше всего, если ты пойдешь со мной.

Я понялъ, чего онъ хочетъ, во мнѣ вдругъ снова зашевелилось чувство чести, и я отвътилъ:

- Никакъ не могу! Я объщалъ быть въ половинъ восьмого на Бернтъ-Анкерсгаде, и...
- Въ половинъ восьмого, совершенно върно! Но теперь восемь часовъ. Вотъ у меня въ рукъ часы, съ которыми я и шелъ внизъ. Итакъ, ступай-ка впередъ, старый гръшникъ! Я раздобуду на твою долю, по крайней мъръ, пять кронъ.

И онъ толкнулъ меня впередъ.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ.

Прошла недъля въ радости и блаженствъ

И на этотъ разъ мнѣ удалось выплыть, я ѣлъ каждый день, мое мужество росло, и я ковалъ желъзо, пока горячо. У меня было три или четыре статьи, надъ которыми я работалъ одновременно и для которыхъ я повилъ каждый проблескъ фантазіи, каждую мысль, мелькавшую въ моемъ бъдномъ мозгу, и мнъ казалось, что теперь у меня дъло идетъ лучше. Послъдняя моя статья, съ которой я столько набъгался и на которую возлагалъ столько надеждъ, была мнъ возвращена редакторомъ, и я, оскорбленный и разсерженный, сейчасъ же уничтожилъ ее, даже не перечитавъ еще разъ. На будущее время надо попытаться устроиться еще въ другой газетъ, чтобы имъть предъ собою нъсколько путей. Въ худшемъ случаѣ, если бы ничего не помогло, у меня есть еще одинъ выходъ: суда; "Монахиня" стоитъ въ гавани, готовая къ отплытію, и я, можеть быть, могь бы достать на ней работу и отправиться съ ней въ Архангельскъ, или куда бы она ни шла. Такимъ образомъ у меня было много видовъ впереди, съ самыхъ различныхъ сторонъ.

Послѣдній мой кризисъ отразился на мнѣ очень плохо; волосы начали у меня падать въ огромномъ количествѣ, головныя боли тоже не мало мучили меня, особенно по утрамъ, а нервность моя нисколько не уменьшалась. Днемъ я сидѣлъ и писалъ, обвязавъ руки тряпками, только потому. что не переносилъ, когда ихъ касалось мое собственное дыханіе. Когда Іенсъ Олай хлопалъ внизу подо мною две-

рями конюшни, или на заднемъ дворѣ лаяла собака, я весь вздрагивалъ, словно по всему моему тѣлу пробѣгали многочисленные уколы, пронизывавшіе меня до мозга костей. Я былъ въ скверномъ состояніи.

Изо дня въ день я работалъ съ величайшимъ усердіемъ, позволяя себѣ короткіе перерывы только для ѣды, послѣ чего снова садился писать. Моя кровать и мой маленькій, шатающійся письменный столъ были наводнены замѣтками и исписанными листами, надъ которыми я работалъ поперемѣнно, прибавляя новое, что приходило мнѣ въ голову въ теченіе дня, вычеркивая, оживляя мертвыя мѣста здѣсь и тамъ какимъ-нибудь красочнымъ словомъ и вымучивая съ величайшими усиліями фразу за фразой. Наконецъ, однажды послѣ обѣда я закончилъ одну изъ своихъ статей и, счастливый и довольный, сунулъ ее въ карманъ и отправился къ "Командору". Давно пора было позаботиться о томъ, чтобы раздобыть немного денегъ, въ карманѣ у меня оставалось совсѣмъ немного.

"Командоръ" попросилъ меня посидъть одну минуту, онъ сейчасъ... и онъ продолжалъ писать.

Я принялся оглядывать маленькую контору: бюсты, литографіи, вырѣзки, невѣроятной величины корзина для бумагъ, въ которой цѣликомъ могъ бы укрыться взрослый человѣкъ. Мнѣ стало грустно при видѣ этого огромнаго зѣва, этой драконовой пасти, всегда открытой, всегда готовой поглотить новыя забракованныя работы, — новыя разбитыя надежды.

- Которое у насъ сегодня число? говоритъ вдругъ "Командоръ", не подымая головы.
- 28-е, отвъчаю я, радуясь, что могу оказать ему хотя бы такую услугу.
- 28-е. И онъ продолжаетъ писать. Наконецъ, онъ запечатываетъ пару писемъ, швыряетъ нѣсколько бумагъ въ корзину и кладетъ перо. Затѣмъ онъ поворачивается на стулѣ и устремляетъ на меня глаза. Замѣтивъ, что я все

еще стою, онъ дълаетъ полусерьезное, полушутливое движеніе рукой и указываетъ на стулъ.

Вынимая рукопись изъ бокового кармана, я отворачиваюсь для того, чтобы онъ не видълъ, что на мнѣ нѣтъ жилета.

— Это маленькая карактеристика Корреджіо, — говорю я, — но она, пожалуй, не такъ написана, чтобы...

Онъ беретъ рукопись изъ моихъ рукъ и начинаетъ ее перелистывать. Лицо его обращено ко мнъ.

Такъ вотъ какъ онъ выглядитъ вблизи, этотъ человѣкъ, имя котораго я слыхалъ еще въ ранней юности, газета котораго имѣла на меня величайшее вліяніе въ теченіе многихъ лѣтъ. У него курчавые волосы и красивые, каріе, немного безпокойные глаза; у него привычка по временамъ слегка сопѣть носомъ. У шотландскаго пастора не могло быть болѣе кроткаго выраженія лица, чѣмъ у этого опаснаго журналиста, слово котораго, куда бы оно ни падало, всегда оставляло кровавый слѣдъ. Странное ощущеніе страха и восхищенія передъ этимъ человѣкомъ охватываетъ меня, ощущеніе, едва не вызывающее слезы на глаза, и я невольно дѣлаю шагъ впередъ, чтобы сказать ему, какъ глубоко я ему признателенъ за все, чему онъ меня научилъ, и просить его не причинять мнѣ страданій; я не болѣе, какъ жалкій профанъ, которому и безъ того живется достаточно грустно...

Онъ поднялъ голову и сталъ медленно складывать мою рукопись; нѣсколько минутъ онъ сидѣлъ въ задумчивости. Чтобы облегчить ему отказъ, который былъ у него наготовѣ для меня, я протягиваю руку и говорю:

- Да, она, конечно, никуда не годится?—И я улыбаюсь, чтобы показать ему, что отношусь къ этому легко.
- Намъ нужны все очень популярныя вещи, отвъчаетъ онъ; вы въдь знаете, какого рода наша публика. Но не можете ли вы передълать эту вещь, упростить ее немного? Или выбрать какую-нибудь другую тему, болъе понятную нашей публикъ?

Его деликатность вызываетъ во мнѣ удивленіе. Я понимаю, что статья моя забракована, а между тѣмъ отказъ былъ сдѣланъ въ формѣ, мягче которой ничего не могло бытъ. Чтобы не задержать его дольше, я говорю:

— Да, конечно, это я могу.

Я направляюсь къ двери. Гмъ! Я прошу меня извинить, что занялъ его время этимъ... Я кланяюсь и берусь за ручку двери.

— Если вамъ нужно, — говоритъ онъ, — то вы можете получить небольшой авансъ. Вы намъ напишете чтонибудь.

Но въдь онъ только что убъдился, что я не умъю писать! Его предложеніе задъваетъ мое самолюбіе, и я отвъчаю:

- Нътъ, благодарю васъ, я еще могу продержаться нъкоторое время. Очень вамъ благодаренъ. До свиданія!
- До свиданія! отвъчаетъ "Командоръ" и снова на клоняется надъ своимъ письменнымъ столомъ.

Онъ все-таки отнесся ко мнѣ незаслуженно любезно, и я былъ ему очень благодаренъ за это; я сумѣю это цѣнить. И я рѣшаю не являться къ нему больше, покуда не смогу принести ему работу, которой я самъ буду вполнѣ доволенъ, которая немного удивитъ "Командора" и заставитъ его безъ тѣни колебанія предложитъ мнѣ десять кронъ. Съ этимъ рѣшеніемъ я отправляюсь домой и снова принимаюсь за работу.

Въ теченіе послѣдующихъ вечеровъ, около восьми часовъ, когда улица пустѣетъ, каждый день происходитъ слѣдующее:

Когда я выхожу изъ воротъ своего дома, чтобы послъ дневного труда прогуляться немного по улицамъ, я замъчаю недалеко отъ воротъ одътую въ черное даму; она стоитъ у газоваго фонаря и, поворачивая лицо ко мнъ, провожаетъ меня глазами, когда я прохожу мимо нея. Я замъчаю, что она всегда одъта одинаково, на ней та же густая вуаль, скрывающая ея лицо и ниспадающая на грудь, и въ рукъ

у нея небольшой зонтикъ съ кольцомъ изъ слоновой кости на ручк $\dot{\mathbf{b}}$.

Вотъ уже третій вечеръ, что я вижу ее тамъ, всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ; какъ только я прохожу мимо нея, она медленно поворачивается и уходитъ въ противоположную сторону.

Мой лихорадочно настроенный мозгъ сейчасъ же занялся этимъ, и у меня зародилось безумное подозрѣніе, что посѣщенія ея относятся ко мнъ. Въ концъ концовъ, я былъ готовъ заговорить съ ней, спросить ее, кого она ищетъ, не нужна пи ей моя помощь, не могу ли я проводить ее, предложить ей, несмотря на мой худой костюмъ, свою защиту на темныхъ улицахъ; но меня останавливалъ неопредъленный страхъ, что это повлечетъ за собой расходы, стаканъ вина, извозчика, а у меня совершенно не было больше денегъ; мои безнадежно пустые карманы дъйствовали на меня угнетающе, и у меня не было даже мужества посмотръть на нее пристально, когда я проходилъ мимо нея. Голодъ опять посътилъ меня, и со вчерашняго вечера я ничего не ѣлъ; это, конечно, было еще немного, мнѣ часто случалось голодать гораздо дольше; но въ послъднее время я началъ значительно худъть, я совершенно не былъ больше въ состояніи голодать такъ успѣшно, какъ раньше, одинъ день голоданія приводилъ меня въ полное отупѣніе, и часто у меня дѣлалось рвота, какъ только я выпивалъ воды. Къ этому надо прибавить еще то, что я страшно зябъ по ночамъ, я ложился совершенно въ томъ же видъ, какъ ходилъ днемъ, но у меня зубъ на зубъ не попадалъ отъ холода, а во время сна я совершенно коченълъ. Старое одъяло не могло меня защитить отъ страшнаго сквозняка, и по утрамъ я просыпался оттого, что носъ мой леденъпъ отъ ръзкаго холоднаго воздуха, проникавшаго ко мнъ снаружи.

Я иду по улицамъ и думаю о томъ, что бы мнъ предпринять, чтобы продержаться до тъхъ поръ, пока не будетъ готова моя слъдующая статья. Если бы у меня была свъча, я бы попробовалъ поработать ночью; это дало бы мнѣ нѣсколько лишнихъ часовъ работы, если бы только мнѣ удалось притти въ настоящее настроеніе, и завтра я могъ бы снова отправиться къ "Командору".

Не долго думая, я отправляюсь въ кафэ, въ которомъ бываетъ мой знакомый изъ банка; если я встрѣчу его тамъ, я попрошу у него десять эре на свѣчу. Я безпрепятственно прохожу по всѣмъ комнатамъ, миную около дюжины столовъ, за которыми посѣтители, разговаривая и смѣясь, ѣдятъ и пьютъ, проникаю въ самое сердце кафэ, въ такъ называемую "красную комнату", но нигдѣ не нахожу своего знакомаго. Удрученный и сердитый, я снова выхожу на улицу и поворачиваю по направленію къ дворцу.

Но это чортъ знаетъ что такое, моимъ мытарствамъ совершенно не предвидится конца! Ръзкимъ движеніемъ поднявъ воротникъ своего сюртука и засунувъ руки въ карманы своихъ панталонъ, я шелъ крупными, сердитыми шагами и, на чемъ свътъ стоитъ, ругалъ и клялъ свою несчастную звъзду. Вотъ уже семь, восемь мъсяцевъ, что я не знаю ни одного дъйствительно беззаботнаго дня, въ лучшемъ случаъ мнъ едва на недълю хватаетъ скуднаго питанія, какъ уже снова нужда стучится ко мнъ въ дверь. И при всемъ томъ я еще разыгрывалъ изъ себя честнаго человѣка, хе-хе, въ минуты самой большой нужды я оставался честнымъ до мозга костей! Помилуй меня Богъ, какъ я былъ глупъ! И я принялся вспоминать, какъ я даже мучился угрызеніями совъсти только потому, что однажды снесъ къ ростовщику одъяло Ганса Паули. Я иронизировалъ надъ своей чуткой совъстью, плевалъ презрительно на мостовую и не находилъ достаточно словъ, чтобы заклеймить собственную глупость. О, если бы это было теперь! Если бы я нашелъ единственный шиллингъ маленькой школьной дъвочки, съ трудомъ скопленный ею и потерянный на улицѣ, или послѣдній грошъ бѣдной вдовы, я поднялъ бы его и сунулъ въ карманъ, присвоилъ бы себъ

вполнъ сознательно и хладнокровно и послъ этого самымъ спокойнымъ образомъ легъ бы спать и проспалъ бы ночь, какъ мертвый. Не даромъ я перенесъ такъ невыразимо много страданій, терпънію моему пришелъ конецъ, я былъ теперь готовъ на все.

Я обошелъ дворецъ три, четыре раза, послъ чего ръшилъ вернуться домой, заглянулъ еще въ паркъ и, наконецъ, повернулъ обратно по улицъ Карла Іоанна.

Было около одиннадцати часовъ. На улицѣ было темно, и всюду кругомъ двигались люди, то тихими парочками, то шумными группами. Насталъ великій и таинственный часъ, часъ взаимнаго исканія, тайнаго промысла, веселыхъ похожденій. Шелестъ женскихъ юбокъ, то здѣсь, то тамъ короткій, чувственный смѣхъ, копыхающіяся груди, взволнованное, порывистое дыханіе; гдѣ-то вдали чей-то голосъ кричитъ: "Эмма"! Вся улица — сплошное болото, изъ котораго подымаются тяжелые, удушливые пары.

Я невольно начинаю шарить въ карманахъ, не найдется ли въ нихъ пары кронъ. Страсть, дрожащая въ каждомъ изъ мимолетныхъ движеній, мутный, точно потуски вшій свътъ газовыхъ фонарей, самый воздухъ этой тихой, словно насыщенной страстью, ночи, эта атмосфера шопота, объятій, дрожащихъ признаній, полусловъ, легкихъ вскриковъ — все это начинаетъ дъйствовать на меня; въ нъкоторомъ отдаленіи даже кошки, громко крича, торжествують часъ любви. А у меня нътъ даже двухъ кронъ. Что за несчастье, что за ужасъ быть до такой степени бъднымъ! Какое униженіе, какой позоръ! И мнъ снова пришли на умъ послъдніе гроши бъдной вдовы, которые я охотно присвоилъ бы себъ, фуражка или носовой платокъ какого-нибудь школьника, сума нищаго, которую я безъ зазрѣнія совѣсти снесъ бы къ старьевщику. чтобы вырученныя деньги прокутить. Для собственнаго утъшенія и чтобы вознаградить себя хоть чізмъ-нибудь, я принялся отыскивать всевозможные недостатки у встахъ этихъ

веселыхъ людей, проходившихъ мимо меня; я сердито пожималъ плечами и окидывалъ полнымъ презрѣнія взглядомъ мелькавшія парочки. Эти невзыскательные, падкіе на лакомое студенты, воображающіе, - хлопая какую-нибудь швейку по бедрамъ, — что они предаются европейскому разврату! Эти молодые франты, банковые служащіе, оптовые торговцы, бульварные львы, не брезгающіе ничѣмъ! А эти сирены! Мъсто рядомъ съ нею еще не остыло послъ пожарнаго или конюха, проведшаго съ нею последнюю ночь; тронъ всегда къ услугамъ желающихъ, во всякое время открытъ для всякаго, пожалуйста, не угодно ли?.. Я плевалъ далеко на тротуаръ, не заботясь о томъ, что могу попасть въ кого-нибудь, бъсился и былъ полонъ презрънія къ этимъ людямъ, которые у меня на глазахъ терлись и прижимались другъ къ другу. Я высоко подымалъ голову, испытывая гордость и радуясь возможности итти по пути добродътели.

На площади стортинга я встрѣтилъ дѣвушку, очень пристально посмотрѣвшую на меня, когда я поровнялся съ нею.

- Добрый вечеръ! сказалъ я.
- Добрый вечеръ! Она остановилась.

Гмъ! Такъ поздно она гуляетъ одна? Не рискованно ли для молодой дъвушки ходить одной въ такое позднее время по улицъ Карла-Іоанна? Нътъ? Но неужели съ ней никогда никто не заговариваетъ, не пристаетъ къ ней, я хочу сказать, не приглашаетъ ее прямо къ себъ на домъ?

Она удивленно смотрѣла на меня, всматривалась въ мое лицо, стараясь понять, что я собственно думаю. Вдругъ она просунула руку ко мнѣ подъ локоть и сказала:

— Такъ идемъ!

Я пошелъ съ ней. Когда мы прошли нъсколько шаговъ, я высвободилъ свою руку и сказалъ:

Послушайте, голубушка, у меня нътъ ни одного эре.
 И я хотълъ пойти своей дорогой.

Вначалѣ она не хотѣла мнѣ вѣрить; но, пошаривъ во всѣхъ моихъ карманахъ и не найдя ничего, она разсердилась и, закинувъ голову назадъ, обозвала меня треской.

- Спокойной ночи, сказалъ я.
- Погодите немного, позвала она меня. Очки у васъ золотые?
 - Нѣтъ.
 - -- Ну, такъ ступайте ко всѣмъ чертямъ!

Я ушелъ.

Немного погодя она бъжитъ за мной и снова останавливаетъ меня.

— Вы все-таки можете проводить меня, — говорить она. Это предложение бъдной проститутки было слишкомъ унизительно для моего самолюбія, и я отвътилъ отказомъ. Уже поздно, и мнъ надо еще зайти въ одно мъсто; ей же подобныя жертвы не по средствамъ.

- Да, но теперь я хочу, чтобы вы пошли со мной.
- Но я не могу пойти на такихъ условіяхъ.
- Вы, конечно, идете къ другой, сказала она.
- Нѣтъ, -- отвѣтилъ я.

У меня было ощущеніе, что я разыгрываю довольно жалкую роль передъ этой странной дѣвушкой, и я рѣшилъ во что бы то ни стало спасти ситуацію.

-- Какъ васъ зовутъ? -- спросилъ я. -- Марія? Ну, такъ послушайте, Марія! -- И я принялся объяснять ей свое поведеніе. Дъвушка приходила въ все большее и большее изумленіе. Неужели она думаєтъ, что я принадлежу къ тѣмъ, которые ходятъ ночью по улицамъ и ловятъ молоденькихъ дъвушекъ? Она въ самомъ дълъ подумала обо мнъ такъ дурно? Развъ я сказалъ ей хоть одно неподобающее слово съ первой и до послъдней минуты? Развъ такъ себя ведетъ человъкъ, у котораго дурныя намъренія въ мысляхъ? Словомъ, я заговорилъ съ ней и прошелъ съ ней эти нъсколько шаговъ только для того, чтобы посмотръть, какъ далеко она

зайдетъ. Мое имя, впрочемъ, такъ-то, пасторъ такой-то. Спокойной ночи! Иди съ миромъ и не грѣши!

Съ этими словами я ушелъ.

Въ восхищения потиралъ себъ руки, радуясь своей выдумкъ, и громко разговаривалъ самъ съ собой. Что за наслаждение итти и творить вокругъ себя добрыя дъла! Я, можетъ быть, далъ этому падшему созданию первый толчокъ, который поможетъ ему подняться и остаться честнымъ на всю жизнь! И она оцънитъ это, когда вдумается въ это, и въ свой смертный часъ будетъ вспоминать обо мнъ съ благодарностью въ сердцъ. Ахъ, да, все-таки стоитъ быть честнымъ человъкомъ, честнымъ и порядочнымъ!

Я былъ въ самомъ лучезарномъ настроеніи, чувствовалъ въ себѣ силы и мужество перенести все, что угодно. Если бы только у меня была свѣча, я могъ бы, можетъ быть, кончить свою статью! Я шелъ, играя своимъ новымъ ключемъ, напѣвая и насвистывая, и ломалъ себѣ голову надъ тѣмъ, гдѣ достать свѣчу. Не оставалось ничего другого, какъ снести свои письменныя принадлежности на улицу и писать при свѣтѣ газоваго фонаря. Я отворилъ ворота и поднялся наверхъ за своими бумагами.

Сойдя внизъ, я снова заперъ ворота на ключъ и сталъ у газоваго фонаря. Все было тихо кругомъ; тишину нарушали только тяжелые, звенящіе по мостовой, шаги констабля въ сосъднемъ переулкъ, да гдъ-то вдали лай собаки. Ничто мнъ не мъшало, я поднялъ воротникъ своего сюртука и принялся думать изо всъхъ силъ. Это было бы для меня прямо спасеніемъ, если бы мнъ посчастливилось написать конецъ этой маленькой статьи. Я какъ разъ остановился на довольно трудномъ мъстъ; здъсь надо было сдълать совершенно незамътный переходъ къ новому, затъмъ финалъ въ мягкихъ, скользящихъ тонахъ, длительное замираніе, которое должно было закончиться внезапнымъ наростаніемъ, ръзкимъ и потрясающимъ, какъ выстрълъ или какъ грохотъ падающей лавины. Точка.

Но слова не приходили мнѣ на умъ. Я перечиталъ еще разъ всю статью съ самаго начала, произнося громко каждую фразу, но не могъ придумать рѣшительно ничего для своего потрясающаго заключительнаго наростанія. Въ довершеніе всего, покуда я стоялъ и ломалъ себъ голову, подошелъ констабль и, остановившись посреди улицы, неподалеку отъ меня, окончательно испортилъ мнѣ настроеніе. Какое ему дѣло до того, что я въ эту минуту стою и ломаю себъ голову надъ замѣчательнымъ финаломъ статьи для "Командора"! Господи помилуй, до какой степени мнъ трудно удержаться на поверхности, несмотря на всѣ мои усилія! Я простоялъ у фонаря, по крайней мъръ, часъ, констабль ушелъ, но холодъ сталъ слишкомъ чувствителенъ, чтобы оставаться дольше въ такомъ неподвижномъ положеніи. Угнетенный и подавленный своей новой неудачной попыткой, я снова отворилъ ворота и поднялся къ себъ въ комнату.

Наверху у меня было холодно и такъ темно, что еле обрисовывались контуры окна. Я ощупью пробрался къ кровати, снялъ сапоги и принялся отогрѣвать руками свои окоченѣвшія ноги. Затѣмъ я легъ, совершенно одѣтый, какъ дѣлалъ это всегда уже много времени.

На слѣдующее утро я поднялся на постели, какъ только разсвѣло, и сейчасъ же взялся снова за свою статью. Въ такой позѣ я просидѣлъ до полудня, успѣвъ придумать не больше десяти, двадцати строкъ. И все-таки я еще не добрался до финала.

Я всталъ, надълъ сапоги и принялся ходить взадъ и впередъ по комнатъ, чтобы согръться. На подоконникъ лежалъ ледъ; я выглянулъ въ окно — шелъ снъгъ, весь дворъ былъ покрытъ топстымъ слоемъ снъга.

Я вертълся по комнатъ, машинально ходилъ взадъ и впередъ, царапалъ ногтями стъны, осторожно прижимался

пбомъ къ двери, стучалъ указательнымъ пальцемъ по полу и внимательно прислушивался, продѣлывая все это безъ всякой цѣли, но спокойно и разсудительно, какъ если бы дѣло шло о чемъ-нибудь важномъ. И въ то же время я безостановочно повторялъ вслухъ, такъ что самъ слышалъ свои слова: Но, Боже мой, вѣдь это же безуміе! И вмѣстѣ съ тѣмъ я продолжалъ вести себя тѣмъ же страннымъ образомъ. Наконецъ, по прошествіи долгаго времени, можетъ быть, нѣсколькихъ часовъ, я взялъ себя въ руки и, прикусивъ губы, рѣшилъ положить этому конецъ. Пошаривъ по полу и найдя стружку, я сунулъ ее въ ротъ и рѣшительно принялся опять писать.

Еще двътри короткія фразы вышли съ большимъ трудомъ изъ подъ моего карандаша, десятокъ-другой жалкихъ словъ, вымученныхъ съ величайшими усиліями только для того, чтобы хоть сколько-нибудь подвинуться впередъ. Затъмъ я остановился, голова моя была пуста, я больше не могъ. Убъдившись, что больше у меня ничего не выйдетъ, я сълъ и уставился широко раскрытыми глазами на эти послъднія слова, эти неоконченные листы, не отводилъ глазъ отъ этихъ странныхъ, дрожащихъ буквъ, смотръвшихъ на меня съ бумаги, словно крохотныя волосатыя существа; въ концъ концовъ я пересталъ соображать что бы то ни было, въ головъ моей не было больше ни одной мысли.

Время шло. Съ улицы ко мнѣ доносилось движеніе, стукъ колесъ и топотъ лошадиныхъ копытъ; изъ конюшни раздавался голосъ Іенса Олай, разговаривавшаго съ лошадьми. Я пришелъ въ совершенное отупѣніе, сидѣлъ неподвижно и только по временамъ причмокивалъ губами. Грудь моя была въ ужасномъ состояніи.

Начинало смеркаться; я все больше и больше совѣлъ, почувствовалъ усталость и снова легъ. Чтобы согрѣть немного руки, я сталъ проводить пальцами по волосамъ, взадъ и впередъ, вдоль и поперекъ; отъ этихъ движеній изъ головы

выпадали небольшіе клочья волосъ, они оставались между пальцами и ложились на изголовье. Я въ ту минуту не обратилъ на это вниманія, это какъ будто вовсе не касалось меня, да у меня и оставалось еще достаточно волосъ. Я снова попробовалъ стряхнуть съ себя это странное отупъніе, отъ котораго всв члены мои точно пришли въ оцепененіе; я поднялся, сталъ хлопать себя ладонью по колънамъ, кашлялъ настолько сильно, насколько позволяла моя больная грудь, и — снова повалился на постель. Ничто не помогало: я умиралъ, безпомощно умиралъ, съ открытыми глазами, устремивъ неподвижный взглядъ въ потолокъ. Въ концъ концовъ, я сунулъ указательный палецъ въ ротъ и сталъ его сосать. Что-то зашевелилось въ моемъ мозгу, какая-то мысль, выразившаяся въ безумномъ вопросъ: А что, если я укушу? И, не задумываясь ни на минуту, я закрылъ глаза и сжалъ зубы.

Я вскочилъ. Наконецъ, я очнулся. Изъ пальца пошло немного крови, и я сталъ ее слизывать. Миъ было не особенно больно, рана была не велика; но я сразу пришелъ въ себя; покачавъ головой, я подошелъ къ окошку и, отыскавъ тряпку, принялся завязывать палецъ. Стоя у окна и оборачивая палецъ тряпкой, я вдругъ почувствовалъ, что глаза мои наполняются слезами, и я тихо заплакалъ. Этотъ исхудалый, искусанный палецъ имълъ такой жалкій видъ. Отецъ Небесный, до чего я дошелъ!

Сумерки сгущались. Можетъ быть, я былъ бы еще въ состояніи написать свой финалъ въ теченіе вечера, если бы только у меня была свѣча. Голова моя снова была ясна, мысль работала, какъ обыкновенно, и я даже не особенно страдалъ. Даже голодъ не давалъ себя чувствовать такъ сильно, какъ нѣсколько часовъ тому назадъ, я могъ еще выдержать до слѣдующаго дня. Можетъ быть, мнѣ удастся получить пока свѣчу въ кредитъ, если я зайду въ мелочную лавочку и объясню лавочнику свое положеніе. Меня тамъ

такъ хорошо знаютъ; въ тѣ счастливые дни, когда у меня еще были средства на это, я не разъ покупалъ въ этой лавочкѣ хлѣбъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мнѣ тамъ повърятъ свѣчу на честное слово. И въ первый разъ за долгое время я почистилъ немного свое платье, смахнулъ даже съ воротника выпавшіе волосы, насколько это было возможно въ темнотѣ, затѣмъ ощупью спустился съ лѣстницы.

Когда я вышелъ на улицу, у меня мелькнула мысль, не пучше ли, можетъ бы, попросить хлъба. Я былъ въ неръшительности, остановился и сталъ раздумывать. Ни въ какомъ случаъ! отвътилъ я себъ, наконецъ. Я, къ сожалънію, былъ въ такомъ состояніи, что не переносилъ ѣды; повторится опять, значитъ, та же исторія съ галлюцинаціями, странными ощущеніями и безумными выдумками, моя статья не будетъ кончена, а между тъмъ къ "Командору" мнъ важно пойти, пока онъ меня еще не успълъ забыть. Ни за что на свътъ! И я окончательно ръшилъ попросить свъчу. Съ этимъ ръшеніемъ я вошелъ въ лавку.

Передъ прилавкомъ стоитъ женщина и дѣлаетъ закупки; около нея лежитъ множество мелкихъ пакетовъ, завернутыхъ въ различнаго рода бумагу. Приказчикъ, который меня знаетъ и знаетъ, что я обыкновенно покупаю, оставляетъ на минуту женщину, не говоря ни слова, заворачиваетъ хлѣбъ въ бумагу и кладетъ его передо мною.

— Нътъ, на этотъ разъя пришелъ, въ сущности, за свъчей, — говорю я. Я произношу это очень тихо и смиренно, чтобы не разсердить его и не лишить себя возможности получить свъчу.

Мой неожиданный отвътъ совершенно сбиваетъ его съ толку; это первый разъ, что я требую отъ него чего-нибудь другого, а не хлъба.

 Да, въ такомъ случаѣ вамъ придется немного подождать, —говоритъ онъ, наконецъ, и снова поворачивается къ женщинѣ. Она собираетъ свои пакеты, платитъ за нихъ, вынувъ монету въ пять кронъ, получаетъ сдачу и уходитъ.

Я остаюсь съ приказчикомъ наединъ.

Онъ говоритъ:

— Да, такъ вамъ, значитъ, свъчу.

Онъ вскрываетъ свѣжій пакетъ и достаетъ для меня свѣчу.

Онъ смотритъ на меня, и я смотрю на него, не въ силахъ выговорить свою просъбу.

- Ахъ, да, правда, вѣдь вы уже заплатили, говоритъ онъ вдругъ. Онъ прямо сказалъ, что я заплатилъ; я слышалъ каждое слово. И онъ начинаетъ доставать изъ кассы серебряныя монеты, крону за кроной, блестящія, новенькія монеты, онъ даетъ мнѣ сдачу съ пяти кронъ!
 - Пожалуйста!—говоритъ онъ.

Съ минуту я стою и смотрю на эти деньги, я чувствую, что здѣсь что-то неладно, но не задумываюсь надъ этимъ, вообще, не думаю рѣшительно ни о чемъ; я только ослѣпленъ всѣмъ этимъ богатствомъ, которое лежитъ и сверкаетъ передъ моими глазами. И я машинально сгребаю со стола деньги.

Я стою передъ прилавкомъ пораженный, совершенно уничтоженный, и не могу притти въ себя отъ изумленія; я дѣлаю шагъ къ дверямъ и снова останавливаюсь. Я устремляю взглядъ на одну точку въ стѣнѣ; тамъ виситъ небольшой звонокъ на кожаномъ ремешкѣ, а подъ нимъ связка бечевокъ. Я стою и смотрю на эти предметы.

Приказчикъ, судя по тому, что я не тороплюсь, думаетъ, что я хочу завести разговоръ, и, складывая разбросанную по прилавку бумагу, онъ говоритъ:

- Похоже на то, что зима таки пришла.
- Гмъ! Да, отвѣчаю я, похоже на то, что зима пришла. На то похоже. И немного спустя я прибавляю: давно пора было. Но оно, дѣйствительно, на то похоже. Впрочемъ, давно пора было.

Я слышалъ, что это я самъ говорилъ, но каждое слово, которое я произносилъ, я воспринималъ, какъ сказанное къмъ-то другимъ; я говорилъ совершенно безсознательно, непроизвольно, не отдавая себъ отчета.

— Вы полагаете? -- говоритъ приказчикъ.

Я сунулъ руку съ деньгами въ карманъ, открылъ дверь и вышелъ; я слышалъ, какъ я сказалъ спокойной ночи и приказчикъ мнѣ отвѣтилъ.

Не успълъ я пройти нъсколько шаговъ, какъ дверь лавки открылась, и я услыхалъ голосъ приказчика, звавшаго меня. Я обернулся безъ удивленія, безъ малъйшаго страха; я только собралъ деньги въ карманъ, готовясь вернуть ихъ.

- Вы забыли свою свъчу, говоритъ приказчикъ.
- Ахъ, благодарю васъ, отвъчаю я спокойно. Спасибо! спасибо!

И я иду дальше, съ свъчей въ рукъ.

Моей первой сознательной мыслью была мысль о деньгахъ. Я подошелъ къ фонарю и сталъ ихъ пересчитывать, взвъсилъ ихъ на рукъ и улыбнулся. Теперь я опять спасенъ, великолъпнъйшимъ, удивительнъйшимъ образомъ спасенъ на долгое, долгое время. Я снова сунулъ руку съ деньгами въ карманъ и пошелъ дальше.

Проходя мимо кухмистерской на Сторгаденъ, я остановился и спокойно и хладнокровно сталъ обсуждать, рискнуть ли мнѣ сейчасъ поужинать. Изнутри доносился звонъ тарелокъ и ножей, я слышалъ, какъ на кухнѣ рубили мясо; искушеніе было слишкомъ велико, и я вошелъ.

- Бифштексъ!-заказываю я.
- Бифштексъ! кричитъ кельнерша въ окошечко въ стънъ.

Я сѣлъ за отдѣльный маленькій столикъ у дверей и сталъ ждать. Тамъ, гдѣ я сидѣлъ, было довольно темно, я чувствовалъ себя достаточно защищеннымъ отъ постороннихъ взглядовъ и спокойно отдался своимъ мыслямъ. Отъ времени до времени кельнерша бросала на меня любопытные взгляды.

Мой первый безчестный поступокъ совершился, моя первая кража, рядомъ съ которой блѣднѣли всѣ мои прежніе проступки; мое первое грѣхопаденіе... Что жъ, ничего теперь не подѣлаешь! Впрочемъ, ничто мнѣ не мѣшаетъ впослѣдствіи, позже когда-нибудь, при удобномъ случаѣ, уладить это дѣло съ приказчикомъ. Вовсе нѣтъ необходимости опускаться изъза этого еще ниже, кромѣ того, я отнюдь не бралъ на себя обязательства быть честнѣе всѣхъ прочихъ людей, такого уговора не было...

- Скоро будетъ бифштексъ?
- Да, сію минуту.—Кельнерша открываетъ окошечко , и заглядываетъ на кухню.

А если эта исторія выплыветь на свѣть Божій? Если у приказчика появится подозрѣніе и онъ вспомнить всю сцену съ клѣбомъ, съ пятью кронами, съ которыхъ женщина получила сдачу? Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что онъ вспомнить все это въ одинъ прекрасный день, можетъ быть, въ слѣдующій же разъ, когда я приду въ лавку. Ну, что жъ, Господи, Боже мой... Я слегка пожалъ плечами.

- Пожалуйста! говоритъ любезно кельнерша, ставя передо мною бифштексъ. Но не хотите ли лучше перейти въ другую комнату? Здъсь такъ темно!
- Нътъ, спасибо, я предпочитаю остаться здъсь, отвъчаю я. Ея любезность вдругъ растрогиваетъ меня, я сейчасъ же плачу за бифштексъ, вынимаю изъ кармана наугадъ, сколько попадаетъ подъ руку и, отдавая ей деньги, пожимаю ей руку. Она улыбается, и я говорю въ шутку, со слезами на глазахъ: На излишекъ купите себъ домъ... Желаю вамъ успъха.

Я началъ ъсть, становился все жаднъе по мъръ того, какъ ълъ, и глоталъ мясо цълыми большими кусками, не разжевывая ихъ. Я рвалъ куски мяса, какъ какой-нибудь людоъдъ.

Кельнерша снова подошла ко мнъ.

— Не желаете ли вы чего-нибудь выпить?—спрашиваетъ она и слегка при этомъ наклоняется ко мнѣ.

Я посмотрълъ на нее; она говорила очень тихо, почти робко, опустивъ глаза въ землю.

- Можетъ быть, кружку пива, или что вамъ будетъ угодно... еще... отъ меня... если вы желаете...
- Нѣтъ, очень вамъ благодаренъ!—отвѣчаю я.—Не теперь. Я приду еще въ другой разъ.

Она отошла и съла за прилавкомъ; мнъ была видна только ея голова. Что за странное существо!

Окончивъ ѣсть, я прямо направился къ двери, я уже чувствовалъ тошноту. Кельнерша поднялась. Я боялся попасть въ полосу свѣта, чтобы молодая дѣвушка, не подозрѣвавшая моей бѣдности, не разглядѣла моей внѣшности; поэтому я поспѣшно сказалъ спокойной ночи, поклонился и вышелъ.

Вся эта масса пищи, которую я проглотилъ, начинала дъйствовать на меня, меня мучила сильнъйшая тошнота, и я не могъ удержать пищи въ желудкъ. Я шелъ и въ каждомътемномъ углу, мимо котораго я проходилъ, выплевывалъ подымавшуюся изъ желудка пищу, дълалъ нечеловъческія усилія подавить эту тошноту, которая грозила снова оставить мой желудокъ совершенно пустымъ, сжималъ кулаки и всячески кръпился, топалъ въ бъшенствъ ногой поземлъ, стараясь удержатъ то, что подымалось кверху—все напрасно. Въ концъ концовъ, я вбъжалъ въ первыя попавшіяся ворота, весь перегнувшись впередъ и ничего не видя отъ заполнившихъ глаза слезъ; меня вырвало.

Меня охватило озлобленіе, я шелъ по улицѣ и плакалъ, проклиналъ жестокія силы, каковы бы онѣ ни были, которыя такъ немилосердно преслѣдовали меня, призывалъ на нихъ вѣчное проклятіе и самыя страшныя муки ада за ихъ низость. Судьба проявляла по отношенію ко мнѣ мало рыцарства, весьма мало рыцарства, этого нельзя отрицать... Я подошелъ къ человѣку, разсматривавшему что-то въ витринѣ магазина,

и съ величайшей поспъшностью спросилъ его, что, по его мнѣнію, слѣдуетъ дать человѣку, долгое время голодавшему. Дѣло идетъ о его жизни, сказалъ я, онъ не переноситъ мяса.

- Я слыхалъ, что въ такихъ случаяхъ очень хорошо молоко, кипяченое молоко, отвъчаетъ онъ чрезвычайно удивленно. Для кого, впрочемъ, вамъ это надо?
- Благодарю васъ! Благодарю васъ! отвъчаю я. Да, возможно, что это дъйствительно хорошо, кипяченое мо-локо...

И я ухожу.

Зайдя въ первое кафэ, которое мнѣ встрѣтилось по пути, я спросилъ себѣ кипяченаго молока.

Мнѣ подали горячее молоко, и я выпиль его, обжигаясь, съ жадностью проглотиль все до послѣдней капли, расплатился и вышель. Я отправился домой.

Здѣсь опять происходить нѣчто странное. Передъ моими воротами, прислонясь къ фонарному столбу, вся въ полосѣ свѣта, стоить человѣческая фигура, которую я замѣчаю еще на большомъ разстояніи,—это опять та же, одѣтая въ черное, дама. Та же дама въ черномъ, которую я видѣлъ въ предыдущіе вечера. Ошибки быть не можетъ, въ четвертый разъ уже я вижу ее все на томъ же мѣстѣ. Она стоитъ совершенно неподвижно.

Это кажется мнѣ до такой степени страннымъ, что я невольно замедляю шаги; въ эту минуту голова моя работаетъ совершенно нормально, но я очень возбужденъ, мои нервы находятся въ раздраженномъ состояніи еще отъ послѣдняго моего ужина. Я, по обыкновенію, прохожу мимо нея, подхожу къ воротамъ и готовъ уже войти. Но неожиданно я останавливаюсь. Мнѣ вдругъ приходитъ въ голову кое-что. Не отдавая себъ отчета въ томъ, что я дѣлаю, я поворачиваю и подхожу прямо къ дамѣ, я смотрю ей въ лицо и кланяюсь:

— Добрый вечеръ, фрэкенъ!

— Добрый вечеръ! отвъчаетъ она.

Виноватъ, не ищетъ ли она кого-нибудь? Я обратилъ уже раньше на нее вниманіе; не могу ли я быть ей чѣмънибудь полезенъ? Прошу, впрочемъ, тысячу разъ извиненія!

Да, она не совсъмъ увърена...

Здѣсь, на этомъ дворѣ никто не живетъ, кромѣ трехъ, четырехъ лошадей и меня; здѣсь, впрочемъ, только конюшня и мастерская жестяныхъ издѣлій. Она навѣрное не туда попала, къ сожалѣнію, если она ищетъ кого-нибудь.

Она отворачиваетъ лицо въ сторону и говоритъ:

— Я никого не ищу, я просто стою здѣсь.

Ахъ, вотъ что, она просто стоитъ здѣсь! Стоитъ здѣсь каждый вечеръ, только потому, что такая фантазія пришла ей въ голову! Это было немного странно; я стоялъ и думалъ объ этомъ, и недоумѣніе мое все росло. Наконецъ, я рѣшился на смѣлость. Позванивая деньгами въ карманѣ, я безъ дальнихъ словъ предложилъ ей пойти куда-нибудь выпить со мной стаканъ вина.,. принимая во вниманіе, что настала зима, хе-хе... Это продолжится недолго... Но она на это, пожалуй, не согласится?

Ахъ, нѣтъ, спасибо, это едва ли удобно. Нѣтъ, этого она не можетъ сдѣлать. Но если я буду такъ любезенъ и провожу ее немного, то... Теперь такъ темно, и она стѣсняется итти одна по улицѣ Карла Іоанна въ такой поздній часъ.

Мы пошли вмѣстѣ; она шла съ правой стороны. Странное, восхитительное чувство овладѣло мною, сознаніе близости молодой дѣвушки. Я шелъ и всю дорогу смотрѣлъ на нее. Запахъ ея волосъ, теплота, исходившая отъ ея тѣла, весь этотъ ароматъ женщины, скружавшій ее, ея сладкое дыханіе, касавшееся меня всякій разъ, когда она поворачивала ко мнѣ голову,—все это опьяняло меня, каждый нервъ дрожалъ во мнѣ. Мнѣ было видно въ темнотѣ полное, немного блѣдное лицо подъ вуалью и высокая грудь, выдѣлявшаяся подъ плащомъ. Мысль о всѣхъ этихъ скрытыхъ пре-

лестяхъ, которыя я угадывалъ подъ плащомъ и вуалью, смущала меня, дълала меня идіотски счастливымъ безъ всякаго разумнаго основанія; я не могъ больше выдержать и дотронулся до нея рукой, коснулся пальцами ея плеча и глупо улыбнулся. Я слышалъ, какъ сердце мое стучало въ груди.

- Какая вы странная! сказалъ я.
- Чѣмъ же собственно?

Во-первыхъ, у нея привычка стоять каждый вечеръ неподвижно передъ воротами конюшни, безо всякой цѣли, просто потому, что такая фантазія приходитъ ей голову...

Ну, у нея, можетъ быть, есть для этого свои причины; кромъ того, она такъ любитъ поздно оставаться на улицъ и поздно ложиться, ей это всегда такъ нравилось. Неужели я ложусь раньше двънадцати?

Я? Если есть на свътъ что-нибудь, что я ненавижу, такъ это именно ложиться спать раньше двънадцати.

Ну, вотъ видите! Вотъ она и дѣлаетъ по вечерамъ эту прогулку, если у нея нѣтъ другого дѣла; она живетъ на площади св. Олафа...

- Илаяли!—воскликнулъ я.
- Что вы говорите?
- Я сказалъ только Илаяли... Но продолжайте!

Она живетъ на площади св. Олафа, довольно одиноко, вмѣстѣ съ матерью, съ которой почти нельзя говорить, потому что она глуха. Такъ что же страннаго въ томъ, что ей хочется иногда выйти погулять?

Нътъ, ровно ничего, отвъчаю я.

Ну, такъ что же? Я слышу по ея голосу, что она улыбается. У нея нѣтъ сестры?

Да, есть старшая сестра—откуда я это, впрочемъ, знаю? Но она уѣхала въ Гамбургъ.

Недавно?

Да, недъль пять тому назадъ. Откуда я знаю, что у нея есть сестра? Я этого не знаю, я только спросилъ.

Мы замолчали. Мимо насъ проходитъ человъкъ съ парой сапогъ подъ мышкой, но кромъ него ни души не видать на улицъ. У Тиволи сверкаетъ длинный рядъ цвътныхъ фонарей. Снъгъ пересталъ падать, небо совершенно ясно.

 — Боже мой, неужели вамъ не холодно безъ пальто?—спрашиваетъ вдругъ моя дама, глядя на меня.

Не разсказать ли ей, почему у меня нѣть пальто? не открыть ли ей сразу свое положеніе и оттолкнуть ее отъ себя лучше раньше, чѣмъ позже? Но какое наслажденіе ходить рядомъ съ ней и держать ее хоть еще немного въ невѣдѣніи; я рѣшилъ солгать; я разсмѣялся и отвѣтилъ:

- О, нътъ, нисколько.—И, чтобы перевести разговоръ на другое, я спросилъ: --Вы видали когда-нибудь звъринецъ въ Тиволи?
 - Нътъ, -- отвътила она. -- А это интересно?

А вдругъ какъ она сейчасъ захочетъ пойти туда? туда, гдѣ такъ много свѣта и столько людей! Я поставилъ бы ее въ очень непріятное положеніе, мое обтрепанное платье, мое исхудалое лицо, котораго я къ тому же уже два дня не мылъ, заставили бы ее удрать оттуда; она, можетъ быть, даже замѣтила бы, что у меня нѣтъ жилета...

— О, нѣтъ, — отвѣтилъ я поэтому, — тамъ ничего интереснаго нѣтъ. И мнѣ вдругъ пришла въ голову пара счастливыхъ мыслей, нѣсколько жалкихъ фразъ, послѣдніе остатки, которые еще могъ выжать изъ себя мой изсушенный мозгъ. Чего можно ожидать отъ такого маленькаго звѣринца? Вообще, меня не интересуютъ звѣри въ клѣткахъ. Эти звѣри знаютъ, что на нихъ смотрятъ; они чувствуютъ эти сотни любопытныхъ взглядовъ, которые дѣйствуютъ на нихъ. Нѣтъ, я бы предпочелъ звѣрей, которые не знаютъ, что на нихъ смотрятъ, дикихъ звѣрей, которые валяются въ своихъ берлогахъ, лѣниво щурятъ свои зеленые глаза, лижутъ свои лапы и думаютъ. Что она думаетъ объ этомъ?

Да, я, пожалуй, правъ.

Звѣри представляютъ интересъ только во всей своей, полной ужаса, своеобразной дикости. Неслышные, крадущіеся шаги въ тиши и мракѣ ночи; дикая, таинственная чаща лѣса; крикъ пролетающей птицы; шумъ вѣтра; запахъ крови; какое-то гудѣніе въ воздушномъ пространствѣ; коротко говоря — дикій звѣрь интересенъ только во всей своей первобытной, дикой обстановкѣ, полной поэзіи безсознательнаго...

Но я боялся, что это утомитъ ее, и сознаніе моей страшной бъдности снова овладъло мною и привело меня въ подавленное состояніе. Если бы я былъ хоть сколько-нибудь прилично одътъ, я могъ бы доставить ей маленькое удовольствіе и пригласить ее въ Тиволи! Я не могъ понять. какъ она могла находить удовольствіе въ прогулкѣ по улицѣ Карла Іоанна въ сопровожденіи полунагого нищаго. Что у нея, собственно, было въ мысляхъ? И для чего я тутъ иду, и помаю комедію, и безсмысленно улыбаюсь безъ всякой причины? Есть ли у меня самого хоть какое-нибудь разумное основаніе таскаться по улицамъ съ этой разряженной куклой до потери силъ? Развъ это мнъ не стоитъ напряженія? Развъ я не чувствую въ самомъ сердцъ своемъ холода смерти при малъйшемъ дуновеніи воздуха? И развѣ не таится уже въ мозгу моемъ безуміе отъ одного только недостатка пищи въ теченіе многихъ мъсяцевъ подрядъ? Вотъ она мъшаетъ мнъ даже пойти домой и выпить немного молока, проглотить несколько ложекъ молока, которыя, можетъ быть, остались бы въ моемъ желудкъ. Почему она не отворачивается отъ меня и не посылаетъ меня ко всемъ чертямъ...

Я пришелъ въ отчаяніе, сознаніе безнадежности моего положенія заставило меня пойти на крайность, и я сказалъ:

— Въ сущности, фрэкенъ, вамъ бы не слъдовало ходить со мною по улицъ; уже однимъ своимъ костюмомъ я компрометирую васъ передъ всъми людьми. Да, это правда, я говорю это совершенно серьезно.

Мои слова повергають ее въ изумленіе, она бросаетъ на меня быстрый взглядъ и молчитъ. Затѣмъ она произноситъ:

- Боже мой! Больше она ничего не говоритъ.
- Что вы хотите сказать? спросилъ я.
- Ухъ... вы пристыдили меня... Ну, теперь намъ уже не долго.—И она немного ускорила шагъ.

Мы поворачиваемъ на Университетскую улицу, издали виднъются уже огни на площади св. Олафа. Она снова идетъ медленнъе.

— Я бы не хотълъ быть нескромнымъ, — говорю я, — но не скажете ли вы мнъ своего имени прежде, чъмъ мы разстанемся? И не подымете ли на одну минуту свою вуаль, чтобы я могъ посмотръть на васъ? Я былъ бы вамъ такъ благодаренъ.

Пауза. Я жду.

- Вы меня видъли уже раньше, отвъчаетъ она.
- Илаяли!-говорю я опять.
- Вы преслѣдовали меня цѣлыхъ полъ-дня по дорогѣ домой. Вы были пьяны тогда?—Я снова слышу, что она улыбается.
- Да,—говорю я,—да, къ сожалънію, я былъ тогда пьянъ.
 - Какъ это гадко съ вашей стороны!

И я съ сокрушеніемъ признаю, что это было гадко съ моей стороны.

Мы доходимъ до фонтана, останавливаемся и смотримъ вверхъ на многочисленныя освъщенныя окна въ домѣ № 2.

 Дальше вы не должны меня провожать, —говоритъ она; —спасибо за сегодняшній вечеръ.

Я наклонилъ голову, я не рѣшался сказать что-либо. Я снялъ шляпу и стоялъ съ обнаженной головой. Если бы она захотъла протянуть мнъ руку?

— Почему вы не просите меня пойти съ вами еще не-

много обратно?—произносить она тихо, опустивъ глазами разглядывая кончики своихъ ботинокъ.

- Боже мой! отвъчаю я внъ себя, Боже мой, если бы вы захотъли это сдълать!
 - Да, но только немного.

И мы поворачиваемъ обратно.

Я былъ въ величайшемъ смущеніи, я не зналъ, что со мною дълается; эта дъвушка совершенно перевернула вверхъ дномъ весь ходъ моихъ мыслей. Я былъ въ восхищеніи, необыкновенная радость наполняла мое сердце; мн казалось, что я блаженно умираю отъ счастья. Она самымъ опредъленнымъ образомъ пожелала пойти со мною обратно, это была не моя мысль, это было ея собственное желаніе. Я иду и смотрю на нее и чувствую въ себъ все большій и большій приливъ мужества; она какимъ-то непонятнымъ образомъ внушаетъ мнъ бодрость и каждымъ словомъ, которое она произноситъ, она все больше привлекаетъ меня къ себъ. Я на минуту забываю свою бѣдность, свое ничтожество, все свое жалкое существованіе, я чувствую, какъ кровь горячей струей переливается по моимъ жиламъ, какъ въ прежніе, старые дни, до того, какъ я такъ опустился; и я ръшаюсь позволить себъ маленькую хитрость.

- Впрочемъ, это я не васъ тогда преслѣдовалъ, говорю я, это относилось къ вашей сестрѣ.
- Къ моей сестрѣ? повторяетъ она, чрезвычайно изумленная. Она останавливается, смотритъ на меня и, дѣйствительно, ждетъ отвѣта. Она произнесла свой вопросъ самымъ серьезнымъ образомъ.
- Да, отвѣчаю я. Гмъ! То-есть, я хочу сказать, къ младшей изъ двухъ дамъ, шедшихъ впереди меня.
- Къ младшей? Ха-ха-ха! Она вдругъ разсмъялась громко, искренно, какъ ребенокъ. Нътъ, какой вы, однако хитрый! Вы это сказали только для того, чтобы заставить меня поднять вуаль. Но вы останетесь съ носомъ... въ наказаніе.

Мы начали смъяться и шутить, мы говорили все время безостановочно, причемъ я отъ радости не зналъ, что я говорю. Она разсказала, что видъла меня уже разъ раньше, много времени тому назадъ, въ театръ. Я былъ съ тремя товарищами, и я велъ себя, какъ сумасшедшій; я навърное и тогда тоже былъ пьянъ, да будетъ мнъ стыдно!

Почему она думаетъ?

Я такъ хохоталъ тогда.

Ахъ! такъ! Да, да, тогда я еще много хохоталъ.

А теперь — больше нътъ?

О, да, и теперь тоже. Такъ чудесно сознавать, что живешь на свътъ!

Мы подошли къ улицъ Карла Іоанна. Она сказала:— Дальше мы не пойдемъ!—И мы повернули обратно и снова пошли по Университетской улицъ. Когда мы приблизились къ фонтану, я замедлилъ шаги, я зналъ, что дальше мнъ нельзя пойти.

Да, теперь вамъ надо итти назадъ, — сказала она и остановилась.

— Да, къ сожалѣнію, повидимому, надо, — отвѣтилъ я. Но минуту спустя она замѣтила, что я могу еще дойти съ нею до подъѣзда. Боже мой, вѣдь въ этомъ нѣтъ ничего дурного, не правда ли?

Нътъ, — сказалъ я.

Но когда мы остановились у подъвзда, передо мною снова встало во всей своей яркости сознаніе моего жалкаго положенія. Да и какъ было сохранить мужество человвку, до такой степени опустившемуся? Вотъ я стою передъ молодой дъвушкой, грязный, оборванный, изможденный голодомъ, немытый, полуодътый, — хоть сквозь землю провалиться! Я весь съежился, какъ-то невольно подобрался и проговорилъ:

— Могу я встрѣтить васъ еще разъ?

У меня не было никакой надежды, что она позволитъ

мнѣ встрѣтить ее еще разъ; я почти желалъ слышать рѣзкое "нѣтъ", которое бы заставило меня взять себя въ руки и отнестись равнодушно къ ея отказу.

- Да, проговорила она тихо, почти неслышно.
- Когда?
- Не знаю.

Пауза.

- Вы можете ждать меня здѣсь въ четвергъ вечеромъ, говоритъ она. Хотите?
 - Да, конечно, милая, если вы позволите!
 - Въ восемь часовъ.
 - -- Хорошо.

Я провелъ рукой по ея пальто, стряхнулъ съ него снѣгъ только, чтобы имѣть предлогъ прикоснуться къ ней; эта близость къ ней доставляла мнѣ невыразимое наслажденіе.

- Но вы не должны думать обо мнѣ слишкомъ дурно, сказала она. Она снова улыбнулась.
 - Нѣтъ...

Вдругъ она дѣлаетъ рѣшительное движеніе и откидываетъ вуаль на лобъ; въ теченіе секунды мы стоимъ и смотримъ другъ на друга. Илаяли! говорю я. Она слегка приподымается на цыпочкахъ, обвиваетъ обѣими руками мою шею и цѣлуетъ меня прямо въ губы. Одинъ единственный разъ, быстрымъ, головокружительно-быстрымъ движеніемъ, и прямо въ губы. Я чувствовалъ, какъ грудь ея колыхалась; она порывисто дышала.

Въ то же мгновеніе она вырвалась изъ моихъ рукъ, проговорила спокойной ночи, задыхаясь, шопотомъ, повернулась и бросилась бъжать по лъстницъ, не произнеся больше ни слова...

Дверь наверху захлопнулась.

На слѣдующій день опять шелъ снѣгъ, тяжелый снѣгъ, пополамъ съ дождемъ, крупные, мокрые хлопья, падавшіе на

землю и сейчасъ же превращавшіеся въ грязь. Погода была холодная и ръзкая.

Я проснулся довольно поздно, съ головой, еще отуманенной волненіями вчерашняго вечера, и сердцемъ, опьяненнымъ этой чудной встрѣчей. Въ какомъ-то восторженномъ состояніи я пролежалъ цѣлый часъ съ открытыми глазами, представляя себѣ Илаяли рядомъ съ собой; я протягивалъ руки, обнималъ самого себя и цѣловалъ воздухъ. Наконецъ, я всталъ и вышелъ; выпивъ снова чашку молока и съѣвъ вслѣдъ затѣмъ бифштексъ, я пересталъ чувствовать голодъ; только нервы мои были сильно возбуждены.

Я отправился въ рынокъ готоваго платья. Мнѣ пришло въ голову, что мнѣ, быть можетъ, удастся дешево купить себѣ жилетъ, чтобы хоть что-нибудь имѣть подъ сюртукомъ. Я поднялся по лѣстницѣ и, выбравъ себѣ жилетъ, принялся его разглядывать. Въ это время мимо меня прошелъ знакомый; онъ кивнулъ мнѣ головой и позвалъ меня, и я, оставивъ жилетъ, пошелъ за нимъ. Онъ былъ техникъ и шелъ въ контору.

- Пойдемте со мной и выпьемъ стаканъ пива!—сказалъ онъ. Но только поскоръе, у меня мало времени... Съ какой это дамой вы гуляли вчера вечеромъ?
- Послушайте,—сказалъ я, чувствуя, какъ одна мысль его возбуждаетъ во мнъ ревность,—послушайте, а что, если это моя невъста?
 - Чортъ возьми! сказалъ онъ,
 - Да, это ръшилось вчера вечеромъ.

Я сконфузилъ его, онъ безусловно повърилъ мнъ. Я солгалъ ему, для того чтобы сразу заткнуть ему ротъ. Намъ подали пиво, мы выпили и пошли.

— Ну, прощайте... Ахъ да, послушайте, — сказалъ онъ вдругъ, — я долженъ вамъ еще нъсколько кронъ, мнъ совъстно, что я вамъ до сихъ поръ не вернулъ ихъ. Но вы получите ихъ въ самомъ скоромъ времени.

 — Хорошо, спасибо, — отвътилъ я. Но я зналъ, что онъ никогда не вернетъ мнъ этихъ денегъ.

На бъду пиво ударило мнъ въ голову, мнъ стало страшно жарко. Мысль о вчерашнемъ приключеніи совершенно завладъла мною, вытъснивъ все остальное изъ моей головы. А что, если она не придетъ въ четвергъ? Что, если она начнетъ думать объ этомъ и вдругъ въ голову ей закрадется подозрѣніе!.. Въ голову ей закрадется подозрѣніе?.. относительно чего?.. Мысли мои вдругъ оживились и закопошились около денегъ. Меня охватилъ страхъ, я почувствовалъ смертельный ужасъ передъ самимъ собой. Кража вдругъ встала предо мною во всехъ деталяхъ; я виделъ маленькую лавочку, прилавокъ, мою исхудалую руку, протягивавшуюся за деньгами, и я сталъ себъ рисовать поведеніе полиціи, когда она явится, чтобы арестовать меня. Кандалы на руки и ноги, нътъ, только на руки, можетъ быть, на одну руку; участокъ, протоколъ дежурнаго полицейскаго, скрипящій звукъ его пера, его взглядъ, его убійственный взглядъ: Ну-съ, господинъ Тангенъ? Одиночная камера, въчный мракъ...

Гмъ! Я крѣпко сжалъ кулаки, чтобы придать себѣ мужества, пошелъ быстрѣе, все ускорялъ шагъ, пока не пришелъ на базарную площадь. Здѣсь я сѣлъ.

Что за вздоръ! Какъ, чортъ возьми, они докажутъ, что я укралъ? Кромъ того, приказчикъ не ръшится поднять шумъ, даже если въ одинъ прекрасный день вспомнитъ, какъ все дъло было; онъ слишкомъ дорожитъ своимъ мъстомъ. Безъ скандаловъ, безъ сценъ, пожалуйста, если смъю просить!

Но все-таки деньги эти тяжелымъ бременемъ лежали на моей совъсти и не давали мнъ покоя. Я заглянулъ въ свою душу и увидалъ, что я былъ счастливъе раньше, когда честно страдалъ и боролся. А Илаяли? Развъ я не маралъ и ее своими гръховными руками, не топталъ и ее въ грязь? Господи, Боже мой! Творецъ Небесный! Илаяли!

Я вдругъ вскочилъ и побъжалъ къ торговкъ пирожными, стоявшей со своимъ товаромъ у Слоновой аптеки. Я могу еще смыть съ себя пятно позора, еще не поздно, я покажу всему міру, что я въ состояніи это сдълать! По дорогъ я собралъ всъ деньги, до послъдняго эре, въ кулакъ и держалъ ихъ на-готовъ; наклонившись надъ лоткомъ пирожницы, словно собираясь выбрать себъ что-нибудь, я безъ всякихъ объясненій сунулъ деньги прямо ей въ руку. Не проронивъ ни одного слова, я быстро удалился.

Какъ чудесно чувствовать себя опять честнымъ человѣкомъ! Мои пустые карманы больше не тяготили меня, для меня было наслажденіемъ знать, что у меня ничего нѣтъ. Если вспомнить все, то эти деньги, въ сущности, причинили мнъ много тайнаго горя, я все время думалъ о нихъ съ ужасомъ; я въ душѣ не былъ преступникомъ, моя честная натура возмущалась противъ этого низкаго поступка. Слава Богу, я поднялся въ моихъ собственныхъ глазахъ. Пусть кто-нибудь сдѣлаетъ то же самое, говорилъ я, оглядывая кишащую народомъ площадь. Пусть-ка кто-нибудь попробуетъ поступить такъ, какъ я! Я самымъ чудеснымъ образомъ доставилъ радость старой, бъдной торговкъ пирожными, сна не знаетъ, откуда ей свалилось это счастье. Сегодня вечеромъ дъти ея не лягутъ спать голодными... Я носился съ этой мыслью, и мнъ казалось, что я поступилъ необыкновенно хорошо. Слава Богу, деньги больше не въ моихъ рукахъ, я избавился отъ нихъ!

Въ нервномъ состояніи, съ охмелъвшей головой, я шелъ по улицамъ, и гордость моя все росла. Радостное сознаніе, что я могу предстать передъ Илаяли снова чистымъ и честнымъ и могу смотръть ей прямо въ глаза, еще больше опьяняло меня; я не чувствовалъ никакой боли, голова моя была ясна и пуста, у меня было ощущеніе, словно у меня на плечахъ голова изъ сплошного свъта, бросающаго кругомъ лучи. У меня вдругъ появилось желаніе выкинуть какую-

нибудь штуку, совершить какую-нибудь удивительную продълку, которая бы повергла въ изумленіе весь городъ. По всей "Границъ" я велъ себя, какъ сумасшедшій; въ ушахъ у меня слегка шумъло, а въ мозгу хмель дъйствовалъ во всю. Въ порывъ дурачества мнъ пришло въ голову подойти къ посыльному и сообщить ему, сколько мнъ лътъ, взять его за руку, посмотръть ему многозначительно въ глаза и, безъ всякихъ объясненій, быстро удалиться. Я вслушивался въ различные нюансы въ голосахъ и смъхъ прохожихъ, наблюдалъ мелкихъ пташекъ, прыгавшихъ по улицъ впереди меня, принимался изучать камни мостовой и находилъ въ нихъ всевозможные таинственные знаки и удивительныя фигуры. Такъ я дошелъ до площади стортинга.

Здѣсь я вдругъ останавливаюсь и устремляю взглядъ на стоящія въ ожиданіи сѣдоковъ извозчичьи пролетки. Кучера, разговаривая, ходятъ вокругъ, лошади стоятъ, наклонивъ головы отъ рѣзкаго вѣтра. Идетъ! проговорилъ я, толкнувъ самого себя локтемъ въ бокъ. Я быстро направился къ ближайшей пролеткѣ и сѣлъ. Уллевольдсвейенъ, № 37! крикнулъ я кучеру. И мы двинулись.

По дорогѣ кучеръ началъ оглядываться, перегибаться назадъ и заглядывать подъ спущенный верхъ пролетки. Неужели у него есть какія-нибудь подозрѣнія? Да, нѣтъ никакого сомнѣнія, что мой оборванный видъ обратилъ на себя его вниманіе.

— Мнѣ надо тамъ найти одного человѣка! — крикнулъ я ему, чтобы предупредить его, и я сталъ ему обстоятельно объяснять, что мнѣ во что бы то ни стало надо найти этого человѣка.

Мы останавливаемся у № 37, я выскакиваю, взбѣгаю по лѣстницѣ прямо на третій этажъ, хватаю ручку звонка и сильно дергаю ее; за дверью раздалось шесть, семь отчаянныхъ ударовъ колокольчика.

Дверь открывается и изъ нея выглядываетъ молодая

дъвушка, я замѣчаю, что въ ушахъ у нея золотыя серьги, а на сѣромъ лифѣ платья черныя, обтянутыя матеріей, пуговицы. Она испуганно смотритъ на меня.

Я спрашиваю Кьерульфа, — Іоахимъ Кьерульфъ, если можно такъ выразиться, торговецъ шерстью, словомъ, ошибки здѣсь быть не можетъ...

Дъвушка качаетъ головой.

— Здѣсь нѣтъ никакого Кьерульфа, — говоритъ она.

Она все такъ же испуганно смотритъ на меня, держась за ручку двери и готовясь захлопнуть ее. Она не сдѣлала ни малѣйшаго усилія, чтобы найти этого человѣка; а между тѣмъ у нея, право, былъ такой видъ, точно она знала бы, о комъяспрашиваю, если бы только захотѣла немного подумать, это лѣнивое созданіе. Я разсердился, повернулся къ ней спиной и сбѣжалъ съ лѣстницы.

- Его тамъ нѣтъ! крикнулъ я кучеру.
- Его нътъ тамъ?
- Нътъ. Поъзжайте на Томтегаденъ, № 11.

Я былъ въ сильнѣйшемъ возбужденіи, которое отчасти передалось кучеру; онъ навѣрно думалъ, что дѣло идетъ о жизни и смерти, и началъ изо всѣхъ силъ погонять лошадь.

- Какъ называется этотъ человъкъ? спросилъ онъ, поворачиваясь на козлахъ.
 - Кьерульфъ, торговецъ шерстью Кьерульфъ.

И кучеръ тоже согласился, что ошибки здѣсь быть не можетъ. Не ходитъ ли онъ обыкновенно въ свѣтломъ пальто?

- Что такое? крикнулъ я, въ свътломъ пальто? Вы съ ума сошли? Что я, о чайной чашкъ, что ли, говорю? Это свътлое пальто явилось для меня ужасно не кстати, оно совершенно разрушало въ моемъ воображеніи образъ этого человъка, какимъ я его себъ представлялъ.
 - Какъ, вы говорите, онъ называется? Кьерульфъ?
 - Да, конечно, отвътилъ я, что же въ этомъ не-

обыкновеннаго? Это имя, котораго не приходится стыдиться никому.

— У него не рыжіе ли волосы?

Не было ничего нев фроятнаго въ томъ, что у него были рыжіе волосы, и когда кучеръ упомянулъ объ этомъ, у меня вдругъ явилась полная ув френность, что это такъ и есть. Я прямо таки почувствовалъ благодарность къ своему возницъ и сказалъ ему, что онъ попалъ въ самую точку; дъло дъйствительно, обстоитъ такъ, какъ онъ говоритъ; было бы въ высшей степени странно, сказалъ я, видъть такого человъка не съ рыжими волосами.

— Такъ это я, пожалуй, его возилъ нѣсколько разъ, — сказалъ кучеръ. — Онъ носитъ узловатую палку?

При этомъ замѣчаніи человѣкъ этотъ вдругъ всталъ предо мною, какъ живой, и я сказалъ:

— Хе-хе, никто еще до сихъ поръ не видалъ этого человъка безъ узловатой палки въ рукахъ. Что касается этого, то вы можете быть совершенно увърены, что вы не ошибаетесь.

Да, это навърное тотъ самый человъкъ, котораго онъ возилъ. Онъ узнаетъ его...

И мы продолжали нестись такъ, что искры вылетали изъ подъ лошадиныхъ подковъ.

Несмотря на это возбужденное состояніе, я ни на одну минуту не потерялъ присутствія духа. Мы проѣзжаемъ мимо городового, и я замѣчаю, что бляха его носитъ № 69. Это число стоитъ предо мною съ такой жестокой ясностью, вдругъ застреваетъ въ моемъ мозгу, какъ заноза. 69, именно 69, этой цифры я не забуду!

Я откинулся назадъ въ пролеткъ; я чувствовалъ, что становлюсь добычей самыхъ безумныхъ фантазій, и, весь съежившись подъ кожанымъ верхомъ коляски, чтобы никто не видълъ, что я шевелю губами, принялся безсмысленно разговаривать самъ съ собою. Безуміе все больше завла-

дъваетъ моимъ мозгомъ, и я не противлюсь этому, я вполнъ сознаю, что подчиняюсь вліяніямъ, которымъ я не въ силахъ противостоять. Я началъ хохотать, тихо и лихорадочно, безъ всякаго повода, я былъ веселъ, во мнъ еще дъйствовалъ хмель отъ пары кружекъ пива, которыя я выпилъ. Но понэмногу мое возбужденіе улеглось, спокойствіе стало возвращаться ко мнъ. Я почувствовалъ холодъ въ своемъ больномъ пальцъ и, чтобы согръть его немного, сунулъ его за воротникъ рубашки. Такъ мы пріъхали на Томтегаденъ. Кучеръ остановился.

Я выхожу изъ коляски, не торопясь, ни о чемъ не думая, вяло, съ тяжестью въ головъ. Я вхожу въ ворота, попадаю на дворъ, пересъкаю его, нахожу дверь, которую я открываю, и вхожу; я попалъ въ коридоръ, нъчто въ родъ съней съ двумя окнами. Въ одномъ углу стоятъ два сундука, одинъ на другомъ, а вдоль стъны старыя, некрашенныя нары, на которыхъ лежитъ одъяло. Изъ сосъдней комнаты, направо, раздаются голоса и дътскій крикъ, а надо мной, во второмъ этажъ, я слышу, какъ стучатъ по желъзной доскъ. Все это я замътилъ, какъ только вошелъ.

Я спокойно прохожу черезъ съни къ противоположной двери, не торопясь, не думая о бъгствъ, открываю ее и выхожу на Вогнмандсгаденъ. Я взглядываю на домъ, черезъ который я только что прошелъ: "трактиръ и комнаты для проъзжающихъ".

Мнъ и въ голову не приходитъ бѣжать, скрыться отъ кучера, который ждетъ меня; я совершенно спокойно иду по Вогнмандсгаденъ, не чувствуя страха и не сознавая, что я поступаю нехорошо. Кьерульфъ, этотъ торговецъ шерстью, всецъло завладѣвшій всѣми моими представленіями, этотъ человѣкъ, въ существованіи котораго я убѣдилъ себя и котораго мнѣ непремѣнно надо было отыскать, вдругъ исчезъ изъ моихъ мыслей, вмѣстѣ съ прочими безумными выдумками, поперемѣнно являвшимися и исчезавшими; въ моей

памяти онъ оставался лишь, какъ намекъ, какъ отдаленное воспоминаніе.

По мѣрѣ того, какъ я шелъ дальше, мой хмель сталъ проходить, я почувствовалъ тяжесть и усталость во всемъ тѣлѣ и еле передвигалъ ноги. Снѣгъ все еще падалъ крупными, мокрыми хлопьями. Наконецъ, я добрался до Грэнланда, дошелъ до церкви и сѣлъ на скамью отдыхать. Прохожіе съ удивленіемъ оглядывали меня. Я погрузился въ мысли.

Творецъ Небесный, какъ скверны были мои дъла! Я такъ усталъ и душой, и тъломъ отъ этого жалкаго нищенскаго существованія, что, право, не стоило труда дольше бороться чтобы тянуть его еще. Неудачи побъдили, онъ были ужъ слишкомъ велики; я замътно шелъ къ гибели и представлялъ собою теперь не болье, какъ тынь того, чымъ я быль раньше. Грудь моя провалилась, плечи покривились на одну сторону, и я сделалъ себе привычку ходить, сильно перегнувшись впередъ, чтобы, насколько возможно, щадить свою больную грудь. Несколько дней тому назадъ, въ полдень, въ своей комнать, я изслъдоваль свое тьло, я стояль и все время плакалъ надъ нимъ. Уже много недъль подрядъ я носилъ все одну и ту же рубашку, она совершенно затвердъла отъ застарълаго пота и натерла мнъ рану на тълъ, изъ которой сочилось по временамъ немного кровянистой жидкости; это было не особенно больно, но такъ грустно было видъть эту рану на самой серединъ живота. Я не зналъ, что съ ней дълать, а сама собой она не заживала; я обмываль ее, тщательно высушиваль и затъмъ надъваль на нее все ту же рубашку. Я ничего не могъ сдълать...

Я сижу на скамъв и раздумываю обо всемъ этомъ, и на душв у меня становится все грустиве. Я становлюсь противенъ самому себв; даже руки мои кажутся мив отвратительными. Ихъ вялый, какой-то безстыдный видъ мучаетъ меня, причиняетъ мив непріятное ощущеніе; мои исхудалые

пальцы кажутся мнъ невъроятно грубыми, я ненавижу все свое изможденное, дряблое тъло, и меня охватываетъ дрожь отъ одного сознанія необходимости носить его и чувствовать постоянно вокругъ себя. Боже мой, если бы насталъ уже конецъ! Какъ охотно я бы умеръ теперь!

Совершенно подавленный, опозоренный и униженный въ своихъ собственныхъ глазахъ, я всталъ машинально и пошелъ по направленію къ дому. По дорогѣ я прохожу мимо воротъ, гдъ вижу слъдующую надпись: "Погребальные покровы и саваны у іомфру Андерсенъ, въ воротахъ направо". Старыя воспоминанія! сказалъ я самому себъ; и я вспомнилъ свою прежнюю комнату въ Гаммерсборгъ, маленькую качалку, оклеенную старыми газетами стъну внизу у дверей. извъщение смотрителя маяка и свъжий хлъбъ булочника Фабіана Ольсена. Да, да, тогда мнѣ жилось гораздо лучше, чѣмъ теперь; разъ я въ теченіе одной ночи написалъ фельетонъ, за который получилъ десять кронъ, теперь же я ничего больше не могу написать, я совершенно не въ состояніи написать что бы то ни было, при первой же попыткъ голова моя становится пустой. Да, пора положить этому конецъ!

И я шелъ и шелъ все дальше.

По мфрф того, какъ я приближался къ мелочной лавочкф, во мнф пробуждалось полубезсознательное ощущеніе, что я иду на встрфчу какой-то опасности; но я не отступалъ отъ своего рфшенія, я хотфлъ сознаться во всемъ. Я спокойно поднялся по ступенькамъ; въ дверяхъ я столкнулся съ маленькой дфвочкой, державшей въ рукахъ чашку; я проскользнулъ мимо нея и затворилъ за собою дверь. Я снова остался съ глазу на глазъ съ приказчикомъ.

— Что, — говоритъ онъ, — отвратительная погода? Что означаютъ эти окольные пути? Почему онъ сразу не хватаетъ меня? Я пришелъ въ бъщенство и сказалъ:

— Я не для того пришелъ сюда, чтобы говорить о погодъ.

Мой гнѣвъ удивляетъ его, его крохотный мозгъ торгаша не можетъ понять, въ чемъ дѣло; ему и въ голову не приходитъ, что я его обманулъ.

— Развѣ вы не знаете, что я васъ обманулъ? — говорю я нетерпѣливо; при этомъ я весь дрожу, порывисто дышу и готовъ пустить въ ходъ силу, если онъ сейчасъ же не примется за дѣло.

Но бъдняга ничего не подозръваетъ.

Боже великій, среди какихъ дураковъ приходится жить! Я ругаюсь, объясняю ему пунктъ за пунктомъ, какъ это все происходило, показываю ему, гдѣ стоялъ я и гдѣ стоялъ онъ, когда это случилось, гдѣ лежали деньги, какъ я ихъ сгребъ и зажалъ въ своей рукѣ, — онъ все это понимаетъ и все-таки ничего не предпринимаетъ противъ меня. Онъ вертится во всѣ стороны, прислушивается къ шагамъ въ сосѣдней комнатѣ, дѣлаетъ мнѣ знаки, чтобы я говорилъ потише, и, наконецъ, замѣчаетъ:

- Это было очень гадко съ вашей стороны!
- Нътъ, погодите! прерываю я его изъ одного желанія противоръчить ему, разозлить его; это вовсе было не такъ гадко и низко, какъ оно представляется ему въ его торгашескомъ мозгу. Я, конечно, не оставилъ денегъ у себя, это бы мнъ никогда и въ голову не пришло; я не хотълъ извлечь изъ этихъ денегъ никакой выгоды для себя лично, этому воспротивилась бы вся моя честная натура...
 - Что же вы сдѣлали съ ними?

Я отдалъ ихъ старой, бъдной женщинъ, все до послъдняго эре, такъ и знайте; такъ я поступаю, я не забываю о бъдныхъ...

Онъ стоитъ и нѣкоторое время раздумываетъ объ этомъ; онъ, очевидно, сомнѣвается, представляю ли я собой честнаго человѣка, или нѣтъ. Наконецъ, онъ говоритъ:

- Не лучше ли было бы принести деньги обратно?
- Но послушайте, отвъчаю я, я не хотълъ ставить

васъ въ непріятное положеніе, мнѣ было жаль васъ. Но вотъ благодарность за великодушіе. Я стою здѣсь и разсказываю вамъ все до послѣдней мелочи, но вы не чувствуете рѣшительно никакого стыда, не дѣлаете ни малѣйшей попытки уладить со мной это дѣло. Хорошо, я умываю руки. Впрочемъ, ступайте ко всѣмъ чертямъ. Прощайте!

Я ушелъ, сердито хлопнувъ дверью.

Но когда я пришелъ домой, къ себъ въ комнату, въ эту унылую нору, весь промокшій отъ рыхлаго снѣга, съ колѣнями, дрожащими и подгибающимися отъ шатанія по улицамъ, все мое высокомъріе мгновенно улетучилось, я снова чувствовалъ себя разбитымъ и уничтоженнымъ. Я раскаявался въ томъ, что напалъ на бъднаго лавочника, плакалъ, душилъ себя за горло, чтобы наказать себя за свой низкій поступокъ, и бъсновался до послъдней степени. Онъ, конечно, былъ въ смертельномъ страхъ, чтобы не лишиться мъста и не ръшался подымать шума изъ-за этихъ пяти кронъ. Я же воспользовался его страхомъ и мучилъ его своимъ громкимъ разговоромъ, пыталъ его каждымъ словомъ, которое я произносилъ. А хозяинъ, можетъ быть, сидълъ въ сосъдней комнатъ и уже собирался выйти посмотръть, что тутъ происходитъ. Нътъ, не было границъ тъмъ низостямъ, на которыя я былъ способенъ!

Да, но почему же меня не схватили сейчасъ же? По крайней мъръ, насталъ бы конецъ. Я въдь, можно сказать, самъ протянулъ руки къ кандаламъ. Я отнюдь не оказывалъ бы противодъйствія, напротивъ, я бы еще помогалъ. О, Создатель неба и земли, я готовъ отдать день моей жизни за $o\partial ny$ только еще счастливую минуту! Всю мою жизнь за чечевичную похлебку! Услышь меня еще только этотъ одинъ разъ...

Я легъ, какъ былъ, въ промокшемъ насквозь платъѣ; у меня было неясное ощущеніе, что я, можетъ быть, умру ночью, и я, съ крайнимъ напряженіемъ всѣхъ моихъ силъ,

постарался привести немного въ порядокъ мою кровать, чтобы утромъ вокругъ меня все имѣло болѣе приличный и порядочный видъ. Я выбралъ удобное положеніе и сложилъ руки.

Вдругъ я вспомнилъ объ Илаяли. Какъ могъ я до такой степени забыть о ней, чтобы ни разу не вспомнить за весь вечеръ! И слабо, еле замътно, въ душу мою снова пробивается проблескъ свъта, тонкій лучъ солнца, такъ божественно согрѣвающій меня. И солнце встаетъ все выше и выше, я чувствую тонкіе, нѣжные, шелковисто-мягкіе лучи свѣта, которые скользять по моему тълу и опьяняють меня. Солнце свътитъ все сильнъе и сильнъе, жжетъ мои виски, - тяжелое и жгучее - вливается въ мой изсушенный мозгъ. И въ концѣ концовъ, передъ глазами моими стоитъ какой-то невъроятный костеръ изъ свъта и пламени, все пылаетъ небо и земля, люди и звъри; я вижу огненныя горы, огненныхъ дьяволовъ; весь міръ — огромная пропасть, пустыня объятая пламенемъ; вся вселенная въ огнъ, насталъ послъдній день страшнаго суда — весь въ клубахъ пламени и дыма...

Вольше я ничего не видълъ и не слышалъ...

На спѣдующій день я проснулся весь въ поту; все мое тѣло было совершенно мокро; лихорадка схватила меня не на шутку. Вначалѣ я даже не сознавалъ ясно, что со мною было, я съ удивленіемъ оглядывался вокругъ и чувствовалъ себя точно подмѣненнымъ, я не узнавалъ самого себя. Я ощупывалъ свои руки и ноги, пришелъ въ изумленіе, увидя окно на этой стѣнѣ, а не на противоположной, а топотъ пошадиныхъ копытъ внизу на дворѣ доносился до меня словно откуда-то сверху. Вдобавокъ меня снова начало тошнить.

Волосы мокрыми и холодными прядями лежали у меня на лбу; я слегка приподнялся на локтъ и посмотрълъ на

изголовье: и тамъ небольшими клочьями лежали мокрые волосы. Ноги мои за ночь распухли въ сапогахъ, но онъ не болъли, я только не могъ шевелить пальцами.

Такъ я пролежалъ, пока не миновалъ полдень и не начало смеркаться; тогда я поднялся съ постели и сталъ двигаться по комнатъ. Я дълалъ осторожные маленькіе шаги, стараясь сохранить равновъсіе и по возможности щадя свои ноги. Я не особенно страдалъ, я и не плакалъ; въ общемъ настроеніе мое не было грустно, напротивъ, я чувствовалъ себя чрезвычайно довольнымъ; мнъ и въ голову не приходило, что что-нибудь можетъ быть иначе, чъмъ оно есть. Затъмъ я вышелъ.

Единственное, что меня немного мучило, это былъ голодъ, заявлявшій о себѣ, несмотря на отвращеніе къ пищѣ. Я начиналъ чувствовать позорное желаніе ѣсть, какой-то волчій аппетитъ, съ минуты на минуту увеличивавшійся. Въ груди у меня немилосердно сосало; тамъ внутри происходила какая-то неслышная, странная работа. Словно тамъ двигалось десятка два крохотныхъ, тоненькихъ существъ; они наклонятъ головки въ одну сторону и слегка пососутъ, затъмъ наклонятъ головки въ другую сторону и снова слегка пососутъ, съ минуту посидятъ неподвижно, начнутъ сначала и безшумно и неторопливо просверливаютъ себѣ путь все глубже и глубже, оставляя за собою опустошенныя пространства...

Я не былъ боленъ, только слабъ, потъ снова началъ проступать по всему моему тѣлу. Мнѣ хотѣлось очутиться на Сторторвѣ, чтобы немного отдохнуть; но путь туда былъ дологъ и тяжелъ; наконецъ, я почти добрался до мѣста, я стоялъ на углу базара и базарной улицы. Потъ стекалъ мнѣ въ глаза, туманилъ очки и не давалъ ничего видѣть, я остановился на минуту, чтобы вытереть его. Я не замѣтилъ, гдѣ я остановился, я не думалъ объ этомъ; вокругъ меня стоялъ ужаснѣйшій шумъ.

Вдругъ я слышу крикъ, холодное, ръзкое "берегисъ". Я слышу этотъ крикъ, слышу его очень хорошо и нервно отступаю въ сторону, дѣлаю шагъ въ сторону настолько быстро, насколько позволяютъ мои слабыя ноги. Мимо меня прокатывается громадный возъ съ хлѣбомъ, колесо задѣваетъ мой сюртукъ; если бы я былъ немного проворнѣе, оно бы не задѣло меня. Быть можетъ, я могъ бы быть немного проворнѣе, чуть-чуть проворнѣе, если бы я сдѣлалъ усиліе; но ужъ было поздно, я почувствовалъ боль въ одной ногѣ, два-три пальца были раздавлены колесомъ. Я чувствовалъ, какъ они судорожно сжались въ сапогѣ.

Возница изо всѣхъ силъ сдерживаетъ лошадей; онъ поворачивается на своемъ возу и испуганно спрашиваетъ, что случилось. О, ничего опаснаго... могло быть хуже... я не думаю, чтобы что-нибудь было у меня раздавлено... О, пожалуйста...

Со всей скоростью, на какую я былъ способенъ, я направился къ ближайшей скамьѣ; эта толпа, окружившая насъ и глазѣвшая на меня, раздражала меня. Въ сущности, это былъ вѣдь не смертельный ударъ; сравнительно все обошлось благополучно, ужъ если суждено было случиться несчастью. Хуже всего было то, что мой сапогъ совершенно порвался, подошва отстала на носкѣ. Я поднялъ ногу и, заглянувъ въ отверстіе, увидалъ кровь. Ну, что жъ, вѣдь злого умысла не было ни на одной сторонѣ, человѣкъ этотъ отнюдь не имѣлъ желанія еще ухудшить мое положеніе; у него былъ очень смущенный видъ. Можетъ быть, если бы я попросилъ у него одинъ изъ маленькихъ хлѣбцевъ, лежавшихъ на возу, онъ бы далъ мнѣ его. Онъ навѣрное далъ бы мнѣ его съ радостью. Да вознаградитъ его за это Господь!

Я чувствовалъ жестокій голодъ и совершенно не зналъ, какъ мнъ избавиться отъ моего безстыднаго аппетита. Я вертълся на скамъъ во всъ стороны и сгибался грудью до

самыхъ колѣнъ. Когда стемнѣло, я добрался до ратуши — Богъ знаетъ, какъ я туда дотащился — и усѣлся на край балюстрады. Я оторвалъ отъ своего сюртука одинъ изъ кармановъ и принялся его жевать, впрочемъ, совершенно безсознательно, съ мрачнымъ видомъ глядя передъ собой и ничего не видя. Я слышалъ крикъ игравшихъ вокругъ меня дѣтей, и ухо мое инстинктивно улавливало, когда кто-нибудь проходилъ мимо меня; больше я ничего не замѣчалъ.

Вдругъ мнѣ приходитъ въ голову спуститься внизъ въ рынокъ и достать тамъ кусокъ сырой говядины. Я подымаюсь, направляюсь на другой конецъ площади и спускаюсь внизъ. Подойдя почти къ самой мясной лавкѣ, я крикнулъ что-то наверхъ и пригрозилъ, словно обращаясь къ собакѣ, стоящей на верху лѣстницы; затѣмъ я нахально обратился къ первому попавшемуся мяснику.

— Будьте такъ добры, дайте мнѣ кость для моей собаки! -- сказалъ я: — одну кость; хотя бы безъ мяса; только чтобы сунуть ей что-нибудь въ зубы.

Я получилъ кость, чудесную небольшую кость, на которой еще оставалось немного мяса, и сунулъ ее подъ полу сюртука. Я такъ горячо сталъ благодарить человъка, что онъ удивленно посмотрълъ на меня.

- Не стоитъ благодарности, сказалъ онъ.
- О, не говорите этого, пробормоталъ я, это съ вашей стороны чрезвычайно любезно.

 ${\it И}$ я поднялся наверхъ. Сердце сильно билось у меня въгруди.

Я пробрался въ узкій проходъ и остановился у полуразвалившейся двери, ведущей на задній дворъ. Ни одного луча свъта не пробивалось сюда, кругомъ стоялъ благодътельный мракъ; я принялся глодать кость.

Она не имѣла никакого вкуса; но рѣзкій запахъ сырой крови подымался отъ нея, и меня сейчасъ же стошнило до рвоты. Я попробовалъ еще разъ; если только мнѣ удастся

удержаться отъ рвоты, то дѣло пойдеть на ладъ; важно, чтобы пища осталась въ желудкѣ. Но меня снова стошнило. Я разсердился, запустилъ зубы въ мясо, откусилъ кусочекъ и съ большимъ усиліемъ воли проглотилъ его. Но это не помогло; какъ только кусочки мяса согрѣвались въ желудкѣ, они подымались наверхъ. Я въ бѣшенствѣ сжималъ кулаки, плакалъ отъ собственной безпомощности и глодалъ въ какомъ-то изступленіи. Я плакалъ, такъ что кость моя стала мокрой и грязной отъ слезъ, выплевывалъ обратно, клялся и ругался, и снова глодалъ свою кость, рыдалъ такъ, что сердце, казалось, разорвется у меня въ груди, и опять выплевывалъ все. Тогда я громкимъ голосомъ сталъ призывать проклятія на весь міръ, на всѣ силы земныя.

Тишина кругомъ, ни одной души не видать; ни звука, ни свъта. Всъ мои чувства находятся въ сильнъйшемъ возбужденіи, я дышу тяжело и громко и, скрежеща зубами, плачу всякій разъ, когда меня вырываетъ, и мнъ приходится отдавать обратно эти маленькіе кусочки мяса, которые, можетъ быть, могли бы меня насытить. Но такъ какъ всъ мои попытки ни къ чему не ведутъ, то я швыряю кость объ дверь, весь исполненный безсильной ненависти, и, въ какомъ-то изступленіи бъщенства, кричу и гнъвно угрожаю небу, хрипло и злобно выкрикиваю имя Господа и сжимаю пальцы, точно готовые виапиться когти... Я говорю теба, священный Ваалъ, — ты не существуешь, но если бы ты существовалъ, я прокляль бы тебя такъ, что небо задрожало бы отъ адскаго огня. Я говорю тебъ, — я предлагалъ тебъ свои услуги, но ты ихъ отклонилъ, ты оттолкнулъ меня, и я навъкивъчные отворачиваюсь отъ тебя. Я говорю тебъ, — я знаю, что я долженъ умереть, но это меня не останавливаетъ, я все-таки издъваюсь надъ тобой даже передъ лицомъ смерти. Ты употребилъ противъ меня насиліе, но ты не зналъ, что я никогда не склоняюсь передъ лицомъ несчастья. Какъ могъ ты этого не знать? Или ты сотворилъ мое сердце во снъ?

Я говорю тебѣ, — вся жизнь во мнѣ, каждая капля крови въ моихъ жилахъ радуется и ликуетъ оттого, что я издѣваюсь надъ тобой и плюю на твое милосердіе. Съ этой минуты я отрицаю всѣ твои дѣла и самую сущность твою, я прокляну свою мысль, если она еще разъ вернется къ тебѣ, я вырву языкъ изо рта, если онъ еще разъ произнесетъ твое имя. Я говорю тебѣ, если ты существуешь,—послѣднее мое слово въ жизни и смерти: я отрекаюсь отъ тебя! И я умолкаю, и отворачиваюсь отъ тебя и иду своимъ путемъ...

Тишина кругомъ.

Я дрожу отъ возбужденія и слабости, стою на томъ же мъстъ, все еще шепча проклятія и бранныя слова, всхлипывая отъ судорожныхъ рыданій, весь разбитый и измученный этой безумной вспышкой гнъва. Проходитъ полчаса, я все стою, и всхлипываю, и шепчу, и крѣпко держусь за ручку двери. Вдругъ я слышу голоса, двое разговаривающихъ приближаются къ темному проходу, въ которомъ я стою. Я бросаюсь прочь отъ двери, пробираюсь ощупью вдоль стѣнъ и снова выхожу на освъщенныя улицы. Вдругъ мозгъ мой начинаетъ работать въ совершенно новомъ направленіи. Мнѣ приходитъ въ голову, что эти жалкія хижины на краю площади, склады товаровъ и старые чуланы съ ношеннымъ платьемъ являются, въ сущности, позоромъ для города. Они портятъ весь видъ площади, это темное пятно, безобразящее городъ, долой его, этотъ старый хламъ! И я принялся соображать, во что бы могло обойтись перенести въ другое мъсто этотъ географическій феноменъ, это изумительное строеніе, которое такъ много говорило моему воображенію всякій разъ, что я проходилъ мимо него. Пожалуй, для этого потребовалось бы не меньше семидесяти, семидесяти двухъ тысячъ кронъ - недурная, можно сказать, сумма для начала, хе-хе, миленькая цифра для мелкихъ расходовъ, что? И я кивалъ своей пустой головой и соглашался, что это миленькая сумма для начала. Я попрежнему дрожалъ всъмъ тъломъ, и отъ времени до времени у меня вырывалось глубокое всхлипываніе.

У меня было ощущеніе, что во мить осталось уже не много жизни, что, въ сущности, я дошелъ уже до самаго края. Но мить было это совершенно безразлично, меня это нисколько не занимало; напротивъ, я все больше и больше удалялся отъ своей квартиры, уходя вглубь города, по направленію къ набережной. Мить было бы совершенно все равно лечь посреди улицы, чтобы умереть. Страданія все больше и больше притупляли мою чувствительность; моя раненая ступня вся горта, у меня было даже ощущеніе, будто боль распространяется кверху вдоль ноги, но даже и это было не особенно больно. Я переносилъ худшія вещи.

Такъ я дошелъ до желѣзнодорожной набережной. Тамъ было тихо, ни движенія, ни малѣйшаго шума; только койгдѣ виднѣлась человѣческая фигура, какой-нибудь носильщикъ или морякъ, прогуливающійся по набережной, засунувъ руки въ карманы. Я обратилъ вниманіе на хромого человѣка, который, поровнявшись со мной, посмотрѣлъ на меня косымъ, неподвижнымъ взглядомъ. Я инстинктивно остановилъ его, дотронулся рукой до шляпы и спросилъ, не знаетъ ли онъ, не ушла ли уже "Монахиня". Но вслѣдъ затѣмъ я не могъ удержаться, чтобы не щелкнуть пальцами передъ самымъ его носомъ и воскликнуть: Чортъ возьми, "Монахиня", да! "Монахиня", о которой я совершенно забылъ! Мысль о ней все время безсознательно таилась въ моемъ мозгу, я носился съ ней, самъ этого не зная.

Да, помилуй Богъ, "Монахиня" уже ушла.

Не можетъ ли онъ сказать мнѣ, куда она ушла?

Человѣкъ задумывается; онъ опирается на свою длинную ногу, между тѣмъ какъ короткая болтается въ воздухѣ.

- Нътъ, говоритъ онъ. А вы знаете, чъмъ она нагружалась?
 - Нътъ, отвъчаю я.

Но я уже забыль о "Монахинъ" и спрашиваю человъка, какъ далеко можеть быть до Гольместранда, въ добрыхъ старыхъ географическихъ миляхъ.

- До Гольместранда? Я предполагаю...
- Или до Веблюнгснэса?
- Что я хотълъ сказать: я предполагаю, что до Гольместранда...
- Ахъ, послушайте, пока я не забылъ, прерываю я его снова: вы, можетъ быть, будете такъ любезны дать мнъ самую малость табаку, щепотку табаку?

Я получилъ табакъ, очень тепло поблагодарилъ человѣка и пошелъ дальше. Табакъ мнѣ совершенно не былъ нуженъ, и я сейчасъ же сунулъ его въ карманъ. Человѣкъ смотрѣлъ мнѣ вслѣдъ; можетъ быть, я чѣмъ-нибудь возбудилъ его подозрѣніе; я все время чувствовалъ за собой этотъ подозрительный взглядъ, и мнѣ было это непріятно. Я поворачиваю обратно, подхожу къ нему, смотрю на него и говорю:

Игольщикъ.

Только это одно слово: игольщикъ. Ничего больше. Произнося это слово, я пристально смотрю на него, я чувствую, что взглядъ мой ужасенъ; словно я смотрю всѣмъ тѣломъ, а не только глазами. И, сказавъ это слово, я еще нѣкоторое время продолжаю стоять на томъ же мѣстѣ. Затѣмъ я поворачиваюсь и направляюсь снова къ желѣзнодорожной площади. Человѣкъ не издалъ ни одного звука, онъ только продолжалъ смотрѣть на меня.

Игольщикъ! Я вдругъ остановился. Вѣдь у меня съ первой минуты было ощущеніе, что я этого калѣку встрѣчалъ уже раньше. Это было у "Границы", въ одно ясное, свѣтлое утро; я заложилъ свой жилетъ. Мнѣ казалось, что цѣлая вѣчность прошла съ тѣхъ поръ.

Стоя и думая объ этомъ — я стою, прислонясь къ стѣнѣ дома на углу площади и Гаваньской улицы — я вдругъ вздрагиваю и дѣлаю попытку улизнуть. Но такъ какъ это мнѣ не удается, я упрямо смотрю впередъ и стараюсь подавить всякій стыдъ, все равно, ничего не подѣлаешь — я стою лицомъ къ лицу съ "Командоромъ".

Я принимаю развязно-нахальный видъ, даже отступаю на шагъ отъ стѣны, чтобы обратить на себя его вниманіе. И дѣлаю я это не для того, чтобы возбудить въ немъ состраданіе, а исключительно изъ издѣвательства надъ самимъ собою, чтобы пригвоздить самого себя къ позорному столбу; я былъ бы въ состояніи броситься посреди улицы на мостовую и просить "Командора" перейти черезъ меня, наступить мнѣ ногой на лицо. Я даже не здороваюсь съ нимъ.

"Командоръ", можетъ быть, почуялъ, что у меня не совсъмъ ладно, онъ слегка замедлилъ шагъ, и я сказалъ, чтобы остановить его:

- Я долженъ былъ явиться къ вамъ и принести чтонибудь, но у меня все еще ничего нътъ.
- Да? говоритъ онъ вопросительно. У васъ еще не готово?
 - Да, у меня еще ничего не готово.

Но дружелюбный тонъ "Командора" трогаетъ меня, и глаза мои внезапно наполняются слезами; чтобы овладъть собой, я начинаю усиленно откашливаться. "Командоръ", слегка сопитъ носомъ; онъ останавливается и смотритъ на меня.

- Есть у васъ чъмъ жить покуда? спрашиваетъ онъ.
- Нѣтъ, отвѣчаю я, у меня ничего нѣтъ, я сегодня и не ѣлъ еще, но...
- Помилуй васъ Богъ, въдь нельзя же допустить, чтобы вы умирали съ голоду! говоритъ онъ. И онъ запускаетъ руку въ карманъ.

Но тутъ во мнѣ проснулся стыдъ, и я невольно сдѣлалъ шагъ назадъ. Я стою, прислонясь къ стѣнѣ, и смотрю, какъ "Командоръ" роется въ своемъ кошелькѣ; но я не произношу ни слова. Онъ протягиваетъ мнѣ десятикронную ассигнацію, просто, безъ всякихъ церемоній протягиваетъ мнѣ десять кронъ. При этомъ онъ повторяетъ, что нельзя же, чтобы я умиралъ съ голоду.

Я пробормоталъ какое-то возражение и не сразу взялъ бумажку: мнъ, въ сущности, совъстно... да это и слишкомъ много...

— Поторопитесь!—говорить онъ и смотритъ на часы.— Я жду поъзда, но вотъ, я слышу, онъ подходитъ.

Я взялъ деньги. Я совершенно онъмълъ отъ радости и не могъ выговорить ни слова, я даже не поблагодарилъ.

— Вамъ совершенно незачѣмъ стѣсняться этого, — говоритъ "Командоръ" въ заключеніе.—Вы можете вѣдь написать что-нибудь, я знаю.

И онъ ушелъ.

Онъ успѣлъ отойти на нѣсколько шаговъ, когда я вдругъ вспомнилъ, что даже не поблагодарилъ его за помощь. Я попробовалъ догнать его, но не могъ двигаться достаточно быстро, ноги отказывались мнѣ служить, и я ежеминутно спотыкался. Онъ, между тѣмъ, уходилъ отъ меня все дальше. Я оставилъ попытку, хотѣлъ было позвать его, но не рѣшался, а когда я, наконецъ, собравшись съ мужествомъ, позвалъ разъ, два раза, онъ успѣлъ уже уйти слишкомъ далеко, мой голосъ былъ слишкомъ слабъ и не дошелъ до него.

Стоя на панели, я смотрълъ ему вслъдъ и тихо плакалъ. Я никогда не видалъ ничего подобнаго! проговорилъ я про себя; онъ далъ мнъ десять кронъ! Я пошелъ обратно и сталъ на то мъсто, гдъ онъ стоялъ, и повторилъ всъ его движенія. Я поднесъ бумажку, которую держалъ въ рукахъ, къ своимъ затуманеннымъ слезами глазамъ, осмотрълъ ее съ объихъ сторонъ и принялся клясться, клясться во весь голосъ, что такъ оно и есть, что то, что я держу въ рукахъ, это, дъйствительно, десятикронная ассигнація.

Нѣкоторое время спустя — прошло, можетъ быть, и много времени, потому что кругомъ наступила между тѣмъ полная тишина — я страннымъ образомъ очутился на Томтегаде передъ домомъ № 11. Постоявъ съ минуту въ удивленіи и

собравшись съ мыслями, я во второй разъ вошелъ въ ту же дверь, прямо въ "трактиръ и комнаты для профзжающихъ". Здъсь я попросилъ пріюта и сейчасъ же получилъ постель.

Вторникъ.

Солнечный свътъ и тишина; чудесный, ясный день. Снъга больше нътъ; всюду жизнь, и радость, и веселыя лица, улыбки и смъхъ. Изъ всъхъ фонтановъ бьютъ кверху струи воды, золотясь на солнцъ, отражая лазурь неба...

Около полудня я вышелъ изъ своей квартиры на Томтегаде, гдѣ я все еще жилъ и чувствовалъ себя хорошо. Въ самомъ радостномъ настроеніи я бродилъ по наиболѣе оживленнымъ улицамъ, разглядывая прохожихъ. Еще не было семи часовъ вечера, когда я пришелъ на площадь св. Олафа, чтобы взглянуть на окна дома № 2. Черезъ часъ я ее увижу! Все время я испытывалъ состояніе легкаго, счастливаго безпокойства. Что произойдетъ? Что я скажу ей, когда она сойдетъ съ лѣстницы? Добрый вечеръ, фрэкенъ! Или я только улыбнусь? Я рѣшилъ ограничиться одной улыбкой. Конечно, я отвѣшу ей глубокій поклонъ.

Я снова ушелъ, стыдясь того, что такъ рано явился уже на мѣсто, бродилъ нѣкоторое время по улицѣ Карла Іоанна, не сводя глазъ съ университетскихъ часовъ. Когда пробило восемь, я опять повернулъ на Университетскую улицу. Вдругъ меня охватилъ страхъ, что я, пожалуй, еще опоздаю на нѣсколько минутъ, и я пустияся бѣжать со всей скоростью, на какую былъ способенъ. Нога у меня сильно болѣла, но кромѣ этого я ни на что не могъ пожаловаться.

У фонтана я остановился и перевелъ духъ; я простоялъ довольно долго, не сводя глазъ съ окошекъ дома № 2; но она не приходила. Ну, что жъ, я могу ждать, мнѣ вѣдь не къ спѣху, ей, можетъ быть, что-нибудь помѣшало. И я продолжалъ ждать. Ужъ не приснилось ли мнѣ все это? Можетъ

быть, я только въ воображеніи видѣлъ всю первую встрѣчу съ ней, въ ту ночь, когда я лежалъ въ лихорадкѣ? Я принялся думать объ этомъ, и сомнѣнія все болѣе и болѣе овладѣвали мною.

— Гмъ! — послышалось вдругъ позади меня.

Я слышалъ этотъ звукъ, слышалъ также легкіе шаги позади меня; но я не обернулся, я попрежнему не сводилъ глазъ съ широкой лѣстницы дома \mathbb{N}_2 2.

— Добрый вечеръ! — послышалось опять.

Я забываю улыбнуться, я даже не сразу снимаю шляпу, до такой степени я изумленъ тъмъ, что она появилась съ этой стороны.

- Вы долго ждали? спрашиваетъ она, часто дыша отъ быстрой ходьбы.
- Нътъ, совсъмъ нътъ, я только недавно пришелъ, отвъчаю я. Да что за бъда, если бы я и долго ждалъ? Я думалъ, впрочемъ, что вы придете съ другой стороны.
- Я проводила маму къ знакомымъ, мамы сегодня вечеромъ нътъ дома.
 - Вотъ какъ! сказалъ я.

Мы незамътно двинулись. На углу улицы стоитъ полицейскій и смотритъ на насъ.

- Куда мы, собственно, идемъ? говоритъ она, останавливаясь.
 - Куда хотите, куда вамъ только будетъ угодно.
 - Охъ, это такъ скучно самой ръшать.

Пауза.

Тогда я говорю, только для того, чтобы что-нибудь сказать:

- У васъ въ окнахъ темно, какъ я вижу.
- Да, да, отвъчаетъ она съ живостью. Прислуга тоже ушла со двора. Я совершенно одна дома.

Мы оба стоимъ и смотримъ наверхъ, на окна, словно никто изъ насъ никогда раньше не видалъ ихъ.

— Не можемъ ли мы въ такомъ случаъ подняться наверхъ, къ вамъ? — говорю я. — Я все время буду сидъть у дверей, если хотите...

Но въ ту же минуту я горько раскаялся въ своей дерзости и задрожалъ отъ волненія. Что, если она разсердится и уйдетъ? Что, если мнѣ никогда больше не придется ее увидѣть? О, этотъ жалкій костюмъ! Я въ отчаяніи ждалъ ея отвѣта.

— Вамъ вовсе незачѣмъ сидѣть у дверей, — сказала она. Мы поднялись наверхъ.

Наверху, въ сѣняхъ, гдѣ было темно, она взяла меня за руку и повела. Напрасно я такъ молчаливъ, сказала она, я могу смѣло говорить. И мы вошли. Зажигая свѣчу — она зажгла не лампу, а свѣчу, — зажигая эту свѣчу, она сказала съ легкимъ смѣхомъ:

- Но теперь вы не должны смотръть на меня. Мнъ страшно стыдно! Но я никогда больше не стану этого дълать.
 - Чего вы никогда больше не станете дълать?
- Я никогда больше... нътъ, помилуй меня Богъ... я никогда больше не стану васъ цъловать.
- Никогда больше? сказалъ я, и мы оба разсмѣялись. Я протянулъ къ ней руки, она отскочила въ сторону и отбѣжала по другую сторону стола. Съ минуту мы стояли и смотрѣли другъ на друга; свѣча стояла между нами.
 - Попробуйте поймать меня, сказала она.

И громко смъясь, я сталъ гнаться за ней. Бъгая вокругъ стола, она развязала вуаль и сняла шляпу; ея блестящіе глаза слъдили за каждымъ моимъ движеніемъ. Я снова сдълалъ нападеніе, споткнулся о коверъ и упалъ; моя больная нога измънила мнъ. Я поднялся въ большомъ смущеніи.

- Боже мой, какъ вы покраснъли! сказала она. Да это и было страшно неловко съ вашей стороны.
 - Да, это правда! отвътилъ я.

И мы снова принялись бъгать вокругъ стола.

— Мнѣ кажется, вы хромаете?

- Да, я, можетъ быть, немного хромаю, совсѣмъ немного, впрочемъ.
- Въ послъдній разъ у васъ былъ больной палецъ, теперь у васъ больная нога; это ужасно, сколько на васъ валится всякихъ невзгодъ.
- О, да. Меня чуть не переъхали нъсколько дней тому назадъ.
- Чуть не перевхали? Вы снова были пьяны? Натъ, помилуй меня Богъ, что за жизнь вы ведете, молодой человъкъ! - Она погрозила мнъ пальцемъ, сдълавъ серьезное лицо. — Сядемъ здъсь! -- сказала она. — Нътъ, не тамъ, у дверей; вы слишкомъ робки; сядемъ здѣсь; вы тутъ, а я тутъ; такъ... Ухъ, какъ скучны робкіе люди! Приходится все говорить и дълать самой, отъ нихъ никогда никакой помощи. Вотъ вы, напримъръ, могли бы положить свою руку на спинку моего стула, вы сами, я нахожу, могли бы додуматься до этого. Потому что, если я говорю что-либо подобное, то вы дѣпаете большіе глаза, словно не върите своимъ ушамъ, что это, дъйствительно, было сказано, Да, это въ самомъ дълъ такъ, я нъсколько разъ замъчала это. Но вы, пожалуйста, не вздумайте увърять меня, что вы всегда такъ скромны; если бы только у васъ хватило мужества... Вы были достаточно нахальны въ тотъ день, когда были пьяны и преслѣдовали меня на улицѣ и мучили меня своими остроумными замъчаніями: вы теряете книгу, фрэкенъ, вы, безъ сомнънія, потеряете свою книгу, фрэкенъ! Ха-ха-ха! Фи, это, въ самомъ дълъ, было отвратительно съ вашей стороны!

Я сидълъ, растерянный, и смотрълъ на нее. Сердце сильно колотилось у меня въ груди, кровь горячо переливалась по жиламъ. Что за удивительное ощущеніе!

- -- Почему вы ничего не говорите?
- Какъ вы восхитительны! сказалъ я. Я сижу здъсь и все больше отдаюсь во власть вашихъ чаръ, прямо отдаюсь во власть вашихъ чаръ... Я не могу этому противиться. Вы

самое удивительное существо, какое я... Иногда ваши глаза такъ сіяютъ, я никогда ничего подобнаго не видълъ, они выглядятъ, какъ цвъты. Что? Нътъ, нътъ, можетъ быть, и не какъ цвъты, но... Я такъ влюбленъ въ васъ, и это такъ страшно неразумно... Богъ ты мой, конечно, въдь это ни къ чему не можетъ привести. Какъ васъ зовутъ? Нътъ, вы въ самомъ дълъ скажите мнъ, какъ васъ зовутъ...

- Нътъ, вы скажите, какъ васъ зовутъ! Боже мой, я снова чуть не забыла! Я весь день думала о томъ, чтобы спросить васъ объ этомъ. Т.-е., конечно, не весь день, я вовсе не думала о васъ весь день.
- Знаете, какъ я васъ назвалъ? Я назвалъ васъ Илаяли. Какъ это вамъ нравится? Такой скользящій звукъ...
 - Илаяли?
 - Да.
 - Это на иностранномъ языкъ?
 - Гмъ! Собственно нътъ.
 - -- Да, это не дурно...

Послѣ долгихъ переговоровъ мы, наконецъ, сказали другъ другу наши имена. Она сѣла рядомъ со мной на диванъ и отодвинула ногой стулъ. И мы снова начали разговаривать.

- Вы сегодня даже побрились, сказала она. Въ общемъ вы сегодня выглядите немного лучше, чѣмъ въ послѣдній разъ, впрочемъ, очень немного; не воображайте только ничего... Нѣтъ, въ послѣдній разъ у васъ, дѣйствительно, былъ ужасный видъ. Вдобавокъ у васъ еще была грязная тряпка на пальцѣ. И въ такомъ видѣ вы непремѣнно хотѣли зайти со мной куда-нибудь выпить вина. Нѣтъ ужъ, благодарю покорно!
- Значитъ, вы все-таки отказались пойти со мной изъза моего непрезентабельнаго вида? – сказалъ я.
- Нътъ, отвътила она, глядя внизъ. Нътъ, видитъ Богъ, не изъ-за этого! Я объ этомъ даже не думала.
 - Послушайте, сказалъ я, вы навърное находитесь

въ увъренности, что я могу одъваться и жить, какъ мнъ угодно? Что? Но этого я совсъмъ не могу, я очень, очень бъденъ.

Она взглянула на меня.

- Въ самомъ дълъ? сказала она.
- Да, къ сожалѣнію.

Пауза.

 Да, Богъ ты мой, въ такомъ же положеніи нахожусь и я, — сказала она, смѣло тряхнувъ головой.

Каждое ея слово опьяняло меня, проникало мнѣ прямо въ сердце. У нея была привычка слушать, склонивъ голову немного на бокъ, и это приводило меня въ восхищеніе. И все время я чувствовалъ на своемъ лицѣ ея дыханіе.

- Знаете, сказалъ я, что я... Но вы не должны сердиться... Вчера вечеромъ, когда я легъ спать, я эту руку протянулъ для васъ... вотъ такъ... какъ если бы вы лежали рядомъ со мною. И такъ я заснулъ...
 - -- Въ самомъ дѣлѣ? Это было мило!

Пауза.

- Да, но подобную вещь вы, конечно, могли позволить себѣ только на разстояніи; иначе...
 - Вы думаете, что иначе я не ръшился бы это сдълать?
 - Да, я думаю.
- Но отъ меня вы можете ожидать всего, сказалъ я.
 И я обхватилъ рукой ея талію.
 - Всего? сказала она только.

Она, повидимому, считала меня слишкомъ скромнымъ и это сердило меня, задъвало мое самолюбіе; я собрался съ духомъ и взялъ ее за руку. Но она совершенно спокойно отняла свою руку и немного отодвинулась отъ меня. Это окончательно лишило меня мужества, я устыдился и отвернулъ голову къ окну. Конечно, у меня былъ слишкомъ жалкій видъ, гдъ ужъ мнъ было воображать что-нибудь. Другое дъло, если бы я ее встрътилъ въ то время, когда я еще былъ

похожъ на человъка, въ одинъ изъ моихъ хорошихъ дней, когда у меня было еще хоть что-нибудь, на что я могъ разсчитывать. Я вдругъ почувствовалъ себя страшно пришибленнымъ.

— Вотъ видите! — сказала она, — вы можете сами убъдиться: достаточно слегка нахмурить брови, чтобы сбить васъ съ позиціи, стоитъ только немного отодвинуться отъ васъ, чтобы вы совершенно оробъли...

Она разсмъялась дразнящимъ, шаловливымъ смъхомъ, закрывъ глаза, словно и она не могла вынести посторонняго взгляда.

— Богъ ты мой! — воскликнулъ я, — вотъ вы сейчасъ увидите! — И я объими руками кръпко обнялъ ее за плечи. Я чувствовалъ себя сильно задътымъ. Съ ума она сошла, что ли? Или она считала меня совершеннымъ младенцемъ? Хе-хе, видитъ Богъ, я... Въ этихъ дълахъ я никому не уступлю. Что ей пришло въ голову? Коли на то пошло, то...

Она сидъла совершенно спокойно, съ закрытыми глазами; мы оба молчали. Я кръпко обнялъ ее, жадно прижимая ея тъло къ себъ; она не произносила ни слова. Я слышалъ, какъ сердца наши бились, ея и мое, — словно заглушенный топотъ откуда-то изъ-подъ земли.

Я поцъловалъ ее.

Я больше не владълъ собою, я говорилъ какую-то безсмыслицу, надъ которой она смъялась, шепталъ ей на ухо нъжныя слова, гладилъ ее по щекъ, цъловалъ ее безсчетное число разъ. Я разстегнулъ одну или двъ пуговицы на ея лифъ и увидалъ ея грудь, кръпкую, круглую грудь, просвъчивавшую сквозь рубашку, какъ два бълоснъжныхъ чуда.

— Можно мнѣ посмотрѣть? — говорю я и пробую разстегнуть еще нѣсколько пуговицъ, сдѣлать отверстіе шире; но я слишкомъ взволнованъ и не могу справиться съ нижними пуговицами, тамъ, гдѣ лифъ тѣснѣе облегаетъ талію. — Можно мнѣ посмотрѣть немного...

Она обвиваетъ мою шею рукой, медленно, нѣжно; дыханіе ея, вырываясь изъ дрожащихъ розовыхъ ноздрей, обжигаетъ мнѣ лицо; другой рукой она сама начинаетъ разстегивать пуговицы, одну за другой. Она смѣется смущеннымъ, короткимъ смѣхомъ, и нѣсколько разъ взглядываетъ на меня, чтобы убѣдиться, замѣчаю ли я ея страхъ. Она развязываетъ тесемки, разстегиваетъ корсетъ, испытывая въ одно и то же время возбужденіе и страхъ. И я копошусь своими грубыми руками среди этихъ пуговицъ и тесемокъ...

Чтобы отвлечь мое вниманіе отъ того, что она дѣлаетъ, она проводитъ лѣвой рукой по моему плечу и говоритъ:

- Сколько тутъ волосъ у васъ лежитъ!
- Да, отвъчаю я и стараюсь добраться губами до ея груди. Въ эту минуту она лежитъ совершенно разстегнутая. Вдругъ она словно опомнилась, словно ей показалось, что она зашла слишкомъ далеко; она начала приводить въ порядокъ свое платье и немного приподнялась. И, чтобы скрыть смущеніе и стыдъ, она снова заговорила о массъ выпавшихъ волосъ, лежавшихъ у меня на плечахъ.
- Отъ чего это можетъ быть, что волосы у васъ такъ падаютъ?
 - Не знаю!
- О, вы навърное слишкомъ много пьете, а, можетъ быть, и... Фи, я не хочу этого выговорить! Стыдитесь! Этого я отъ васъ не ожидала! Чтобы у такого молодого человъка уже падали волосы... Не угодно ли вамъ будетъ разсказать мнъ, что за жизнь вы, собственно, ведете. Я увърена, что она ужасна! Только, пожалуйста, правду, вы понимаете, никакихъ увертокъ! Я, впрочемъ, увижу сейчасъ же, если вы захотите скрыть что-нибудь. Такъ, теперь извольте разсказывать!
 - Да, но сперва позвольте мит поцтловать вашу грудь.
 - Вы съ ума сошли? Извольте начинать!
- Нѣтъ, милая, сначала я долженъ поцѣловать вашу грудь. Сейчасъ!

— Гмъ! Нътъ, не сейчасъ... Потомъ, можетъ быть... Я хочу услышать, что вы за человъкъ. О, я увърена, что это ужасно!

Меня мучило то, что она готова думать обо мнѣ худшее; я боялся, что это совершенно оттолкнеть ее отъ меня, и ея недовѣріе по отношенію къ моему образу жизни было мнѣ невыносимо. Я хотѣлъ очистить себя въ ея глазахъ, выказать себя достойнымъ ея, показать ей, что она имѣетъ дѣло съ почти ангельски чистымъ человѣкомъ. Богъ ты мой, вѣдь я могъ по пальцамъ сосчитать, сколько разъ я падалъ по сегодняшній день.

И я сталъ разсказывать, я разсказалъ все и говориль одну правду. Я ничего не старался изобразить въ худшемъ свътъ, чъмъ оно было, я вовсе не имълъ желанія возбуждать ея страданіе; я разсказалъ также, какъ однажды вечеромъ укралъ пять кронъ.

Она сидѣла и слушала меня, раскрывъ ротъ, вся блѣдная, испуганная, съ выраженіемъ ужаса въ блестящихъ глазахъ. Я хотѣлъ поправить дѣло, загладить тяжелое впечатлѣніе, которое произвели на нее мои слова.

— Но теперь это все прошло, — сказалъ я; — больше объ этомъ не можетъ быть и рѣчи; теперь я избавленъ отъ нужды...

Но она оставалась подавленной. — Помилуй меня Богъ! — сказала она только и замолчала. Нъсколько разъ, черезъ короткіе промежутки, она повторила это восклицаніе: Помилуй меня Богъ!

Я началъ шутить, щекотать ее и снова притянуль ее къ себъ на грудь. Она опять принялась застегивать свое платье; это меня немного сердило, слегка задъвало меня. Для чего ей было застегивать свое платье? Развъ я теперь являлся въ ея глазахъ менъе достойнымъ, чъмъ если бы я по собственной своей винъ потерялъ волосы? Неужели я нравился бы ей больше, если бы оказался развратникомъ?... Безъ глупостей!

Надо только прямо итти къ цѣли! А если дѣло только въ томъ, чтобы пойти прямо къ цѣли, то, видитъ Богъ...

Я опрокинулъ ее, прямо опрокинулъ ее на диванъ. Она сопротивлялась — впрочемъ, совсъмъ легко — и смотръла на меня удивленными глазами.

- Нътъ... что вы хотите? спросила она.
- Чего я хочу?!

Хе-хе, она спрашиваетъ, чего я хочу! Я хочу пойти прямо къ цъпи, вотъ чего я хочу! Не въ моихъ привычкахъ дерзать только на разстояніи, я не такъ созданъ, я не принадлежу къ такого рода людямъ. Я сумъю постоять за себя, и никакія нахмуренныя брови не заставятъ меня отступить, о, нътъ! Мнъ еще не случалось уходить ни съ чъмъ при подобныхъ обстоятельствахъ...

И я пошелъ прямо къ цъли.

— Нѣтъ... нѣтъ, что...

Да, это именно и есть моя цѣль!

— *Нътъ*, вы слышите? — крикнула она. И она прибавила слѣдующія оскорбительныя слова: — я вѣдь даже не увѣрена, не сумасшедшій ли вы.

Я невольно остановился и сказаль:

- Этого вы не думаете!
- Да, видитъ Богъ, у васъ такой странный видъ! И въ то утро, когда вы преслъдовали меня, вы, значитъ, не были тогда пъяны?
- Нѣтъ. Но тогда я не былъ и голоденъ, я только что позавтракалъ...
 - Тъмъ хуже.
 - Вы бы предпочли, чтобы я былъ пьянъ?
- Да... Ахъ я боюсь васъ! Но, Боже мой, оставьте же меня! Я подумалъ. Нътъ, оставить ее я не могу. Было бы слиш-

комъ глупо допускать такія нелѣпости въ поздній часъ на диванѣ! Мало ли какія увертки придумываются въ подобный моментъ? Точно я не знаю, что все это не болѣе, какъ

стыдливость! Для этого надо было бы быть совсѣмъ моло-кососомъ! Потише! Безъ исторій, пожалуйста! Да здравствуютъ король и отечество...

Но она страннымъ образомъ оказывала сопротивленіе, слишкомъ сильное сопротивленіе для того, чтобы его можно было объяснить одной стыдливостью. Какъ бы нечаянно я опрокинулъ подсвѣчникъ, и въ комнатѣ стало темно; она отчаянно сопротивлялась, даже слегка застонала.

-- Нътъ, только не это, только не это! Если хотите, вы можете лучше поцъловать меня въ грудь. Милый, хорошій...

Я моментально всталъ. Въ словахъ ея прозвучало столько испуга, столько безпомощности, что я почувствовалъ себя потрясеннымъ. Она думала вознаградить меня тъмъ, что позволитъ поцъловать себя въ грудь. Какъ это было прекрасно, какъ прекрасно и какъ наивно! Я былъ готовъ упасть передъ ней на колъни.

— Но, голубушка, милая! — проговорилъ я въ недоумъніи, — я не понимаю... я, право, не могу понять... что это за игра...

Она поднялась и дрожащими руками снова зажгла свѣчу; я сидѣлъ, откинувшись на спинку дивана, и не двигался. Что будетъ дальше? Въ сущности, мнѣ было совсѣмъ не по себѣ.

Она бросила взглядъ на стѣну, гдѣ висѣли часы, и вздрогнула.

- Ахъ, сейчасъ придетъ прислуга! сказала она. Это было первое, что она выговорила. Я понялъ этотъ намекъ и всталъ. Она взяла свой плащъ, точно собираясь надъть его, но одумалась, положила его на мъсто и отошла къ камину. Она была блъдна и приходила въ все большее и большее безпокойство. Чтобы не производило впечатлънія, будто я ухожу потому, что она мнъ указываетъ на дверь, я сказалъ:
- Вашъ отецъ былъ военный? Въ то же время я сталъ собираться уходить.

Да, онъ былъ военный. Откуда я это узналъ?

Я не зналъ этого, мнѣ просто это пришло въ голову. Какъ странно!

О, да. Иногда у меня вдругъ являются предчувствія. Хехе, это находится въ связи съ моимъ сумасшествіемъ, это...

Она быстро взглянула на меня, но ничего не отвътила. Я чувствовалъ, что мучаю ее своимъ присутствіемъ, и ръшилъ сразу положить этому конецъ. Я направился къ двери. Неужели она больше не поцълуетъ меня? Даже не протянетъ руки? Я стоялъ и ждалъ.

 Вы ужъ уходите? — сказала она; но она не сдълала ни одного движенія и продолжала стоять у камина.

Я не отвътилъ. Я стоялъ, съ чувствомъ униженія и смущенія, и смотрълъ на нее, ничего не говоря.

Отчего она не оставила меня въ покоъ, если изъ этого ничего не могло выйти? Что въ ней сейчасъ происходитъ? Ей, повидимому, все равно, что я ухожу; она совершенно потеряна для меня. Я сталъ думать, что бы ей сказать на прощаніе, какое-нибудь глубокое, сильное слово, которое бы ее поразило и, можетъ быть, импонировало бы ей немного. Но, совершенно противно моему твердому намъренію, вмъсто того, чтобы держать себя холодно и гордо, я выказалъ огорченіе, безпокойство, обиду и принялся говорить о совершенно несущественныхъ вещахъ; сильное слово не приходило на умъ, и я держалъ себя самымъ безсмысленнымъ образомъ.

Почему она не заявляетъ мнѣ прямо и ясно, чтобы я уходилъ? спросилъ я. Да, да, почему? Вѣдь не стоитъ труда стѣсняться со мной. Вмѣсто того, чтобы упоминать о томъ, что скоро вернется домой прислуга, она могла бы прямо сказать мнѣ слѣдующее: теперь вы можете уходить, потому что я пойду за своей матерью и не желаю, чтобы вы провожали меня. Что, она этого вовсе не думала? О, да, она именно это думала, я сразу понялъ это. Мнѣ совсѣмъ немного нужно, чтобы понять, въ чемъ дѣло; уже одного того, какъ она взяла свой плащъ и вслѣдъ затѣмъ положила его

на мѣсто, было для меня достаточно. Какъ я уже сказалъ, у меня бываютъ иногда предчувствія и догадки. И, можетъ быть, въ этомъ вовсе не такъ много безумія...

— Но, Господи помилуй, простите мнѣ это слово! Оно вырвалось у меня нечаянно! — воскликнула она. Но она все-таки продолжала стоять неподвижно и не подходила ко мнѣ.

Я былъ неумолимъ и продолжалъ. Я не переставалъ говорить, несмотря на вполнъ опредъленное непріятное ощу щеніе, что я ей наскучилъ и что ни одно изъ моихъ словъ не производитъ на нее впечатлънія: въдь, въ сущности, можно обладать большой чувствительностью, и не будучи сумасшедшимъ; есть натуры, живущія мелочами и способныя умереть отъ ръзкаго слова. И я далъ ей понять, что принадлежу къ такимъ натурамъ. Дъло въ томъ, что нужда до такой степени обострила во мнѣ нѣкоторыя способности, что это иногда бываетъ прямо мучительно, могу васъ увърить, прямо мучительно. Но это представляетъ и свои преимущества, помогаетъ мнѣ въ извъстныхъ случаяхъ. Интеллигентный бъднякъ гораздо болъе тонкій наблюдатель, чъмъ интеллигентный богачъ. Бъднякъ напряженно слъдитъ за каждымъ своимъ шагомъ, подозрительно вслушивается въ каждое слово тъхъ людей, съ которыми онъ сталкивается; каждый шагъ, который онъ самъ дълаетъ, такимъ образомъ даетъ пищу его мыслямъ и чувствамъ, ставитъ передъ нимъ нѣкотораго рода задачу. Онъ — человъкъ, умудренный опытомъ, его слухъ и чувства изощрены до крайней степени, душа его полна жгучихъ ранъ...

И я долго говорилъ объ этихъ жгучихъ ранахъ своей души. Но чѣмъ дольше я говорилъ, тѣмъ безпокойнѣе она становилась; въ концѣ концовъ, она произнесла нѣсколько разъ, въ отчаяніи заломивъ руки: — Господи! — Я хорошо видѣлъ, что мучаю ее, и я не хотѣлъ ея мучить, и все-таки дѣлалъ это. Наконецъ, мнѣ показалось, что я въ грубыхъ

чертахъ высказалъ ей самое необходимое изъ того, что считалъ нужнымъ ей сказать, ея отчаянный взглядъ тронулъменя, и я воскликнулъ:

— Я ухожу! Я ухожу! Вы видите, что я уже открываю дверь. Прощайте! Прощайте, говорю я вамъ! Вы могли бы мнъ отвътить, когда я дважды говорю вамъ "прощайте" и собираюсь уходить. Я даже не прошу у васъ позволенія встрътиться съ вами еще разъ, потому что это доставитъ вамъ страданіе; но я спрашиваю васъ: почему вы не оставили меня въ покоъ? Что я вамъ сдълалъ? Въдь я не становился вамъ поперекъ дороги, не правда ли? И почему вы вдругъ отворачиваетесь отъ меня, какъ будто больше меня не знаете? Вы такъ основательно измучили меня, я чувствую себя теперь еще болъе жалкимъ, чъмъ былъ раньше. Но, Боже мой, въдь я же не сумасшедшій, вы это очень хорошо знаете: подумавъ объ этомъ, вы сами должны себъ сказать, что ничего подобнаго нътъ. Такъ подойдите же и протяните мнъ руку! Или позвольте мнъ подойти къ вамъ! Можно? Я ничего дурного вамъ не сдълаю, я только опущусь передъ вами на колъни на одну минуту, опущусь на колъни тамъ, на ковръ передъ вами, только на одну минуту; вы позволяете? Нътъ, нътъ, я этого не сдълаю, я вижу, вамъ становится страшно, я этого не сделаю, не сдълаю этого, вы слышите? Отецъ небесный, отчего вы въ такомъ страхъ? Я въдь стою спокойно и не двигаюсь. Я только на минуту преклонилъ бы передъ вами колфии на коврф, какъ разъ тамъ, на этомъ красномъ цвъткъ у вашихъ ногъ. Но вы испугались, я сейчасъ же замътилъ по вашимъ глазамъ, что вы испугались, поэтому я и не двинулся съ мъста. Я въдь не сдълалъ ни одного шага, когда просилъ у васъ позволенія, не правда ли? Я стоялъ такъ же неподвижно, какъ сейчасъ, когда показываю вамъ то мъсто, гдъ бы я сталъ передъ вами на колъни, тамъ, на той красной розъ на ковръ. Я даже не протягиваю пальца въ ту сторону, даже пальца,

чтобы не пугать васъ, я только киваю головой и смотрю туда, вотъ такъ! И вы очень хорошо понимаете, про какую розу я говорю, но вы не хотите позволить мнъ опуститься тамъ на колъни; вы боитесь меня и даже не ръшаетесь подойти ко мнъ ближе. Я не понимаю, какъ вы могли ръшиться назвать меня сумасшедшимъ. Не правда ли, вы сами этому не върите больше? Разъ лътомъ — это было давно я, дъйствительно, сошелъ съ ума; я слишкомъ напряженно работалъ и забывалъ ходить объдать, когда мнъ много приходилось думать. Это повторялось изо дня въ день; я долженъ былъ бы помнить объ этомъ, но я постоянно забывалъ. Видитъ Богъ, что это правда! Пусть я не сойду живымъ съ этого мъста, если я лгу! Вы видите, что вы несправедливы ко мнъ. Я это дълалъ не изъ нужды; я пользуюсь кредитомъ, большимъ кредитомъ у Ингебрета и Гравесена: часто также у меня бывало много денегъ въ карманъ, но я всетаки не покупалъ себъ ъды, потому что забывалъ объ этомъ. Вы слышите? Вы ничего не говорите, вы не отвъчаете, вы не отходите отъ камина, вы только стоите и ждете, чтобы я ушелъ...

Она быстро подошла ко мнѣ и протянула мнѣ руку. Я посмотрѣлъ на нее съ недовѣріемъ. Дѣлаетъ она это отъ всего сердца? Или она это сдѣлала только для того, чтобы избавиться отъ меня? Она обвила мою шею одной рукой, въ глазахъ у нея стояли слезы. Я все стоялъ и смотрѣлъ на нее. Она протянула мнѣ губы; я не могъ ей вѣрить, это навѣрное была жертва съ ея стороны, средство положить конецъ этой сценѣ.

Она сказала что-то, мнѣ послышалось: "я васъ все-таки люблю!" Она произнесла это очень тихо и неясно, можетъ быть, я не такъ разслышалъ, она, можетъ быть, не сказала именно эти слова; но она порывисто обвила мою шею обѣими руками, даже приподнялась немного на цыпочкахъ и простояла такъ цѣлую минуту,

Я боялся, что она вынуждаетъ себя къ этой нѣжности, и сказалъ только:

- Какъ вы теперь прекрасны!

Больше я ничего не сказалъ. Я страстно прижалъ ее къ себъ, затъмъ отступилъ назадъ, открылъ дверь и вышелъ. Она осталась въ комнатъ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Настала зима, холодная и сырая зима, почти безъ снъга, безконечная, темная и туманная ночь, не освъжавшаяся ни единымъ дуновеніемъ воздуха въ теченіе многихъ недъль. На улицахъ почти цълый день горъли фонари, и люди сталкивались другъ съ другомъ въ туманъ. Звонъ церковныхъ колоколовъ, бубенчики на извощичьихъ лошадяхъ, человъческіе голоса, топотъ копытъ — всъ звуки казались надтреснутыми и дребезжащими въ густомъ и плотномъ воздухъ, обволакивавшемъ всъ предметы и словно пригибавшемъ ихъ къ землъ. Недъли проходили за недълями, но погода все не мънялась.

Я все еще жилъ на той же квартиръ.

Я чувствовалъ себя все болѣе и болѣе связаннымъ съ этимъ трактиромъ, съ этимъ постоялымъ дворомъ для провзжающихъ, въ которомъ я нашелъ пріютъ, не смотря на мое бъдственное положеніе. Деньги мои были всѣ давно прожиты, но я продолжалъ жить на этой квартирѣ, уходить и приходить, словно я имѣлъ на это право, словно я составлялъ часть семьи. Хозяйка еще ничего не говорила мнѣ; но меня очень мучило то обстоятельство, что я не могъ ей заплатить. Такъ прошло три недѣли.

Ужъ нѣсколько дней, какъ я снова принялся писать, но мнѣ не удавалось больше написать ничего, чѣмъ бы я могъ быть доволенъ; мнѣ совершенно не везло больше, несмотря на все мое стараніе и мои многочисленныя попытки;

за что бы я ни принимался, все было напрасно, счастье покинуло меня, и я тщетно напрягалъ свой мозгъ.

Я работалъ, то-есть, дълалъ эти тщетныя попытки въ одной изъ комнатъ второго этажа, въ лучшей комнатъ для гостей. Я остался въ ней съ перваго вечера, когда у меня еще были деньги и я могъ заплатить за свое содержаніе. У меня все время была надежда, что мнъ, наконецъ, удастся написать статью на ту или другую тему, и я буду въ состояніи уплатить за комнату и прочіе расходы; потому-то я и работалъ такъ напряженно. Главнымъ образомъ я возлагалъ свои надежды на одну начатую вещь, аллегорію объ пожаръ въ книжной лавкъ; это была глубокомысленная тема, и я ръшилъ приложить всъ старанія, чтобы разработать ее какъ слѣдуетъ и снести "Командору" въ уплату своего долга. Пусть "Командоръ" узнаетъ, что на этотъ разъ онъ, дъйствительно, спасъ отъ гибели талантъ; у меня не было ни малъйшаго сомнънія, что онъ узнаетъ это; надо было только выждать, пока на меня снизойдетъ вдохновеніе. А почему предположить, что вдохновеніе не снизойдетъ на меня? И не можетъ это развъ случиться въ одинъ изъ ближайшихъ дней? Ничто больше не становилось мнъ поперекъ дороги; отъ своей хозяйки я каждый день получалъ немного ъды, нъсколько бутербродовъ утромъ и вечеромъ, и нервность моя почти исчезла. Мнъ не приходилось больше обворачивать пальцы тряпками, когда я писалъ, и я могъ безъ головокруженія смотрѣть изъ своего окна во второмъ этажѣ внизъ на улицу. Положеніе мое во всѣхъ отношеніяхъ стало лучше, и я начиналъ удивляться, что, несмотря на это, аллегорія моя все-таки не приближается къ концу. Я не могъ понять, отчего это.

Но однажды мнѣ пришлось, наконецъ, узнать, до какой степени я ослабѣлъ, какъ плохо и тупо сталъ работать мой мозгъ. Въ тотъ день ко мнѣ пришла хозяйка со счетомъ, который она попросила меня провърить; тутъ должна быть

ошибка, въ этомъ счетѣ,—сказала она, онъ не сходится съ записями въ ея собственной книгѣ; но она сама никакъ не можетъ отыскать эту ошибку.

Я принялся считать; хозяйка, сидя противъ меня, смотръла на меня. Я пересчиталъ весь столбецъ, сначала сверху внизъ — все было върно, потомъ снизу вверхъ — результатъ получился тотъ же. Я взглянулъ на хозяйку; она продолжала сидъть въ прежней позъ и ждала, что я скажу. Я замътилъ, что она беременна, это не ускользнуло отъ моего вниманія, а между тъмъ я отнюдь не смотрълъ на нее особенно испытующимъ взглядомъ.

- Все върно, сказалъ я.
- Нътъ, вы провърьте каждую статью, отвътила она; не можетъ быть, чтобы это составляло такъ много, я увърена въ этомъ.

И я сталъ провърять каждую статью отдъльно: 2 хлъба по 25, стекло для лампы 18, мыло 20, масло 32... Не требовалось особенно проницательнаго ума, чтобы просмотръть эти столбцы цифръ, этотъ жалкій маленькій счетъ изъ мелочной лавки, въ которомъ не было ничего сложнаго, и я добросовъстно старался отыскать ошибку, о которой говорила хозяйка, но, несмотря на всъ старанія, я ничего не могъ найти. Провозившись нъсколько минутъ съ этими цифрами, я почувствовалъ, какъ въ головъ у меня все идетъ кругомъ; я пересталъ различать между дебетомъ и кредитомъ, смъшивая все въ одну кучу. Наконецъ, я окончательно сталъ втупикъ передъ слъдующей статьей: 35/16 фунта сыра по 16. Мой мозгъ окончательно забастовалъ, я тупо смотрълъ на сыръ и ничего не понималъ.

- Чортъ знаетъ, что за ерунда тутъ написана!—сказалъ я въ отчаяніи. Здѣсь, помилуй меня Богъ, прямо поставлено пять шестнадцатыхъ сыра. Хе-хе, слыхано ли чтонибудь подобное? Вотъ, посмотрите сами!
 - Да, отвътила хозяйка, они всегда такъ пишутъ.

Это зеленый сыръ. Да, это совершенно върно! Пять шестнадцатыхъ составляютъ пять лотовъ...

 Да, это я понимаю, —прервалъ я ее, хотя на самомъ дълъ я ничего больше не понималъ.

Я снова попытался разобраться въ счетъ, который я нъсколько мъсяцевъ тому назадъ провърилъ бы въ минуту; я потълъ отъ усилій, ломая себъ голову надъ этими загадочными цифрами, и весьма глубокомысленно щурилъ глаза, дълая видъ, что серьезно обдумываю эту задачу; въ концъ концовъ мнъ пришлось отказаться отъ этого. Эти пять лотовъ сыра окончательно доканали меня; словно у меня что-то треснуло въ головъ.

Но, чтобы не показать и виду, что я не могу справиться съ этимъ, я шевелилъ губами и отъ времени до времени произносилъ вслухъ какую-нибудь цифру, въ то же время скользя глазами все ниже и ниже по бумагъ, какъ бы приближаясь постепенно къ концу. Хозяйка сидъла и ждала. Наконецъ, я сказалъ:

- Я просмотрълъ весь счетъ съ начала до конца, здъсь въ самомъ дълъ нътъ никакой ошибки, насколько я могу видъть.
- Нътъ? отвътила женщина, въ самомъ дълъ нътъ? Но я хорошо видълъ, что она мнъ не въритъ. И вдругъ въ ея обращеніи мнъ послышался еле замътный оттънокъ пренебреженія, какой-то равнодушный тонъ, котораго я раньше у нея не слыхалъ. Она замътила, что я, можетъ быть, не привыкъ считать шестнадцатыми долями; она сказала также, что попроситъ кого-нибудъ, кто хорошо знакомъ съ этимъ, основательно провърить счетъ. Все это она проговорила отнюдь не какимъ-нибудъ обиднымъ образомъ, чтобы сконфузить меня, но совершенно серьезно и даже съ благодарностью. Дойдя до двери и собираясь выйти, она сказала, не глядя на меня:
 - Извините, что я потревожила васъ!

Съ этимъ она ушла.

Немного спустя дверь снова открывается и моя хозяйка опять входитъ; она, должно быть, едва успъла уйти дальше, чъмъ до съней, какъ уже вернулась обратно.

— Ахъ, да, чтобы не забыть! — сказала она. — Вы не обижайтесь на меня, но за вами, кажется, есть маленькій долгъ? Вчера вѣдь минуло три недѣли, что вы у насъ живете? Кажется, это такъ. Съ такой большой семьей, какъ у меня, не легко пробиваться, и я, къ сожалѣнію, не могу держать у себя жильцовъ въ кредитъ...

Я прервалъ ее.

- Я работаю теперь надъ статьей, какъ я уже вамъ говорилъ, замътилъ я, и какъ только она будетъ готова, вы получите свои деньги. Вы можете быть совершенно спокойны.
 - Да, но въдь вы никогда не кончите этой статьи.
- Вы думаете? Возможно, что на меня уже завтра найдетъ настроеніе, или, можетъ быть, даже еще въ эту ночь; нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что оно найдетъ на меня внезапно въ эту ночь, и тогда въ какихъ-нибудь четверть часа статья моя будетъ готова. Видите ли, съ моей работой дѣло обстоитъ иначе, чѣмъ со всякой другой; я не могу сѣсть и изготовить въ день извѣстное количество, я долженъ ждать подходящаго настроенія. И нѣтъ такого человѣка, который могъ бы опредѣлить заранѣе день и часъ, когда на него найдетъ вдохновеніе; оно приходитъ само собой.

Хозяйка ушла. Довъріе ея ко мнъ навърное было сильно поколеблено.

Оставшись одинъ, я вскочилъ и въ отчаяніи сталъ рвать на себѣ волосы. Нѣтъ, повидимому, для меня, дѣйствительно, нѣтъ больше никакого спасенія, никакого, никакого спасенія! Мозгъ мой совершенно отказывается работать! Повидимому, я, дѣйствительно, сталъ идіотомъ, что не въ совершенно отказывается работать!

стояніи даже сосчитать стоимость маленькаго кусочка зеленаго сыра! Но не потеряль ли я и въ самомъ дѣлѣ разсудокъ, что стою и предлагаю самому себѣ подобные вопросы? Не сдѣлалъ ли я, въ моментъ крайняго напряженія моихъ умственныхъ силъ надъ счетомъ, въ то же время яснаго, какъ день, наблюденія, что моя хозяйка беременна? Я вѣдь не могъ этого знать, никто мнѣ объ этомъ ничего не говорилъ, это не было и произвольное предположеніе съ моей стороны, напротивъ, я неожиданно увидалъ это своими собственными глазами, и я сразу сообразилъ, въ чемъ дѣло, несмотря на то, что какъ разъ въ это время отчаянно ломалъ себѣ голову надъ шестнадцатыми долями. Какъ это объяснить?

Я подошелъ къ окошку и выглянулъ; окно мое выходило на Вогнмандсгаде. Нъсколько дътей играло внизу на мостовой, бъдно одътыя дъти этой бъдной улицы; они перебрасывали другъ къ другу пустую бутылку и отчаянно кричали при этомъ. Мимо нихъ медленно прокатилась помовая телъга, нагруженная мебелью; должно быть, какое-нибудь выселенное изъ квартиры семейство перевзжаетъ въ необычное время года. Это мнъ сейчасъ же пришло въ голову. На возу лежала постель и мебель: изъъденные червями кровати и комоды, выкрашенные въ красную краску стулья о трехъ ножкахъ, половики, всякій домашній хламъ, жестяная посуда. Маленькая дъвочка, еще совсъмъ ребенокъ, очень некрасивое существо съ покраснъвшимъ отъ мороза носомъ, сидъла на самомъ верху телъги, кръпко держась своими маленькими посинъвшими рученками, чтобы не свалиться. Она сидъла на кучъ отвратительныхъ, мокрыхъ тюфяковъ, на которыхъ, очевидно, спали дъти, и смотръла внизъ на ребятишекъ, перебрасывавшихъ другъ къ дружкъ бутылку...

Все это я видѣлъ изъ своего окна, и я легко, безъ всякихъ усилій, отдавалъ себѣ отчетъ во всемъ, что происходило передъ моими глазами. Стоя у окна и наблюдая все

это, я въ то же время слышалъ, какъ въ кухнѣ, рядомъ съ моей комнатой, хозяйская прислуга распѣвала пѣсню; мнѣ была знакома эта мелодія, и я прислушивался, вѣрно ли она поетъ. И я говорилъ самому себѣ, что идіотъ не былъ бы способенъ на все это. Слава Богу, я въ полномъ разсудкѣ и не менѣе всякаго другого владѣю всѣми своими способностями.

Вдругъ я замъчаю, что двое изъ дътей внизу на улицъ начинаютъ ссориться, два маленькихъ мальчика; одного изъ нихъ я зналъ, это былъ сынъ моей хозяйки. Я открываю окно, чтобы послушать, изъ-за чего они ссорятся, и въ ту же минуту подъ моимъ окномъ собирается кучка дътей и съ ожиданіемъ смотритъ наверхъ. Чего они ждутъ? Чтобы я имъ бросилъ что-нибудь? Высохшіе цвѣты, кость съ остатками мяса, окурокъ сигары, что-нибудь, что можно было бы пососать или чемъ позабавиться? Ихъ посиневшія отъ холода личики обращены кверху и въ глазахъ выражается безконечное ожиданіе. Между тѣмъ два маленькіе непріятеля продолжаютъ осыпать другъ друга бранью. Слова, точно огромныя, скользкія чудовища, срываются съ дітскихъ устъ, отвратительная ругань, самыя скверныя уличныя выраженія, матросская божба, которую они, можетъ быть, подслушали на набережныхъ. И оба они такъ поглощены этимъ, что не замъчаютъ хозяйки, прибъжавшей посмотръть, что тутъ происходитъ.

— Онъ схватилъ меня за горло, — сталъ объяснять ея сынъ, — и чуть не задушилъ меня! — И, поворачиваясь къ маленькому обидчику, который стоитъ и злобно хохочетъ ему прямо въ лицо, онъ въ бъшенствъ кричитъ ему:—провались ты въ преисподнюю, халдейская свинья ты эдакая! Эдакой паршивецъ, а тоже хватаетъ людей за горло! Я тебъ такъ покажу, что ты...

Мать, эта беременная женщина, занимающая своимъ животомъ чуть ли не всю улицу, хватаетъ десятилътняго мальчишку за руку и хочетъ увести его.

- Шш... замолчи сейчасъ! Нечего сказать, славно ты научился ругаться! Языкомъ работаешь такъ, словно всю свою жизнь въ кабакъ провелъ! Сейчасъ же ступай домой!
 - Не пойду!
 - Ты пойдешь!
 - Нѣтъ, не пойду!

Я стою у окна и вижу, что мать окончательно приходить въ ярость; эта отвратительная сцена сильно волнуетъ меня, я не въ состояніи больше сдерживать себя, высовываюсь въ окно и кричу мальчику, чтобы онъ на минуту поднялся ко мнѣ. Я окликаю его два раза, только чтобы отвлечь его, чтобы прекратить эту сцену, въ послѣдній разъ я кричу очень громко, и мать, пораженная, оборачивается и подымаетъ голову къ моему окну. Но въ ту же минуту она овладъваетъ собой, смотритъ на меня нахально, взглядомъ, полнымъ сознанія своего превосходства, затѣмъ снова обращается къ сыну съ укоризненнымъ замѣчаніемъ:

— Фи! стыдись, всѣ видятъ, какой ты дурной мальчикъ! Изо всего, что я видѣлъ, стоя у окна, ни одно побочное обстоятельство, ни одна подробность не ускользнули отъ моего вниманія. Я все замѣчалъ, чутко воспринималъ каждую мелочь, и все, что происходило передъ моими глазами, вызывало въ умѣ моемъ тѣ или другія мысли. Не подлежало, слѣдовательно, сомнѣнію, что разсудокъ мой въ полномъ порядкѣ. Да и могло ли мнѣ съ этой стороны угрожать чтонибудь?

Послушай, знаешь ли что, сказалъ я вдругъ самому себъ, достаточно ты носился съ своимъ разсудкомъ и доставлялъ себъ по этому поводу ненужныя заботы; пора положить конецъ этимъ глупостямъ! Развъ это признакъ безумія, если человъкъ подмъчаетъ и воспринимаетъ каждую мелочь такъ ясно и отчетливо, какъ ты? Мнъ становится прямо смъшно, могу тебя увърить, это таки довольно уморительно. Коротко говоря, каждому человъку случается иной разъ

състь на мель, и какъ разъ въ самыхъ простыхъ вещахъ. Это ровно ничего не доказываетъ, это простая случайность. Право, я готовъ поднять тебя на смѣхъ. Что касается этого дурацкаго счета изъ мелочной лавочки, этихъ жалкихъ пяти шестнадцатыхъ нищенскаго, можно сказать, сыра, — хе-хе, сыра съ гвоздикой и перцемъ — что касается этого нелъпаго, смѣшного сыра, то съ каждымъ человѣкомъ можетъ случиться, что онъ одурѣетъ отъ него; уже отъ одного запаха этого сыра можетъ стошнить... И я принялся иронизировать надъ зеленымъ сыромъ... Нѣтъ, вы мнѣ покажите что-нибудь, дѣйствительно, съѣдобное, дайте мнѣ, пожалуй, пять шестнадцатыхъ хорошаго деревенскаго масла! Это совсѣмъ другое дѣло!

Я лихорадочно смѣялся надъ собственной своей выдумкой и находилъ ее чрезвычайно забавной. Да, у меня дѣйствительно, все въ порядкѣ, я, слава Богу, совершенно здоровъ.

Я сталъ ходить по комнать, разговаривая вслухъ самъ съ собой, и веселость моя все возрастала; я громко смъялся и чувствовалъ себя чрезвычайно довольнымъ. И, повидимому, мнъ только и нуженъ былъ такой короткій веселый моментъ, одно мгновеніе беззаботнаго, радостнаго возбужденія, чтобы голова моя снова обръла свою работоспособность. Я сълъ за столъ и принялся за свою аллегорію. Работа пошла очень хорошо, какъ давно уже не шла; она подвигалась впередъ, правда, не особенно быстро, но мнъ казалось, что то немногое, что я написалъ, было въ своемъ родъ замъчательно. Я проработалъ цълый часъ, не чувствуя никакой усталости.

Я какъ разъ дошелъ до очень важнаго мѣста въ этой аллегоріи— о пожарѣ въ книжной лавкѣ; оно казалось мнѣ настолько важнымъ, что все остальное, что я написалъ, совершенно исчезало рядомъ съ нимъ. Я хотѣлъ глубоко развить ту мысль, что это не книги горятъ, а горятъ мозги, человѣческіе мозги, и изъ этихъ горящихъ мозговъ я хотѣлъ

нарисовать настоящую картину Вареоломеевской ночи. Вдругъ дверь моя съ шумомъ раскрывается и въ комнату на всѣхъ парусахъ устремляется хозяйка. Она даже не остановилась на порогѣ, а дошла до самой середины комнаты.

У меня вырвалось короткое, хриплое восклицаніе; ея появленіе подъйствовало на меня, какъ неожиданный ударъ.

— Что?—говоритъ она.—Мнѣ показалось, что вы что-то сказали. У насъ новый гость, и намъ нужна эта комната для него; вы сегодня должны ночевать внизу у насъ; вы можете получить свою постель.

И, раньше чѣмъ я успѣлъ что-нибудь отвѣтить, она, безъ дальнихъ словъ, принялась собирать со стола мои бумаги, смѣшивая всѣ листы и приводя ихъ въ величайшій безпорядокъ.

Моего радостнаго настроенія какъ не бывало, меня охватила злоба и отчаяніе, и я сейчасъ же всталъ. Я молча смотрѣлъ, какъ она убирала со стола, я не произнесъ ни одного слова. Она сунула мнѣ мои бумаги въ руку.

Мнѣ ничего другого не оставалось, какъ уйти изъ комнаты. Рѣдкая, драгоцѣнная минута подходящаго настроенія была испорчена! Новаго гостя я встрѣтилъ уже на лѣстницѣ; это былъ молодой человѣкъ съ большими синими якорями на рукахъ; за нимъ слѣдовалъ носильщикъ съ сундучкомъ на плечахъ, однимъ изъ тѣхъ, какіе употребляются обыкновенно моряками. Пріѣзжій былъ, очевидно, морякъ, слѣдовательно, случайный гость на одну ночь; едва ли онъ останется въ моей комнатѣ на болѣе продолжительное время. Можетъ быть, завтра, когда онъ уѣдетъ, мнѣ опять повезетъ и на меня найдетъ одна изъ моихъ счастливыхъ минутъ; мнѣ нужно не больше пяти минутъ вдохновенія, и моя аллегорія будетъ кончена. Итакъ, пока мнѣ оставалось только покориться судьбѣ...

Я еще ни разу до сихъ поръ не былъ въ помѣщеніи моихъ хозяевъ, единственной комнатѣ, гдѣ вся семья про-

водила день и ночь, мужъ, жена, отецъ жены и четверо дътей. Прислуга находилась на кухнъ, гдъ она и спала. Я съ отвращениемъ подошелъ къ двери и постучался; никто не отвъчалъ, а между тъмъ я слышалъ изнутри голоса.

Хозяинъ не сказалъ ни слова, когда я вошелъ, даже не отвътилъ на мой поклонъ; онъ только посмотрълъ на меня равнодушно, словно ему до меня не было никакого дъла. Онъ сидълъ и игралъ въ карты съ человъкомъ, котораго я встръчалъ на набережной у пристани, носильщикомъ, извъстнымъ подъ именемъ "Оконнаго стекла". На кровати лежалъ грудной ребенокъ и бесъдовалъ самъ съ собою, а на нарахъ сидълъ старикъ, отецъ хозяйки, съежившись и опустивъ голову на руки, словно у него болъла грудь или животъ. Голова его была почти совершенно съда, и въ этой согнутой позъ онъ имълъ видъ какого-то пресмыкающагося, сидъвшаго, настороживъ уши.

- Я долженъ, къ сожалѣнію, просить у васъ пріюта на эту ночь, — сказалъ я хозяину.
 - Моя жена распорядилась такъ? спросилъ онъ.
 - Да, мою комнату займетъ новый гость.

На это хозяинъ ничего не отвѣтилъ; онъ снова занялся картами.

Такъ этотъ человѣкъ сидѣлъ день за днемъ и игралъ въ карты съ кѣмъ попало, кто ни зайдетъ къ нему, игралъ не на денъги, только чтобы убить время и что-нибудь держать въ рукахъ. Кромѣ этого онъ рѣшительно ничего не дѣлалъ и двигался не больше, чѣмъ это допускали его облѣнившіеся члены, между тѣмъ какъ жена его бѣгала вверхъ и внизъ по лѣстницамъ, за всѣмъ слѣдила, обо всемъ хлопотала и заботилась о томъ, чтобы заполучить гостей. Она вступила также въ сношенія съ носильщиками на набережной и посыльными, давая имъ извѣстное вознагражденіе за каждаго новаго гостя, котораго они къ ней приводили; часто она давала этимъ носильщикамъ также и ночлегъ. "Оконное стекло" какъ разъ и доставилъ ей новаго гостя.

Въ комнату вошли дъти, двъ маленькія дъвочки, съ блѣдными, исхудалыми, веснущатыми личиками, въ болѣе чѣмъ поношенныхъ платьяхъ. Вслѣдъ за ними вошла и хозяйка. Я спросилъ ее, гдѣ она уложитъ меня на ночь, и она коротко отвѣтила, что я могу спать здѣсь же, вмѣстѣ съ остальными, или же въ сѣняхъ на нарахъ, какъ мнѣ угодно. При этомъ она все время ходила по комнатѣ, приводя въ порядокъ то то, то другое, и ни разу не взглянула на меня.

При ея словахъ я оторопѣлъ; ставъ у двери, я весь съежился и постарался сдѣлать видъ, что я очень доволенъ, что могу уступить свою комнату на одну ночь другому; я нарочно сдѣлалъ любезное и веселое лицо, чтобы не раздражать ея и не лишиться пріюта на ночь.

 Ну, да ужъ какъ-нибудь устроимся! — сказалъ я и замолчалъ.

Она все еще вертълась по комнатъ.

- Впрочемъ, я должна вамъ сказать, что я совершенно не въ состояніи давать людямъ столъ и квартиру въ кредитъ, прибавила она. Я уже раньше сказала вамъ это.
- Да, но въдь это только на пару дней, пока моя статья не будетъ готова, отвътилъ я, и тогда я вамъ охотно дамъ еще пять кронъ лишнихъ, я охотно это сдълаю.

Но она, очевидно, не върила въ мою статью, я это ясно видълъ. Я же не былъ въ состояніи проявить гордость и покинуть этотъ домъ только потому, что мое самолюбіе было немного задъто; я зналъ, что меня ожидаетъ, если я уйду отсюда.

Прошло нѣсколько дней.

Я жилъ все время въ общей комнатъ, такъ какъ въ съняхъ было слишкомъ холодно, тамъ не было печи; ночью я спалъ тутъ же на полу. Пріъзжій морякъ все еще жилъ

въ моей комнатъ и, повидимому, и не собирался уъзжать. Въ полдень хозяйка вошла и разсказала, что онъ заплатилъ ей за цълый мъсяцъ впередъ; онъ собирается держать экзаменъ на штурмана; для этого онъ и пріъхалъ сюда. Я стоялъ и слушалъ, и мнъ стало ясно, что моя комната потеряна для меня навсегда.

Я вышелъ въ сѣни и сѣлъ; если мнѣ удастся написать что-нибудь, то это только здѣсь, въ тишинѣ. Теперь меня занимала уже не аллегорія; у меня явилась новая идея, превосходный новый планъ: я хотѣлъ написать одноактную драму, "Крестное знаменіе", на сюжетъ изъ эпохи среднихъ вѣковъ. Я особенно тщательно обдумалъ все, что касалось главнаго дѣйствующаго лица, великолѣпной блудницы-фанатички, согрѣшившей въ храмѣ, не по слабости и не изъ сладострастія, а изъ ненависти къ небу, согрѣшившей у самого подножія алтаря, съ престольнымъ покровомъ въ изголовьи, изъ одного только гордаго презрѣнія къ небу.

Я все больше и больше увлекался этимъ женскимъ образомъ, и въ концѣ концовъ онъ стоялъ передо мною, какъ живой, и именно такой, какимъ я хотѣлъ его создать. Тѣло ея должно быть безобразнымъ и отталкивающимъ: высокое, очень худое и смуглое; на ходу ея длинныя ноги сквозятъ сквозь одежду при каждомъ движеніи. У нея должны быть большія, оттопыренныя уши. Коротко говоря, внѣшность ея должна быть едва выносима для глаза. Что меня особенно интересовало въ ней, это ея изумительное безстыдство, высшій, отчаянный предѣлъ полной презрѣнія ко всей грѣховности, которую она проявила. Она слишкомъ сильно занимала меня; мозгъ мой былъ совершенно поглощенъ этой странной фигурой, этимъ извергомъ рода человѣческаго. Цѣлыхъ два часа я безъ перерыва проработалъ надъ своей драмой.

Написавъ страницъ десять-двѣнадцать, — по временамъ съ большими затрудненіями и съ промежутками, въ которые

приходилось рвать уже написанное, — я почувствоваль усталость; члены мои совершенно онъмъли отъ холода и усталости, и я всталъ и вышелъ на улицу. Послъдніе полчаса
къ тому же мнъ мъшалъ дътскій крикъ, доносившійся изъ
комнаты хозяевъ, и я во всякомъ случать не могъ бы ничего больше написать. Я поэтому ръшилъ сдълать длинную
прогулку черезъ Драмменсвейенъ; до самаго вечера я бродилъ
по улицамъ, обдумывая продолженіе своей драмы. Когда я
возвращался домой въ этотъ вечеръ, со мной произошло
слъдующее:

Я стоялъ передъ витриной башмачнаго магазина на улицъ Карла-Іоанна, недалеко отъ желѣзнодорожной площади. Одному Богу извѣстно, почему я остановился именно передъ этимъ магазиномъ! Я смотрѣлъ въ окно магазина, но совершенно не думалъ въ эту минуту о томъ, что мнѣ какъ разъ теперь нужна новая обувь; мысли мои витали далеко, въ совершенно иныхъ областяхъ. Толпа громко разговаривавшихъ людей прошла мимо меня, но я не слышалъ ничего изъ того, что говорилось.

Вдругъ позади меня раздается громкій голосъ:

— Добрый вечеръ!

Это "Дъва" здоровается со мной.

- Добрый вечеръ! отвѣчаю я съ отсутствующимъ видомъ. Я минуты двѣ смотрѣлъ на "Дѣву", раньше чѣмъ узналъ его.
 - Ну, каковы дѣла? спросилъ онъ.
 - Да ничего... по обыкновенію!
- Послушайте-ка, сказалъ онъ, вы, значитъ, все еще у Кристи?
 - У Кристи?
- Вы, кажется, разъ какъ-то сказали мнѣ, что служите бухгалтеромъ у оптоваго торговца Кристи?
- А! Да, но этого ужъ давно нѣтъ. Съ этимъ человѣкомъ было совершенно невозможно работать; мы съ нимъ довольно скоро разошлись.

- Но почему же?
- Да просто: я однажды написалъ невърное число и...
- Фальшивое число?

Фальшивое число? Предо мною стоитъ "Дѣва" и спрашиваетъ меня, не выставилъ ли я фальшивое число. Онъ проговорилъ это быстро и съ весьма заинтересованнымъ видомъ. Я посмотрѣлъ на него, почувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ и ничего не отвѣтилъ.

- Да, да, Боже мой, это можетъ случиться съ лучшимъ изъ насъ! проговорилъ онъ, чтобы утъшить меня. Онъ, дъйствительно, думалъ, что я выставилъ фальшивое число, совершилъ подлогъ.
- Что это "да, да, Боже мой, можетъ случиться съ лучшимъ изъ насъ"? спросилъ я. Выставить фальшивое число? Но, милъйшій, вы, въ самомъ дълъ, думаете, что я способенъ совершить подобную низость? Я?
- Но, голубчикъ, мнъ такъ ясно послышалось, что вы сказали, будто...
- Нѣтъ, я сказалъ, что я однажды написалъ невърную цифру, пустякъ, если хотите знать, выставилъ невърный годъ на письмъ, одно невърное движеніе пера вотъ и весь мой проступокъ. Нѣтъ, я, слава Богу, еще умѣю отличать правду отъ неправды! Да и что бы со мной было, если бы я, въ довершеніе всего, сталъ совершать поступки, марающіе мою честь? Единственное, что поддерживаетъ меня еще, это чувство чести; но оно, надъюсь, достаточно сильно во мнѣ; во всякомъ случаѣ, до сихъ поръ оно меня всегда спасало.

Я закинулъ назадъ голову, отвернулся отъ "Дъвы" и сталъ смотръть вдаль. Взглядъ мой упалъ на красное платье, приближавшееся къ намъ, оно принадлежало женщинъ, шедшей въ сопровожденіи мужчины. Не будь у меня какъ разътеперь этого разговора съ "Дъвой", не оскорби онъ меня своимъ грубымъ подозръніемъ, не сдълай я какъ разъ этого движенія головой и не отвернись я отъ него съ оскорблен-

нымъ видомъ, красное платье, можетъ быть, прошло бы мимо меня, и я не замѣтилъ бы его. И какое мнѣ, въ сущности говоря, дѣло до него? Что мнѣ до этого платья, будь это хоть платье фрейлины ея величества, фрэкенъ Нагель?

"Дъва" все еще стоялъ и говорилъ, стараясь исправить свою оплошность; я не слушалъ его, я не сводилъ глазъ съ краснаго платья, приближавшагося къ намъ по улицъ. Я почувствовалъ вдругъ какое-то волненіе въ груди, тонкій, скользящій уколъ; я прошепталъ мысленно, прошепталъ, не раскрывая рта:

— Илаяли!

Теперь и "Дѣва" обернулся; замѣтивъ даму и мужчину, онъ поклонился и посмотрѣлъ имъ вслѣдъ. Я не кланялся, или, можетъ быть, поклонился совершенно безсознательно. Красное платье дошло до угла улицы Карла-Іоанна и исчезло.

- Кто это былъ съ нею? спросилъ "Дъва".
- -- "Герцогъ", развѣ вы не видѣли? Онъ извѣстенъ подъ именемъ "Герцога". Вы знаете эту даму?
 - Да, съ виду. А вы развѣ ея не знаете?
 - Нътъ, отвътилъ я.
 - Мнѣ показалось, что вы отвѣсили глубокій поклонъ!
 - Развѣ я это сдѣлалъ?
- Гмъ! А развѣ нѣтъ? сказалъ "Дѣва". Какъ это странно! А она все время смотрѣла только на васъ.
 - Откуда вы ее знаете? спросилъ я.

Въ сущности, онъ ея не знаетъ. Это было еще осенью. Однажды вечеромъ — было уже поздно — онъ возвращался со своими товарищами, ихъ было три веселыхъ малыхъ; выходя изъ кафэ Grand, они какъ разъ увидали эту даму; она шла совершенно одна, и они заговорили съ нею. Вначалъ она отвъчала не особенно любезно; но одинъ изъ весельчаковъ, человъкъ, прошедшій сквозь огонь и воду, обратился къ ней прямо съ просьбой не лишать его одного изъ наслажденій цивилизаціи и разръшить ему проводить ее домой.

Видитъ Богъ, онъ не тронетъ ни одного волоса на головъ ея, какъ сказано въ Писаніи, только проводитъ ее до воротъ, чтобы убъдиться, что она благополучно пришла домой, иначе онъ всю ночь не будетъ имъть покоя. Онъ говорилъ все время безостановочно, переходилъ отъ предмета къ предмету, назвался Вальдемаромъ Аттердагомъ и выдалъ себя за фотографа. Въ концъ концовъ, этотъ весельчакъ котораго не смутила ея холодность, заставилъ ее разсмъяться, и кончилось тъмъ, что онъ-таки проводилъ ее.

- Ну, и что было дальше? спросилъ я, затаивъ дыханіе.
- Что дальше? Ну, о чемъ вы спрашиваете? Въдь это же дама.

Съ минуту мы оба молчали, "Дъва" и я.

— Нѣтъ, чортъ побери, такъ это былъ "Герцогъ"! Такъ вотъ какъ онъ выглядитъ! — проговорилъ онъ задумчиво. — Ну, разъ, что она пошла съ этимъ человъкомъ, то я за нее не отвъчаю.

Я продожалъ молчать. Да, конечно, "Герцогъ" увлечетъ ее! Ну, и Богъ съ ними! Какое мнѣ до этого дѣло? Меня она нисколько не интересуетъ, ни она, ни ея прелести! И для собственнаго утъшенія я принялся думать о ней самымъ сквернымъ образомъ, чувствуя тъмъ большую радость, чъмъ больше я ее топталъ въ грязь. Меня только злило, что я снялъ шляпу передъ этой парочкой, если я это, дъйствительно, сдълалъ. Съ какой радости мнъ снимать шляпу передъ подобными людьми? Мнѣ до нея больше нѣтъ дѣла, никакого дъла; она теперь, кромъ того, совсъмъ не красива, она уже отцвъла, фу, ты чортъ, какъ она отцвъла! Возможно, конечно, что она смотръла на меня одного; это меня нисколько не удивляетъ; въ ней, можетъ быть, заговорило раскаяніе. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что я долженъ припадать къ ея ногамъ и низко кланяться, какъ какойнибудь дуракъ, особенно, принимая во вниманіе, что она въ послѣднее время такъ подозрительно отцвѣла. Пусть "Герцогъ оставитъ ее себъ, на здоровье! Настанетъ, можетъ быть, день, когда мнъ придетъ въ голову гордо пройти мимо нея, даже не взглянувъ въ ея сторону. Возможно, что я разръщу себъ поступить такъ, хотя бы она и смотръла на меня пристальнымъ взглядомъ и сверхъ того была бы въ кроваво-красномъ платъъ. Это можетъ случиться! Вотъ такъ было бы торжество! Если я не ошибаюсь въ самомъ себъ, то я въ состояни еще въ теченіе этой ночи кончить свою драму, и не пройдетъ и недъли, какъ я заставлю эту красотку склониться предо мной. Со всъми ея прелестями, хе,-хе, со всъми ея прелестями...

— Прощайте! — сказалъ я коротко.

Но "Дѣва" удержалъ меня.

- Чфмъ вы теперь занимаетесь? спросилъ онъ.
- Чѣмъ я занимаюсь? Я пишу, само собою разумѣется. Чѣмъ же мнѣ еще заниматься? Вѣдь этимъ я и живу. Въ настоящее время я работаю надъ большой драмой, "Знаменіе креста", сюжетъ изъ средневѣковья.
- Чортъ побери! удивился "Дъва" искренно. Ну, если вамъ это удастся, то...
- О, это меня нисколько не заботитъ!—отвътилъ я.— Скоро вы услышите обо мнъ.

И я ушелъ.

Вернувшись домой, я сейчасъ же обратился къ хозяйкъ и попросилъ у нея лампу. Мнъ было очень важно получить лампу; я ръшилъ не ложиться въ эту ночь, моя драма буквально жгла мнъ голову, и я твердо надъялся значительно подвинуться впередъ до утра. Я изложилъ хозяйкъ свою просьбу чрезвычайно смиренно, такъ какъ замътилъ, что она при моемъ появленіи сдълала недовольную гримасу. У меня почти совершенно готова замъчательная драма, — сказалъ я; мнъ не хватаетъ еще только нъсколькихъ сценъ; и я намекнулъ, что она въ самомъ близкомъ будущемъ можетъ быть поставлена въ томъ или другомъ театръ.

Если бы только она захотъла оказать мнъ эту большую услугу, то...

Но у нея нѣтъ лампы. Она стала припоминать, но рѣшительно не могла припомнить, чтобы у нея гдѣ-нибудь была лампа. Если я согласенъ ждать до полуночи, то я смогу, быть можетъ, получить кухонную лампу. Но почему мнѣ не купить себѣ свѣчи?

Я молчалъ. У меня не было десяти эре, чтобы купить себъ свъчу, и она знала это. Конечно, опять неудача! Служанка сидъла вмъстъ съ нами, въ общей комнатъ, а отнюдь не въ кухнъ; лампа на кухнъ даже не была зажжена. Я соображалъ все это про себя, но ничего не сказалъ.

Вдругъ служанка обращается ко мнъ:

— Вы, кажется, пришли только что изъ дворца? Вы тамъ объдали?

И она громко расхохоталась собственной шуткъ.

Я сълъ, вынулъ свои бумаги и хотълъ попытаться написать хоть что-нибудь, сидя здѣсь. Я держалъ бумагу на колъняхъ и все время упорно смотрълъ въ полъ, не подымая глазъ, чтобы не отвлекаться; но это не помогало, ничто не помогало, я не подвигался съ мъста. Двъ маленькія дъвочки хозяйки вошли и стали возиться съ кошкой, странной, больной кошкой, почти совершенно лишенной шерсти; онъ дули ей въ глаза, и тогда изъ глазъ сочилась жидкость и стекала по носу. Хозяинъ и еще нѣсколько человѣкъ сидѣли за столомъ и играли въ сто одинъ. Одна только хозяйка была по обыкновенію прилежна и шила что-то. Она корошо видъла, что я не могу писать среди такого шума, но она больше не заботилась обо мнъ; она даже улыбнулась, когда служанка спросила, объдалъ ли я во дворцъ. Весь домъ былъ враждебно настроенъ ко мнъ; казалось, будто достаточно было этой позорной необходимости уступить свою комнату другому, для того, чтобы на меня начали смотръть въ этомъ домѣ, какъ на чужого. Даже эта служанка, эта

темноглазая уличная дъвченка съ гривкой на лбу и совершенно плоской грудью, позволяла себъ шутить надо мною по вечерамъ, когда я получалъ свои бутерброды. Она безпрестанно спрашивала меня, гдъ я обыкновенно объдаю, такъ какъ она ни разу еще не видала, чтобы я заходилъ въ ресторанъ. Было ясно, что она знала о моемъ жалкомъ положеніи, и ей доставляло удовольствіе показывать мнъ это.

Мысли эти настолько поглощають мое вниманіе, что я совершенно не въ состояніи найти ни одной реплики для своей драмы. Я дълаю тщетныя попытки сосредоточиться на ней; въ головъ у меня начинаетъ какъ-то странно шумъть, и я въ концъ концовъ оставляю всякую попытку. Я прячу бумагу въ карманъ и подымаю глаза. Какъ разъ предо мною сидитъ служанка, и я смотрю на нее, на ея узкую спину и недоразвитыя плечи. Чего ей-то смѣяться надо мною? Допустимъ, что я и пришелъ изъ дворца, ну, и что изъ того? Мъшаетъ это ей, что ли? Въ послъдніе дни она нахально смѣялась надо мною при всякомъ удобномъ случаѣ, споткнусь ли я на лъстницъ, или задъну за гвоздь, который оставитъ дыру въ моемъ сюртукъ. Не далъе, какъ вчера, она подобрала въ съняхъ обрывки моей драмы, которыя я выбросиль, и стала ихъ читать въ комнатъ у хозяевъ въ присутствіи всіхъ только для того, чтобы иміть случай лишній разъ выставить меня на сміть. Я рішительно никогда не безпокоилъ ея и не помню, чтобы когда-либо просилъ ее о чемъ-нибудь. Напротивъ, вечеромъ я самъ стлалъ себъ постель на полу, чтобы не доставлять ей лишнихъ хлопотъ. Она смѣялась также надъ тѣмъ, что у меня выпадали волосы. По утрамъ въ моемъ умывальномъ тазу лежали цълыя пряди волосъ, и это страшно ее веселило. Въ довершение всего моя обувь пришла въ ужасное состояние. особенно одинъ сапогъ, черезъ который перевхалъ возъ съ хлъбомъ; она потъшалась и надъ этимъ. Помилуй Богъ васъ и вашу обувь!-говорила она; посмотрите-ка, въдь это точно

двѣ собачьи конуры! И она была права, моя обувь, дѣй-ствительно, была въ ужасномъ видѣ; но вѣдь я не могъ пока купить себѣ новой.

Пока я сидълъ и перебиралъ все это въ умъ, удивляясь той явной злобъ, которую служанка проявляла по отношенію ко мнъ, объ дъвочки хозяйки принялись дразнить и мучить стараго дъда, сидъвшаго на кровати; онъ прыгали вокругъ него и были всецъло поглощены этимъ занятіемъ. Онъ нашли себъ по соломинкъ и совали ихъ ему въ уши. Нъкоторое время я смотрълъ на это, не вмъшиваясь. Старикъ и пальцемъ не шевелилъ, чтобы защитить себя; онъ только кидалъ на своихъ мучительницъ бъшеные взгляды всякій разъ, когда онъ его кололи соломинками, а когда негоднымъ дъвченкамъ удавалось засунуть соломинки ему въ уши, онъ, чтобы избавиться отъ нихъ, моталъ головой.

Это зрълище все больше и больше возмущало меня, и я не могъ оторвать отъ него глазъ. Отецъ отъ времени до времени подымалъ глаза отъ картъ и смъялся, глядя на дъвочекъ; онъ даже обратилъ вниманіе своихъ партнеровъ на то, что происходило. Но почему старикъ терпитъ это? Почему онъ не оттолкнетъ дътей отъ себя руками? Я сдълалъ шагъ къ кровати.

— Оставьте его! Оставьте его! Онъ парализованъ!— крикнулъ хозяинъ.

И изъ боязни, что мнѣ укажутъ на дверь среди ночи, прямо-таки изъ опасенія возбудить недовольство хозяина, вмѣшавшись въ эту сцену, я молча отошелъ назадъ, на свое прежнее мѣсто, и усѣлся спокойно. Да и чего ради мнѣ было рисковать квартирой и бутербродами, суя свой носъ въ чужія семейныя дѣла? Еще этого не хватаетъ — дѣлать глупости изъ-за старикашки, стоящаго одной ногой въ могилѣ! И я остался на своемъ мѣстѣ, твердый, какъ кремень.

Но маленькія негодяйки не прекращали своей жестокой

забавы. Ихъ смѣшило, что старикъ не можетъ держать головы спокойно, и онѣ стали совать ему соломинки и въ глаза, и въ ноздри. Не въ силахъ шевельнуть руками, онъ только смотрѣлъ на нихъ ужаснымъ взглядомъ, не произнося ни слова. Вдругъ онъ приподнялся слегка и плюнулъ одной изъ дѣвочекъ въ лицо; затѣмъ онъ снова приподнялся и плюнулъ также по направленію къ другой, но не попалъ. При видѣ этого хозяинъ швырнулъ карты на столъ и подскочилъ къ кровати; лицо его налилось кровью.

- Ты тутъ будещь сидъть и плевать людямъ въ физіономію, старый хрычъ? крикнулъ онъ.
- Но, Боже мой, вѣдь онѣ же не давали ему покоя!— крикнулъ я, внѣ себя. Но меня не покидалъ страхъ, что мнѣ сейчасъ укажутъ на дверь, и я крикнулъ поэтому даже не особенно громко; я только дрожалъ всѣмъ тѣломъ отъ возбужденія.

Хозяинъ повернулся ко мнъ.

— Нътъ, какъ этотъ вамъ нравится? Какое, чортъ побери, вамъ до этого дъло? Держите-ка языкъ за зубами, это будетъ лучше всего для васъ! Послушайтесь меня!

Но вотъ подняла свой голосъ и хозяйка, и весь домъ моментально наполнился крикомъ и шумомъ.

— Помилуй меня Богъ, мнѣ кажется, что вы оба ошалѣли!—крикнула она.—Если хотите оставаться здѣсь, такъ сидите спокойно оба, такъ вы и знайте! Мало того, что даешь столъ и квартиру всякой сволочи — они тутъ будутъ еще устраивать скандалы и ссоры и подымать шумъ, что хоть изъ дому бѣги. Но этого я у себя въ домѣ не желаю! Шш! молчите вы тамъ, дѣвченки! и вытрите носы, а не то я приду и утру ихъ вамъ. Въ жизни своей я не видала такихъ людей! Является такой баринъ съ улицы, безъ гроша въ карманѣ, и начинаетъ тутъ среди ночи скандалить и затѣвать ссоры. Я этого больше не желаю, вы понимаете? Можете себѣ отправляться всѣ, куда угодно. Я желаю имѣть покой у себя въ квартирѣ,

Я ничего не говорилъ, не раскрывалъ рта; усѣвшись на свое прежнее мѣсто у двери, я молча слушалъ, что тутъ происходитъ. Теперь всѣ кричали, даже дѣти и служанка, желавшая объяснить, съ чего все это началось. Если только я буду молчать, то гроза на этотъ разъ еще пронесется мимо; дѣло навѣрное не дойдетъ до крайности, если я только не буду говорить ни слова. Да и что мнѣ было сказатъ? На дворѣ зима, да вдобавокъ, еще и поздній часъ ночи! Самый подходящій моментъ колотить кулакомъ по столу и разыгрывать изъ себя рыцаря! Пожалуйста, только безъ глупостей! И я продолжалъ сидѣть смирно и не уходилъ, не стыдился оставаться тутъ, хотя мнѣ почти указали на дверь. Я упорно смотрѣлъ на стѣну, гдѣ висѣла олеографія, изображающая Христа, и молчалъ на всѣ выходки хозяйки.

— Если это вы отъ меня хотите избавиться, хозяйка, такъ я могу, пожалуй, уйти, — сказалъ одинъ изъ игравшихъ въ карты.

И онъ поднялся. За нимъ всталъ и другой.

— Да нѣтъ, я не про тебя говорю, и не про тебя,— отвѣтила имъ хозяйка. — Коли на то пошло, такъ я могу указать, про кого я говорю. Коли на то пошло! Слыхано ли что-нибудь подобное? Еще будетъ видно, о комъ я говорю...

Она говорила отрывисто, нанося мнѣ ударъ за ударомъ съ небольшими промежутками, растягивая ихъ, чтобы тѣмъ яснѣе показать мнѣ, что она именно меня имѣла въ виду. Спокойствіе! сказалъ я самому себѣ. Теперь только спокойствіе! Она вѣдь не предлагала мнѣ уйти, не предлагала мнѣ этого прямо, въ не оставляющихъ сомнѣнія словахъ. Только безъ высокомѣрія, безъ неумѣстной гордости! Надо сдѣлать видъ, что не слышишь... Что за странные зеленые волосы у Христа на олеографіи! Они напоминаютъ траву, или, чтобы выразиться съ совершенной точностью, густую луговую траву. Хе-хе, это совершенно правильное замѣчаніе — прекрасную луговую траву... Цѣлый рядъ ассоціацій пробѣжалъ

у меня въ эту минуту въ головѣ: отъ зеленой травы мысль перешла къ одному мѣсту въ писаніи, что всякая жизнь подобна травѣ высыхающей, отсюда къ страшному суду, когда все сгоритъ въ огнѣ, затѣмъ она на минуту остановилась на Лиссабонскомъ землетрясеніи, послѣ чего передъ моимъ мысленнымъ взоромъ вдругъ промелькнуло что-то въ родѣ мѣдной испанской плевательницы и ручки для пера изъ чернаго дерева, которыя я видѣлъ у Илаяли. Ахъ, да, все на свѣтѣ преходяще! Точь-въ-точь, какъ трава высыхающая! Все сводится, въ концѣ концовъ, къ четыремъ доскамъ и савану — саваны у іомфру Андерсенъ, направо въ воротахъ...

И все это мелькало въ моей головъ въ этотъ отчаянный моментъ, когда хозяйка была готова выгнать меня за дверь!

— Онъ не слышитъ! — крикнула она. — Я говорю, чтобы вы оставили мой домъ! Такъ, теперь вы знаете? Мнѣ кажется, помилуй меня Богъ, что этотъ человѣкъ сошелъ съ ума! Ступайте на всѣ четыре стороны, сейчасъ же! довольно этихъ разговоровъ.

Я посмотрѣлъ на дверь, не для того, чтобы уйти, совсѣмъ не для того, чтобы уйти; въ головѣ у меня мелькнула дерзкая мысль: если бы въ замкѣ былъ ключъ, я бы повернулъ его, заперся бы въ комнатѣ вмѣстѣ съ остальными, чтобы не быть вынужденнымъ уйти. Я испытывалъ какую-то истерическую боязнь очутиться опять на улицѣ. Но въ замкѣ не было ключа, и я поднялся; никакой надежды мнѣ больше не оставалось.

Вдругъ, среди крика хозяйки, раздается голосъ хозяина. Я въ удивленіи остановился. Тотъ самый человѣкъ, который еще только что угрожалъ мнѣ, теперь заступается за меня! Онъ говоритъ:

 Но въдь нельзя же выгонять людей на улицу среди ночи, ты знаешь. За это полагается штрафъ. Я не зналъ, полагается ли за это штрафъ или нѣтъ, я ничего не могъ объ этомъ сказать; но, должно быть, это такъ и было, потому что хозяйка сейчасъ же одумалась, успокоилась и больше со мной не говорила. Она даже положила предо мною два бутерброда къ ужину, но я ихъ не взялъ, изъ благодарности къ хозяину я ихъ не взялъ, сказавъ, что я перекусилъ въ городъ.

Когда я, наконецъ, отправился въ сѣни, чтобы лечь, хозяйка послѣдовала за мной; остановившись на порогѣ и заполнивъ все отверстіе двери своимъ огромнымъ беременнымъ животомъ, она сказала:

Но это послѣдняя ночь, что вы здѣсь ночуете, такъ и знайте.

— Да, да, — отвѣтилъ я.

Завтра, можетъ быть, и удастся придумать что-нибудь, чтобы устроиться на ночь, если я очень постараюсь. Какойнибудь уголъ да найдется для меня. А пока я былъ радъ, что эту ночь мнъ еще не надо выходить на улицу.

Я проспаль до пяти-шести часовъ утра. Было еще темно, когда я проснулся, но, несмотря на это, я сейчасъ же всталь; я спаль совершенно одътый, такъ какъ въ съняхъ было очень холодно, и теперь мнт не пришлось одъваться. Выпивъ немного воды и отворивъ потихоньку дверь, я сейчасъ же вышелъ; я боялся снова встрътиться съ хозяйкой.

Единственными живыми существами на улицахъ были констабли, продежурившіе ночь; немного спустя появились также кой-гдѣ сторожа, принявшіеся гасить газовые фонари. Я бродилъ безъ цѣли по улицамъ, дошелъ до Церковной улицы и направился къ крѣпости. Продрогшій и еще сонный, съ усталостью въ колѣняхъ и спинѣ отъ продолжительной ходьбы и страшно голодный, я сѣлъ на одну изъ скамей и долго просидѣлъ такъ въ полудремотѣ. Въ теченіе трехъ

недъль я жилъ исключительно бутербродами, которые хозяйка моя давала мнъ утромъ и вечеромъ; теперь прошли почти сутки съ тъхъ поръ, что я въ послъдній разъ ълъ, и голодъ начиналъ чувствительно терзать мои внутренности; надо было какъ можно скоръе придумать какой-нибудь выходъ изъ этого положенія. Съ этой мыслью я заснулъ на скамъъ...

Я проснулся отъ голосовъ, раздававшихся вблизи меня; придя въ себя, я увидалъ, что насталъ день и улицы были полны движенія. Я поднялся и пошелъ прочь. Солнце подымалось надъ вершинами холмовъ, небо было ясно и прозрачно; это чудесное, свътлое утро послъ столькихъ недъль тумановъ и мрака наполнило мое сердце радостью, заставившей меня забыть всъ заботы; мнъ показалось, что положеніе мое не разъ уже бывало хуже теперешняго. Я хлопнулъ себя по груди и сталъ напъвать какую-то мелодію. Голосъ мой звучалъ такъ ужасно, онъ казался такимъ больнымъ и слабымъ, что это тронуло меня до слезъ. Къ тому же и этотъ чудесный день и это ясное прозрачное небо, льющее потоки свъта, дъйствовали на меня слишкомъ сильно, и я разразился громкими рыданіями.

— Что съ вами? — спросилъ меня какой-то прохожій.

Я ничего не отвѣтилъ и поторопился уйти отъ него, пряча лицо отъ встрѣчныхъ.

Я спустился къ набережной. Большое судно подъ русскимъ флагомъ стояло въ гавани и выгружало уголь; на борту я прочелъ надпись: "Соре́дого". Нъкоторое время я развлекался тъмъ, что наблюдалъ, что происходило на этомъ иностранномъ суднъ. Разгрузка, должно быть, приближалась къ концу, потому что судно поднялось изъ воды на девять футовъ, несмотря на принятый на бортъ балластъ, и когда носильщики въ своихъ тяжелыхъ сапогахъ ходили по палубъ, то звуки эти гулко отдавались по всему судну.

Солнце, свътъ, соленое дуновеніе съ моря, вся эта суета и оживленіе нъсколько подбодрили меня и ускорили дви-

женіе моёй крови въ жилахъ. Вдругъ мнѣ пришло въ голову, что я, быть можетъ, сидя здѣсь, могъ бы написать нѣсколько сценъ для своей драмы. И я вынулъ изъ кармана свои бумаги.

Я котъть вложить въ уста монаха реплику, полную силы и нетерпимости; но это мнъ не удавалось. Тогда я оставилъ монаха и принялся сочинять ръчь, ръчь судьи, обращенную къ осквернившей храмъ преступницъ. Я написалъ съ полъстраницы, но затъмъ остановился. Въ словахъ моихъ не было настоящаго колорита. Все это суетливое движеніе вокругъ меня, пъніе матросовъ, скрипъ ворота и неумолкавшій звонъ жельзныхъ цъпей такъ плохо гармонировали съ мрачной, затхлой атмосферой средневъковья, которой должна быль проникнута моя драма. Я сложилъ бумаги и поднялся.

Но я какъ разъ вошелъ въ колею, я ясно чувствовалъ, что при благопріятныхъ условіяхъ могъ бы сдѣлать кое-что. Если бы только найти уголокъ, гдѣ бы можно было укрыться! Я стоялъ среди улицы и думалъ, но не могъ вспомнить во всемъ городѣ ни одного спокойнаго мѣстечка, гдѣ я могъ бы посидѣть хоть одинъ часъ. Мнѣ не оставалось ничего другого, какъ вернуться въ заѣзжій домъ, который я сегодня только покинулъ. Все мое существо противилось этому, и я все время говорилъ самому себѣ, что это совершенно невозможно, но вмѣстѣ съ тѣмъ я все-таки шелъ впередъ, все приближаясь къ запрещенному мѣсту. Я повторялъ себѣ, что это постыдно, позорно, прямо позорно; но все это не помогало. У меня не было больше ни малѣйшей гордости, я смѣло могъ сказать, что не было на свѣтѣ человѣка менѣе гордаго, чѣмъ я. И я пошелъ дальше.

У воротъ я остановился и снова сталъ обдумывать то, что собирался сдѣлать. Но нѣтъ, пусть будетъ, я долженъ рискнуть! Да, въ сущности, все это пустяки. Во-первыхъ, я пробуду эдѣсь только пару часовъ, во-вторыхъ, избави меня

Богъ еще когда нибудь вернуться въ этотъ домъ. Я вошелъ во дворъ. Идя по неровной мостовой двора, я все еще чувствовалъ неувъренность и былъ готовъ повернуть у самыхъ дверей. Я кръпко сжалъ губы. Нътъ, прочь неумъстную гордость! Въ крайнемъ случаъ я могу сказать, что пришелъ для того, чтобы проститься, какъ слъдуетъ проститься и свести счеты съ хозяйкой. Я отворилъ дверь въ съни.

На порогѣ я остановился неподвижно. Какъ разъ напротивъ двери, въ двухъ шагахъ отъ меня, стоялъ самъ козяинъ, безъ шапки и безъ сюртука, и смотрѣлъ черезъ замочную скважину въ общую комнату. Завидя меня, онъ торопливо замахалъ рукой, чтобы я не шумѣлъ, и снова повернулся къ двери. Стоя согнувшись, онъ хохоталъ.

— Подите сюда, — проговорилъ онъ шопотомъ.

Я приблизился на цыпочкахъ.

— Посмотрите-ка! — сказалъ онъ, смѣясь тихимъ, возбужденнымъ смѣхомъ. — Взгляните-ка! Хи-хи! Вонъ они лежатъ! Посмотрите на стараго! Вы видите стараго?

На кровати, подъ самой олеографіей, изображающей Христа, и какъ разъ противъ меня, я увидаль двѣ фигуры, козяйку и пріѣзжаго штурмана; ноги ея бѣлѣли на темномъ фонѣ одѣяла. А на другой кровати, у сосѣдней стѣны, сидѣлъ ея отецъ, старый паралитикъ, по обыкновенію, съежившись, не въ состояніи двинуться, и смотрѣлъ на нихъ...

Я повернулся къ хозяину. Ему, повидимому, стоило величайшихъ усилій, чтобы не расхохотаться громко.

— Вы видъли стараго? — прошепталъ онъ. — О, Боже, стараго-то вы видъли? Онъ сидитъ и смотритъ на нихъ! — И онъ снова наклонился къ замочной скважинъ.

Я отошелъ къ окну и сѣлъ. Это эрѣлище самымъ немилосерднымъ образомъ привело мои мысли въ хаотическій безпорядокъ и совершенно уничтожило все мое настроеніе. Но въ концѣ концовъ, какое мнѣ дѣло до этого? Разъ мужъ самъ мирится съ этимъ и это даже забавляетъ его, мнѣ

ужъ навѣрное нѣтъ никакихъ основаній принимать это близко къ сердцу. А что касается старикъ, то старикъ, въ концѣ концовъ, не болѣе, какъ старикъ. Онъ этого, можетъ быть, даже и не видитъ; можетъ быть, онъ сидитъ и спитъ; Богъ знаетъ, не умеръ ли онъ уже даже; меня бы нисколько не удивило, если бы оказалось, что на кровати сидитъ трупъ. Моя совѣсть, во всякомъ случаъ, здѣсь чиста.

Я снова досталъ свои бумаги, рѣшивъ откинуть всѣ постороннія впечатлѣнія. Я остановился на одной фразѣ въ въ рѣчи судьи: "такъ повелѣваютъ мнѣ Богъ и законъ, такъ повелѣваетъ мнѣ совѣтъ моихъ мудрыхъ мужей, такъ повелѣваетъ мнѣ моя собственная совѣстъ"... Я выглянулъ въ окно и сталъ придумывать, что бы ему могла повелѣвать его собственная совѣстъ. Изъ комнаты до меня донесся какой-то шумъ. Ну, это меня не касается, совершенно не касается; старикъ къ тому же былъ мертвъ, можетъ быть, уже съ четырехъ часовъ утра; мнѣ, значитъ, не было ровно никакого дѣла до этого шума; такъ чего же я сижу и думаю объ этомъ? Прочь эти мысли, теперь мнѣ нужно спокойствіе!

"Такъ повелъваетъ мнъ моя собственная совъсть"...

Но все словно сговорилось противъ меня. Хозяинъ стоялъ у замочной скважины далеко не спокойно; отъ времени до времени я слышалъ его сдавленный смѣхъ и видѣлъ, что онъ трясется; то, что происходило на улицѣ, тоже отвлекало меня отъ моей работы. На противоположномъ тротуарѣ сидѣлъ маленькій мальчикъ и игралъ, грѣясь на солнцѣ; онъ самымъ мирнымъ образомъ складывалъ полоски бумаги и ровно никому не мѣшалъ. Вдругъ онъ вскакиваетъ и начинаетъ ругаться; отступивъ назадъ, онъ подымаетъ голову и видитъ человѣка, взрослаго человѣка съ рыжей бородой; онъ лежалъ, высунувшись изъ окна второго этажа и плевалъ ребенку на голову. Мальчишка плакалъ отъ гнѣва и въ безсильной злобѣ посылалъ наверхъ проклятія и ругательства,

человъкъ же смъялся прямо ему въ лицо; это продолжалось минутъ пять. Я отвернулся, чтобы не видъть слезъ мальчика.

"Такъ повелѣваетъ мнѣ и моя собственная совѣсть, чтобы"...

Выло совершенно невозможно продолжать. Въ концѣ концовъ, все смѣшалось у меня въ головѣ; мнѣ стало казаться, что даже то, что уже было написано, никуда не годится, что вся моя идея не болѣе, какъ сплошная безсмыслица. Можно ли было говорить о совѣсти въ средніе вѣка? вѣдь совѣсть была открыта лишь учителемъ танцевъ Шекспиромъ, спѣдовательно, вся моя рѣчь невѣрна. Неужели же все, что написано на этихъ листахъ, никуда не годится? Я снова пробѣжалъ ихъ, и мои сомнѣнія сразу разсѣялись; я нашелъ въ нихъ великолѣпныя мѣста, цѣлые длинные періоды громаднаго достоинства. И я вдругъ опять почувствовалъ въ груди томительную, сладкую жажду приняться за работу и безотлагательно поскорѣе довести свою драму до конца.

Я поднялся и пошелъ къ двери, не обращая вниманія на сердитые знаки хозяина, чтобы я не шумълъ. Твердо и увъренно я прошелъ черезъ съни, поднялся по лъстницъ во второй этажъ и вошелъ въ свою прежнюю комнату. Въдь штурмана не было въ ней, такъ что мнъ мъшаетъ посидътъ здъсь немного? Я не трону ничего изъ его вещей, я даже не подойду къ его столу, а усядусь на стулъ у дверей и буду и этому радъ. Я торопливо разложилъ бумаги на колъняхъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ работа шла прекрасно. Реплика за репликой вставали въ моемъ мозгу совершенно готовыя, и я писалъ, не отрываясь. Я заполняю страницу за страницей, валяю все, что ни приходитъ въ голову, тихонько напѣваю про себя и почти не чувствую себя отъ восторга. Единственный звукъ, доносящійся до меня извнѣ—это мой собственный радостный голосъ. Мнѣ вдругъ приходитъ въ голову счастливая идея — ввести въ свою драму въ опредѣ-

ленный моментъ колокольный эвонъ; это будетъ чрезвычайно эффектно. — Словомъ, все шло наилучшимъ образомъ.

Вдругъ на пъстницъ раздаются шаги. Дрожь пробъгаетъ по моему тълу; почти внъ себя отъ страха, доведенный голодомъ до крайняго раздраженія, я сижу, какъ на иголкахъ, боясь всего, готовый каждую минуту вскочить; я нервно прислушиваюсь, карандашъ я держу въ рукъ, но не могу написать ни слова. Дверь открывается, въ комнату входятъ хозяйка и штурманъ.

Ёще раньше, чѣмъ я успѣваю произнести хоть одно слово въ свое извиненіе, хозяйка, точно свалившись съ неба, подымаетъ крикъ:

- Нътъ, спаси и помилуй меня Богъ, онъ снова здъсь!
- Извините! говорю я; я хочу продолжать, но она не даетъ мнѣ выговорить ни слова. Она раскрываетъ настежь дверь и кричитъ:
- Если вы сію минуту не уйдете, то я не я, если не позову полицію!

Я поднялся.

- Я только хотълъ проститься съ вами, сказалъ я, и ждалъ васъ здъсь. Я ничего здъсь не трогалъ, я только посидълъ на стулъ...
- Да это ничего, сказалъ штурманъ, ну, что за бъда? Оставъте его!

Когда я вышелъ на лѣстницу, меня вдругъ охватило страшное бѣшенство противъ этой толстой, разбухшей женщины, которая слѣдовала за мною по пятамъ, чтобы убѣдиться, что я уйду; я на мгновеніе остановился, и съ языка моего готовъ былъ сорваться цѣлый потокъ бранныхъ словъ, который я хотѣль обрушить на нее. Но я во время одумался и смолчалъ, смолчалъ только изъ благодарности къ чужому человѣку, который шелъ позади нея и могъ слышать меня. Хозяйка все шла за мной и безостановочно ругалась; въ то же время, съ каждымъ шагомъ, который я дѣлалъ, во мнѣ самомъ все больше разгоралась ярость.

Мы вышли на дворъ; я шелъ очень медленно, все еще соображая, стоитъ пи мнѣ связываться съ хозяйкой. Я былъ внѣ себя отъ бѣшенства и, кажется, былъ бы способенъ въ эту минуту на самое жестокое кровопролитіе, — какой-нибудь толчокъ въ животъ, ударъ, который бы уложилъ ее сразу на мѣстѣ. Въ воротахъ я сталкиваюсь съ посыльнымъ; онъ кланяется, я не отвѣчаю; онъ обращается къ хозяйкѣ, и я слышу, что онъ спрашиваетъ обо мнѣ, но я не поворачиваюсь.

Нъсколько мгновеній спустя посыльный нагоняеть меня, снова кланяется и протягиваеть мнъ письмо. Ръзкимъ, недовольнымъ движеніемъ я распечатываю его, изъ конверта выпадаетъ десятикронная бумажка, но письма никакого нътъ, — ни одного слова.

Я взглядываю на посыльнаго и спрашиваю:

- -- Что это за шутки? Отъ кого это письмо?
- Этого я не знаю, отвѣчаетъ онъ, мнѣ дала его дама.

Я стою молча. Посыльный ушелъ. Вдругъ я вкладываю деньги обратно въ конвертъ, комкаю его, насколько возможно, поворачиваюсь, направляюсь къ хозяйкѣ, которая все еще слѣдитъ за мной, стоя у воротъ, и швыряю ей смятую бумажку прямо въ лицо. Я ничего не сказалъ, не произнесъ ни одного звука, но, уходя, я замѣтилъ, что она тщательно разгладила конвертъ и осмотрѣла его содержимое...

Хе-хе, вотъ это называется выйти съ честью изъ положенія! Ничего не говорить, не вступать ни въ какія объясненія, но совершенно спокойно скомкать крупную бумажку и швырнуть ее прямо въ лицо своимъ преслъдователямъ. Это называется поступить съ достоинствомъ! Такъ надо обращаться съ подобными скотами...

На углу Томтегаде и желѣзнодорожной площади улица вдругъ заходила у меня передъ глазами, въ головѣ у меня зашумѣло, я зашатался и упалъ бы, если бы не наткнулся на стѣну дома. Я не могъ двинуться съ мѣста, не могъ

даже выпрямиться: прислонившись къ стънъ, я такъ и остался въ такомъ положеніи. Я чувствовалъ, что теряю сознаніе. Мое безумное бъщенство только еще усилилось отъ этого приступа слабости, и я поднялъ ногу и сталъ топать о землю. Я дълалъ разныя другія вещи для того, чтобы придти въ себя, стискивалъ зубы, хмурилъ брови, отчаянно вращалъ глазами: все это оказало свое дъйствіе. Мысль моя прояснилась, я поняль, что я близокъ къ концу. Я протянулъ руки и отодвинулся отъ ствны; улица все еще колебалась передъ моими глазами. Отъ ярости у меня начапась икота. Я изо всѣхъ силъ боролся со своей слабостью и мужественно старался удержаться на ногахъ; я ни за что не хотъль упасть, я хотъль умереть, стоя. Мимо меня медленно проъзжаетъ телъжка, и я вижу, что въ ней картофель, но изъ злобы, изъ упрямства мнф приходитъ въ голову сказать, что въ ней не картофель, а капуста; я божусь и клянусь, что это капуста. Я хорошо слышалъ свои собственныя слова, и я сознательно повторяль ихъ только для того, чтобы доставить себъ непонятное, бользненное удовольствіе сознаніемъ, что я далъ ложную клятву. Я упивался собственной преступностью, подымалъ кверху три пальца и дрожащими губами клялся во имя Отца и Сына и св. Духа, что это капуста.

Время шло. Опустившись на ступеньки крыльца, около котораго я стоялъ, я сталъ вытирать со лба и шеи потъ, вдыхалъ въ себя глубоко воздухъ и заставилъ себя быть спокойнъе. Солнце спускалось, день клонился къ вечеру. Я снова принялся думать о своемъ положеніи; голодъ мучилъ меня немилосердно, а черезъ нъсколько часовъ наступитъ ночь; необходимо найти выходъ, пока еще не поздно. Мысли мои опять вернулись къ дому, изъ котораго я только что былъ изгнанъ; я вовсе не имълъ намъренія вернуться туда, но не могъ заставить себя не думать о немъ. Въ сущности, хозяйка была совершенно права, что выгнала меня. Какое

основаніе у меня было ожидать, что мнѣ разрѣшать жить въ домѣ, когда я не въ состояніи платить! А она, сверхъ того, еще кормила меня по временамъ; не далѣе, какъ вчера, послѣ того, какъ я довелъ ее до раздраженія, она еще предложила мнѣ два бутерброда, отъ одной только доброты души предложила мнѣ два бутерброда, потому-что знала, какъ я ихъ жажду. У меня, слѣдовательно, не было ровно никакого основанія жаловаться, и, сидя на ступенькахъ крыльца, я въ глубинѣ души сталъ просить и молить ее о прощеніи за свое поведеніе. Больше всего я жалѣлъ о томъ, что подъ конецъ я выказалъ себя такимъ неблагодарнымъ по отношенію къ ней и швырнулъ ей десятикронную бумажку въ лицо...

Десять кронъ! Я вдругъ свиснулъ. Письмо, которое принесъ мнѣ посыльный, - кто могъ мнѣ его послать? Лишь въ эту минуту мысль моя опредъленно остановилась на этомъ, и мнъ сразу стало ясно, въ чемъ дъло. Я не зналъ, куда дъваться отъ боли и стыда, и, качая головой, я нъсколько разъ хриплымъ голосомъ прошепталъ: Илаяли! Не я ли самъ не далъе, какъ вчера, ръшилъ, при встръчъ съ ней, гордо пройти мимо и выказать ей величайшее равнодушіе? И вмѣсто этого я только вызвалъ въ ней состраданіе къ себъ и побудилъ ее послать мнъ милостыню. Нътъ, нътъ, нътъ, конца нътъ моимъ униженіямъ! Даже по отношенію къ ней я не сумълъ сохранить своего достоинства; я падаю, падаю всюду, куда ни повернусь, падаю позорно и никогда больше не буду въ состояніи подняться, никогда! Я достигъ высшей степени униженія! Принять милостыню въ десять кронъ и не быть въ состояніи швырнуть ихъ обратно тайному подателю, при первомъ представившемся случаъ ухватиться объими руками за эти жалкіе эре и уплатить ими за квартиру, несмотря на все свое внутреннее отвращеніе къ этому...

Но нельзя ли какъ-нибудь получить эти десять кронъ

обратно? Вернуться къ хозяйкѣ и потребовать отъ нея обратно деньги было бы безполезно; долженъ же найтись какойнибудь другой выходъ, если только хорошенько подумать, если основательно пораскинуть мозгами и постараться хорошенько подумать. Видитъ Богъ, здѣсь недостаточно думать самымъ обыкновеннымъ образомъ, я долженъ пустить въ ходъ всѣ свои мыслительныя способности, чтобы раздобыть эти десять кронъ. И я принялся думать.

Было, должно быть, около четырехъ часовъ, часа черезъ два-три я могь бы, пожалуй, застать директора театра, если только успъть къ тому времени кончить драму. Я выгаскиваю свою рукопись и хочу во что бы то ни стало дописать послъднія три-четыре сцены; я напрягаю свой мозгъ, меня бросаетъ въ потъ отъ усилій, я перечитываю все съ начала, и все-таки не двигаюсь съ мъста. Только безъ глупостей! говорю я себъ, безъ упрямства! И я принимаюсь писать безъ разбора все, что ни приходитъ въ голову, лишь бы не стоять на мъстъ, итти впередъ и поскоръе дойти до конца. Я хотълъ внушить самому себъ, что на меня нашла одна изъ моихъ счастливыхъ минутъ, я явно обманывалъ самого себя и писалъ, не останавливаясь, словно слова у меня были на готовъ и мнъ не приходилось ихъ искать. Вотъ это хорошо! это прямо таки находка! шепталъ я отъ времени до времени; это надо непремѣнно написать!

Но, въ концѣ концовъ, мои послѣднія реплики стали мнѣ казаться нѣсколько подозрительными; онѣ такъ рѣзко отличались отъ репликъ первыхъ сценъ, да кромѣ того, въ словахъ монаха совершенно не чувствовалось средневѣковаго настроенія. Я кусаю зубами карандашъ, вскакиваю и начинаю рвать свою рукопись, рву каждый листъ на куски, наконецъ, кидаю свою шляпу на землю и топчу ее ногами. Я погибъ! шепчу я про себя; милостивыя государыни и милостивые государи, я погибъ! И, стоя посреди тротуара и продолжая топтать ногами свою шляпу, я все повторяю эти слова.

Въ нъсколькихъ шагахъ отъ меня стоитъ полицейскій и наблюдаетъ за мною; онъ стоитъ посреди улицы и смотритъ только на меня. Когда я подымаю голову, взгляды наши встръчаются; онъ, быть можетъ, давно уже стоитъ здъсь и наблюдаетъ за мною. Я поднимаю свою шляпу, надъваю ее и подхожу къ городовому.

- Не знаете ли вы, который теперь часъ? говорю я. Онъ немного медлитъ, затъмъ достаетъ часы, все время не выпуская меня изъ виду.
 - Около четырехъ, отвъчаетъ онъ.
- Правильно!—говорю я;—около четырехъ. Совершенно върно! Вы, я вижу, знаете свое дъло, я буду о васъ помнить.

Съ этимъ я его оставилъ. Онъ былъ въ высшей степени изумленъ моей выходкой и, разинувъ ротъ, смотрълъ мнъ вслъдъ, продолжая держать часы въ рукахъ. Дойдя до угла, я остановился и оглянулся: онъ все еще стоялъ въ той же позъ и не сводилъ съ меня глазъ.

Хе-хе, такъ надо обращаться со скотами! Чѣмъ нахальнѣе, тѣмъ лучше! Это импонируетъ подобнымъ скотамъ, это внушаетъ имъ страхъ... Я былъ необыкновенно доволенъ собою и снова принялся напѣвать. Возбужденный, не ощущая ни малѣйшей боли, ни какого бы то ни было недомоганія, чувствуя себя легко, какъ перышко, я прошелъ черезъ всю площадь, повернулъ къ рынку и опустился на скамью у церкви Спасителя.

Не все ли равно, въ концѣ концовъ, отошлю ли я обратно эти десять кронъ или нѣть? Разъ, что я ихъ получилъ, значитъ, онѣ мои, а тамъ, откуда ихъ прислали, онѣ навѣрное не нужны. Долженъ же я былъ ихъ принять, разъ онѣ были посланы именно мнѣ; не имѣло вѣдь ровно никакого смысла оставлять ихъ посыльному. Столько же смысла было бы, если бы я отослалъ другую десятикронную ассигнацію вмѣсто той, которую я получилъ. Слѣдовательно, ничего больше нельзя подѣлать.

Я попробовалъ сосредоточить свое внимание на движении на площади вокругъ меня и обратить свои мысли на безразличные предметы; но мнъ это плохо удавалось, и изъ головы у меня не выходили десять кронъ. Въ концъ концовъ, я сжалъ кулаки и пришелъ въ бъщенство. Она будетъ огорчена, сказалъ я себъ, если я отошлю ей деньги обратно; для чего же мнъ это дълать? И въчно-то я все считаю ниже своего достоинства, высокомфрно качаю головой и говорю: нътъ, благодарю покорно! Теперь я убъдился, къ чему это ведетъ; я снова выброшенъ на улицу. Даже, когда всъ обстоятельства мнъ благопріятствовали, я не сумълъ сохранить своей славной, теплой квартиры: во мнъ вдругъ говоритъ гордость, я вскакиваю съ мъста при первомъ же словъ, швыряю направо и налъво десятикронныя ассигнаціи и ухожу... И я прочиталъ себъ ръзкую нотацію за то, что я оставилъ свою квартиру и поставилъ себя опять въ безвыходное положение.

А, впрочемъ, къ чорту все! Я не просилъ этихъ десяти кронъ, онѣ даже почти что и не были въ моихъ рукахъ, я сейчасъ же отдалъ ихъ, уплатилъ совершенно чужимъ людямъ, которыхъ я никогда больше и не увижу. Вотъ я каковъ, плачу всегда все, до послѣдняго гроша. Насколько я знаю Илаяли, она отнюдь не раскаивается, что послала мнѣ эти деньги; такъ чего же я тутъ сижу и мучаюсь? Самое меньшее, что она можетъ сдѣлать для меня, это отъ времени до времени посылать мнѣ десять кронъ. Бѣдняжка вѣдь влюблена въ меня, хе-хе, можетъ быть, даже смертельно влюблена въ меня... И я сидѣлъ и восторгался этой мыслью. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что она влюблена въ меня, бѣдняжка...

Часы пробили пять. Мое продолжительное нервное возбужденіе смѣнилось полнымъ безсиліемъ, и я снова почувствоваль въ головѣ непріятную пустоту и шумъ. Я смотрѣлъ прямо передъ собою, широко раскрытые, застывшіе глаза

мои были устремлены на Слоновую аптеку. Голодъ снова началъ терзать меня, и я сильно страдалъ. Покуда я такъ сижу и смотрю въ пространство, передъ взоромъ моимъ все яснъе и яснъе обрисовывается фигура, которую я, въ концъ концовъ, различаю совершенно ясно и узнаю: это пирожница, торгующая у Слоновой аптеки.

Я вздрагиваю, приподымаюсь на скамь в и начинаю соображать. Да, сомнвнія нізть, это та же женщина, у того же лотка, на томъ же мізстів.

Я свиснулъ нѣсколько разъ, щелкнулъ пальцами, всталъ со скамьи, медленно сталъ подвигаться по направленію къ аптекѣ. Только безъ глупостей! Я вовсе не желаю быть смѣшнымъ, вѣдь этакъ и умрешь, въ концѣ концовъ, отъ чрезмѣрнаго высокомѣрія...

Я приближаюсь къ углу и, остановившись передъ женщиной, устремляю на нее упорный взглядъ. Я улыбаюсь, киваю ей головой, какъ знакомой, и заговариваю съ ней такъ, какъ будто не могло быть сомнѣнія, что я рано или поздно вернусь.

- Здравствуйте! говорю я. Вы, можетъ быть, не узнаете меня?
 - Нътъ, отвъчаетъ она медленно, глядя на меня.

Я улыбаюсь еще больше, дълая видъ, будто это не болье, какъ милая шутка съ ея стороны, и говорю:

- Вы развъ не помните, какъ я вамъ однажды далъ цълую кучу кронъ? Я тогда ничего не сказалъ, насколько я помню, я обыкновенно такъ поступаю въ подобныхъ случаяхъ. Когда имъешь дъло съ честными людьми, то нътъ никакой необходимости выговаривать и, такъ сказать, закръплять контрактомъ каждую мелочь. Хе-хе, да, это я далъ вамъ эти деньги.
- Такъ это были вы? Да, теперь, когда я начинаю припоминать, я васъ узнаю...

Я боюсь, чтобы она не вздумала благодарить меня за

деньги, и, чтобы предупредить се, я быстро говорю, въ то же время окидывая взглядомъ разложенные на лоткъ товары.

— Да, а теперь я пришелъ за пирожными.

Этого она не понимаетъ.

- За пирожными, повторяю я, я пришелъ, чтобы получить пирожныя. По крайней мъръ, часть, такъ сказать, первый взносъ. Я не стою на томъ, чтобы непремънно сегодня получить все.
 - Вы пришли за пирожными? спрашиваетъ она.
- Ну, да, я пришелъ за пирожными, само собой, отвъчаю я и громко смъюсь, какъ будто для нея должне было быть ясно съ первой минуты, что я пришелъ именно для того, чтобы получить ихъ. Въ то же время я беру съ лотка одно пирожное и начинаю его ъсть.

Увидя это, женщина подымается, дѣлаетъ инстинктивное движеніе, словно желая защитить руками свой товаръ, и даетъ мнѣ понять, что она вовсе не ожидала, что я вернусь обратно для того, чтобы ограбить ее.

Нѣтъ? спрашиваю я. Вотъ какъ, она меня не ждала? Но она, право, препотѣшная женщина! Развѣ ей случалось уже, чтобы ей давали на храненіе кучу кронъ и не требовали ихъ потомъ обратно? Нѣтъ, каково! Ужъ не думаетъ ли она, что это краденыя деньги, только потому, что я такимъ образомъ бросилъ ихъ ей? Ну, этого она, надѣюсь, не думаетъ; это съ ея стороны очень хорошо, дѣйствительно хорошо! Это, если я могу такъ выразиться, чрезвычайно мило съ ея стороны, что она все-таки считаетъ меня честнымъ человѣкомъ. Ха-ха! Нѣтъ, это, право, препотѣшно!

Но зачѣмъ же я въ такомъ случаѣ далъ ей эти деньги? Она была очень озлоблена и говорила громко.

Я объясниль ей, зачёмъ я ей даль эти деньги, объясниль ей это тихимъ, но выразительнымъ голосомъ: это у меня привычка поступать такимъ образомъ, потому что я вёрю всёмъ людямъ. Всякій разъ, когда мнё предлагаютъ контрактъ,

расписку, какое-нибудь удостовъреніе, я качаю головой и говорю: нътъ, благодарю. Видитъ Богъ, что я именно такъ поступаю.

Но женщина все еще не могла этого понять.

Мнѣ пришлось прибѣгнуть къ другому пріему; я заговориль рѣзко и потребовалъ отъ нея, чтобы она оставила эти глупости. Развѣ ей никогда не случалось, чтобы другіе платили ей такимъ образомъ впередъ? спросилъ я. Я, конечно, имѣю въ виду людей со средствами, какого-нибудь консула, напримѣръ? Никогда? Да, ну, это не моя вина, что подобный образъ дѣйствій ей совершенно незнакомъ. За границей всюду такъ принято. Но она, можетъ быть, никогда не выѣзжала за предѣлы своего отечества? Нѣтъ? ну, вотъ видите! Значитъ, она и не можетъ имѣть своего мнѣнія объ этомъ... И я взялъ еще нѣсколько пирожныхъ съ лотка.

Она сердито ворчала, упорно защищая свой товаръ отъ моихъ посягательствъ, даже вырвала у меня изъ рукъ одно пирожное и положила его на мѣсто. Я разсердился, ударилъ кулакомъ по столу и пригрозилъ ей полиціей. Я хочу быть великодушнымъ, сказалъ я; если бы я вздумалъ взять все, что мнѣ слѣдуетъ, то я бы разорилъ всю ея лавчонку, потому что вѣдь не малую сумму денегъ я ей передалъ въ свое время. Но я вовсе не имѣю намѣренія брать все, я хочу удовольствоваться половиной. И кромѣ того, я больше не стану приходить къ ней. Избави меня Богъ отъ этого послѣ того, какъ я убѣдился, что она за человѣкъ...

Наконецъ, она отсчитала нѣсколько пирожныхъ по чудовищной цѣнѣ; передавая мнѣ эти пять-шесть штукъ, которыя она не постѣснялась оцѣнить такъ неимовѣрно высоко, она умоляла меня взять ихъ и уйти съ Богомъ. Я еще продолжалъ спорить съ нею, увѣрялъ ее, что она меня обсчитала, по крайней мѣрѣ, на крону и, кромѣ того, высасываетъ изъменя послѣднее своими неслыханными цѣнами. Знаете ли вы, что за такое мошенничество полагается штрафъ? сказалъ

я. Помилуй васъ Богъ, вѣдь вы могли бы на всю жизнь попасть на каторгу! Она швырнула мнѣ еще одно пирожное и, чуть не скрежеща зубами отъ бѣшенства, крикнула мнѣ, чтобы я уходилъ...

И я ушелъ.

Хе-хе! такой недобросовъстной женщины мить еще не приходилось видъть! Идя по площади и жуя свои пирожныя, я все время говорилъ вслухъ объ этой женщинъ и ея нахальствъ, повторялъ самому себъ все, что мы оба сказали другъ другу,—все это съ полнымъ сознаніемъ своего превосходства. На глазахъ у всъхъ прохожихъ я тъ свои пирожныя и громко говорилъ объ этомъ.

Пирожныя исчезали одно за другимъ; но, сколько я ни ълъ, ничего не помогало, я былъ безгранично голоденъ. Боже мой, неужели же это не поможетъ! Жадность моя была такъ велика, что я едва не уничтожилъ послѣднее пирожное, которое я съ самаго начала решилъ оставить, припрятать для маленькаго мальчика изъ Вогнмандсгаде, игравшаго бумажными полосками. Я все время думалъ о немъ, я не могъ забыть его лица, когда онъ вскочилъ и сталъ ругаться. Онъ обернулся на мое окно, когда человъкъ плюнулъ на него, чтобы посмотръть, не смъюсь ли и я надъ нимъ. Богъ знаетъ, застану ли я его еще, когда приду туда! Я торопился, какъ только могъ, чтобы придти поскорфе на Вогнмандсгаде, прошелъ мимо того мъста, гдъ я разорвалъ свою драму и гдъ еще валялись куски бумаги, обошелъ полицейскаго, котораго я такъ удивилъ своей выходкой, и, наконецъ, остановился у лъстницы, гдъ мальчикъ игралъ днемъ.

Его тамъ не было. Улица была почти совершенно пуста. Начинало темнѣть, и мальчика нигдѣ не было видно; можетъ быть, онъ вошелъ въ домъ. Я осторожно положилъ пирожное у самой двери, сильно стукнулъ въ дверь кулакомъ и сейчасъ же убѣжалъ. Онъ его найдетъ! говорилъ я самому себѣ; первое, что онъ увидитъ, открывъ дверь, будетъ пирож-

ное! И на глаза мнѣ навернулись слезы при мысли, что мальчикъ найдетъ это пирожное.

Я снова спустился къ желѣзнодорожной набережной.

Я больше не чувствоваль голода, но вся эта сладкая пища, которую я проглотиль, начинала вызывать во мнѣ тошноту. Въ головѣ моей опять закружились самыя дикія мысли: Что, если бы я потихонечку перерѣзалъ канаты на одномъ изъ этихъ судовъ? А что, если я вдругъ начну кричать "пожаръ"? Я спускаюсь ближе къ пристани, отыскиваю себѣ ящикъ и сажусь на него; я сижу, сложивъ руки, и чувствую, какъ мысли мои все больше и больше перепутываются. Но я не двигаюсь, не дѣлаю больше ни малѣйшихъ усилій притти въ себя.

Я сижу и машинально устремляю взглядъ на "Соре́дого", судно съ русскимъ флагомъ. На мостикъ стоитъ какой-то человъкъ; красные фонари на бакбортъ освъщаютъ его голову. Я подымаюсь и заговариваю съ нимъ. Я заговорилъ безъ всякаго намъренія, да и не ждалъ никакого отвъта отъ него. Я сказалъ:

- Вы отчаливаете еще сегодня, капитанъ?
- Да, скоро, отвътилъ человъкъ. Онъ говорилъ пошведски.
 - Гмъ! Вамъ не нуженъ ли еще человѣкъ?

Мнѣ въ эту минуту было все равно, получу ли я отрицательный отвѣтъ, или нѣтъ; мнѣ было совершенно безразлично, что онъ мнѣ скажетъ. Я стоялъ и смотрѣлъ на него.

— О, нътъ! — отвътилъ онъ. — Развъ юнга.

Юнга? Я вздрогнулъ, снялъ очки и спряталъ ихъ въ карманъ; затъмъ я спустился къ мосткамъ и взошелъ на палубу.

- У меня нѣтъ большой опытности, но я могу дѣлать все, что понадобится. Куда вы держите путь?
- Мы идемъ съ товаромъ въ Лидсъ, а тамъ возьмемъ уголь для Кадикса.

— Ладно!—сказалъ я.—Мнѣ совершенно все равно, куда ни итти. Я свое дѣло буду дѣлать.

Съ минуту онъ смотрълъ на меня и обдумывалъ мое предложеніе.

- Ты никогда раньше не вздилъ? спросилъ онъ.
- Нътъ. Но, какъ я вамъ уже сказалъ, дайте мнъ какую угодно работу, я все буду дълать. Я привыкъ ко всему.

Онъ опять сталъ думать. У меня, между тѣмъ, засѣла въ головѣ мысль, что я непремѣнно долженъ поѣхать вмѣстѣ съ нимъ, и я сталъ бояться, чтобы не пришлось вернуться на берегъ.

- Ну, что вы скажете на это, капитанъ? —спросилъ я. Я, въ самомъ дѣлѣ, могу дѣлать все, что нужно. Да что я говорю! Я былъ бы послѣднимъ лѣнтяемъ, если бы не дѣлалъ больше того, что мнѣ дадутъ. Я могу, если нужно, выдержать двѣ вахты подъ рядъ. Это мнѣ ни по чемъ, я прекрасно могу это выдержать.
- Да, да, мы можемъ попробовать, —сказалъ онъ. —Если дъло не пойдетъ на ладъ, мы можемъ разстаться въ Англіи.
- Конечно!—отвътилъ я внъ себя отъ радости. И я повторилъ еще разъ, что мы можемъ въдь разстаться въ Англіи, если дъло не пойдетъ на ладъ.

Онъ указалъ мнѣ мою работу...

Когда мы вышли въ фіордъ, я поднялся на палубу, весь въ поту отъ лихорадки и усталости, посмотрѣлъ въ послѣдній разъ на берегъ и послалъ свой послѣдній привѣтъ Христіаніи, сказалъ послѣднее "прости" этому городу, во всѣхъ домахъ котораго окна сіяли вечерними огнями.

изд. «шиповникъ». спб., Б. конюшенная, 17.

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ АЛЬМАНАХИ

книга первая.

А СЕРАФИМОВИЧЪ. У ОБРЫВА. — А. КУПРИНЪ. БРЕДЪ. — С. СЕРГЪЕВЪ-ЦЕНСКІЙ, ПЪСНАЯ ТОПЬ. — Н. ГАРИНЪ. КОГДА-ТО... — БОР. ЗАЙЦЕВЪ, ПОЛКОВНИКЪ РОЗОВЪ, В. БРЮСОВЪ. ГОРОДЪ (стихотворенів).

М. ДОБУЖИНСКІЙ, ГОРОДЪ, БУДНИ, ПРАЗДНИКЪ (РИСУНКИ), П. БАКСТЪ. УЛИЦА. (РИСУНОКЪ), Н. РЕРИХЪ, ГОРОДЪ (РИСУНОКЪ), ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ, ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЪКА.

КНИГА ВТОРАЯ.

В. МУЙЖЕЛЬ, ПОКА...—А, КОЙРАНСКІЙ, ГОЛОДЪ, —И. ВУНИНЪ, У ИСТОКА ДНЕЙ. — БОР. ЗАЙЦЕВЪ, МАЙ.—ИВ. БУНИНЪ, ПЕТРОВЪ ДЕНЬ, ПРОВОДЫ, ГЕЙМДАЛЬ, АЛЕКСАНДРЪ ВЪ ЕГИПТЪ.— СЕРГ. ГОРОДЕЦКІЙ, РУСЬ, ВЕСНЯНКА.—АЛ, БЛОКЪ, Н. Н, ВОЛОХОВОЙ, ЛЕГЕНДА.—АЛЕКСАНДРЪ ВЕНУА. "СМЕРТЬ", 6 рис. СЕНТЪ ЖОРЖЪ ДЕ-БУЭЛЬЕ, КОРОЛЬ БЕЗЪ ВЪНЦА.

книга третья.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. ТЬМА. — ИВ. БУНИНЪ, АСТМА. — ВОР. ЗАЙЦЕВЪ, СЕСТРА. — А. КУПРИНЪ. ИЗУМРУДЪ. — А. СЕРАФИМОВИЧЪ. ПЕСКИ. — АЛ. БЛОКЪ. СТИХИ. Г. ЧУЛКОВЪ, ЗОЛОТАЯ НОЧЬ, СТИХИ. ӨЕДОРЪ СОЛОГУБЪ, ТВОРИМАЯ ЛЕГЕНДА. РОМАНЪ.

книга четвертая.

БОР, ЗАЙЦЕВЪ. АГРАФЕНА.— СЕМЕНЪ ЮШКЕВИЧЪ.
ПОХОЖДЕНІЯ ЛЕСНА ДРЕЯ.—
ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ. ИСПОЛНЕННОЕ ОВЪЩАНІЕ. ПОЭМА.—
АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ. КЛЕОПАТРА. ТЫ И Я. СТИХОТВОРЕНІЯ.—
ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. СМЕРТЬ ЧЕЛОВЪКА.

<u>,我们也不是有的,我们也是一个,我们也是一个,我们也是一个,我们也没有的,我们也没有的</u>

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ АЛЬМАНАХИ

КНИГА ПЯТАЯ.

ШАЛОМЪ АШЪ, САББАТАЙ ЦЕВИ.—К, БАЛЬМОНТЪ, ЛИТВА. С. СЕРГЪЕВЪ-ЦЕНСКІЙ, БЕРЕГОВОЕ.— ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. РАЗСКАЗЪ О СЕМИ ПОВЪШЕННЫХЪ

КНИГА ШЕСТАЯ.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. МОИ ЗАПИСКИ (повъсть). — К. БАЛЬМОНТЪ. І. РЕВНОСТЬ (разсказъ). ІІ, КРИКЪ ВЪ НОЧИ (разсказъ). — АНДРЕЙ БЪЛЫЙ. ГОЛОСА ВЪ ПОЛЯХЪ (стих.). — Н. МИНСКІЙ. ТРЕУГОЛЬНИКЪ (стих.). ВИДЪНІЕ (стих). — МОРИСЪ МЕТЕРЛИНКЪ. СИНЯЯ ПТИЦА.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. ЧЕРНЫЯ МАСКИ. — ПЕТРЪ НИЛУСЪ, НА БЕРЕГУ МОРЯ, — АНАТОЛЬ ФРАНСЪ. РАЗСКАЗЫ ЖАКА ТУРНЕБРОША, — ӨЕДОРЪ СОЛОГУБЪ. КАПЛИ КРОВИ. (РОМАНЪ),

КНИГА ВОСЬМАЯ.

ЛЕОНИДЪ СЕМЕНОВЪ, І, У ПОРОГА НЕИЗВЪЖНОСТИ. II. ЛИСТКИ. — М. РОЗЕНКНОПЪ, ГОРОДЪ. — А. ЧАПЫГИНЪ. І. ПРОЗРЪНІЕ. ІІ. ОБРАЗЪ. — О. МИРТОВЪ. КАШТАНЫ. ВЪРА ЯРОВАЯ. ТРИ КОМНАТЫ. — СЕРГЪЙ ГОРОДЕЦКІЙ. І. КРОТЫ, ІІ. ОСЫ. — ВЛ. ВОЛКЕНШТЕЙНЪ. ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

С. СЕРГЪЕВЪ-ЦЕНСКІЙ, ПЕЧАЛЬ ПОЛЕЙ, (повьсть). — БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ, СНЫ, — ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ, СЫНЪ ЧЕЛОВЪЧЕСКІЙ, — А. БЛОКЪ, ПЪСНЬ СУДЬБЫ, (піеса),

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

МОРИСЪ МЕТЕРЛИНКЪ. МАРІЯ МАГДАЛИНА (пер. съ рукописи).— ӨЕДОРЪ СОЛОГУБЪ. КОРОЛЕВА ОРТРУДА (третья часть романа "навьи чары"). П. ГИРШБЕЙНЪ. ОБРУЧЕНІЕ.

Ц, 1 р.

изд. «шиповникъ». спб., б. конюшенная, 17.

КНУТЪ ГАМСУНЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

въ двънадцати томахъ.

Съ портретомъ автора и критико-біографическимъ очеркомъ. Переводы исключительно съ норвежскаго.

при влижайшемъ участи:

К. Бальмонта, Ю. Балтрушайтиса и С. Полякова.

Томъ І. Духовная жизнь современной Америки.

- . II. Голодъ.
- " III. Мистеріи.
- . IV. Новь.
- V. Панъ. Сіеста.
- " VI. У вратъ царства. Драма жизни. Закатъ.
- " VII. Викторія. Въ сказочной странъ.
- " VIII. Редакторъ Люнге. Царица Тамара.
- IX. Поросль.
- Х. Мункенъ Вендтъ. Дикій хоръ.
- " XI. Мечтатель. Воинствующая жизнь.
- " XII. Подъ осенними звъздами.

Вышли: Томъ I. Духовная жизнь совр. Америки. Ц. 1 р. Томъ II. Голодъ. Ц. 1 р.

Томъ III. Мистеріи. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ V. Панъ. Перев. С. Полякова.—Сіеста. Пер. С. Полякова. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ VI. У вратъ царства. Пер. Ө. Комиссаржевскаго. — Драма жизни. Пер. С. Полякова. — Закатъ. Пер. С. Городецкаго. Ц 1 р. 25 к. Томъ VII. Содержаніе: Викторія, Пер. Ю. Балтрушайтиса. — Въ сказочной странъ. Пер. Ю. Балтрушайтиса. Ц. 1 р. 40 к. Томъ IX. Поросль. Пер. К. Д. Бальмонта. Ц. 1 р.

Томъ XI, Мечтатель. Воинствующая жизнь. Пер. К. Д. Бальмонта. Ц. 1 р. 25 к.

A CONTROL OF THE PROPERTY OF T

"Съверные сборники"

КНИГА ПЕРВАЯ.

(2-ое изданіе).

Іенсъ Петеръ Якобсенъ. Могенсъ (пер. А. Острогорскій). Пусть розы здѣсь цвѣтутъ (пер. А. Блока). — Зельма Лагерлёфъ. Семь смертныхъ грѣховъ (пер. С. Городецкаго). — Авгуетъ Стриндбергъ. Преступникъ (пер. С. Городецкаго). — Германъ Бангъ. Четыре бѣса. Ея Высочество (пер. Өедора Сологуба). — Оскаръ Левертинъ. Зельма Пагерлёфъ (статья). — Теодоръ Вольфъ. Іенсъ Петеръ Якобсенъ (статья).

Цъна книги 1 рубль.

КНИГА ВТОРАЯ и ТРЕТЬЯ.

А. Купринъ. О Кнутъ Гамсунъ. Кнутъ Гамсунъ. Мистеріи. Пер. А. Острогорскій. Ола Гансонъ. Sensitiva amorosa. Пер. Ю. Балтрушайтиса. Цъна 1 р. 50 коп.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Іенсъ Петеръ Якобсенъ. Нильсъ Люне. Романъ. Пер. С. Городецкаго. Гаральдъ Геффдингъ. Потомокъ Гамлета (статья о Киркегоръ). Серенъ Киркегоръ. І. Несчастнъйшій. Ії. Афоризмы. Пер. Ю. Балтрушайтиса. Цъна 1 р. 20 к.

КНИГА ПЯТАЯ.

І. Альмивистъ. Мельница въ Шельнурѣ. Августъ Стриндбергъ. І. Высшая цѣль. ІІ. Сказка о Сенъ Готардѣ. ІІІ. Полълиста бумаги. IV. Соната призраковъ. Я. Седербергъ. І. По теченію. ІІ. Мелкій дождь. ІІІ. Сатана, маіоръ и придворный проповѣдникъ. IV. Воздаяніе за грѣхъ. V. Бездомная собака. VI. Тѣнь. Пер. Ю. Балтрушайтиса. Цѣна 1 рубль.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Пъснь Сигурды. Отрывокъ изъ Эдды. Гуннаръ Гейбергъ. Балконъ. Его же. Трагедія любви. Іонасъ Ли. Черная птица. Петеръ Нансенъ. Освъщенное окно. Амалія Скрамъ. Лъто. Ея же. Страна Майка. Дътство и юность Ибсена (по Ісгеру). Ц. 1 р. 10 к.

.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ГАБРІЭЛЯ Д'АННУНЦІО

въ пер. Ю. Балтрушайтиса, Валерія Брюсова, М. Ватсонъ, Зин. Венгеровой, Вяч. Иванова, Конст. Эрберга и др.

- Томъ I. Джованне Эпископо. Сонъ въ весеннее утро. Сонъ осенняго заката.
 - II. Невинная жертва.
 - " III. Разсказы изъ Пескары.
 - " IV. Наслажденіе.
 - " У. Торжество смерти.
 - ... VI. Дѣвы горъ.
 - VII. Джіоконда, Мертвый городъ. Слава.
 - " VIII. Пламя.
 - " IX. Франческа да-Римини.
 - " Х. Корабль. Сильнъе любви.
 - " XI. Безумная мать, Огонь подъ спудомъ.
 - " XII. Поэмы и стихи.

Вышелъ томъ III. Разсказы изъ Пескары. Пер. Зин. Венгеровой. Ц. 1 р. 25 к.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Д. Г. УЭЛЛСА

въ 9 томахъ, подъ редакціей В. Г. ТАНА, съ портретомъ и предисловіемъ автора къ русскому изданію и вступительной статьей В. Г. ТАНА.

Переводы исключительно съ оригинала Н. А. Морозова, В. Г. Тана, К. Чуковскаго и др.

Томъ І. Странные разсказы.

- II. Когда спящій проснется.
- " III. Грядущіе дни. Машина времени.
- " IV. Пища боговъ.
- " V. Борьба міровъ.
- " VI. Дни кометы.
- " VII. Первые люди на лунъ.
- " VIII. Невидимка. Островъ д-ра Моро.
- IX. Предвкушенія.

Вышелъ томъ I. Содержаніе: Біографія и вступ. статья. Странные разсказы. Пер. В. Г. Тана и К. Чуковскаго.

Томъ II. Когда спящій проснется. Пер. Ек. Прейсъ, подъ ред. В. Г. Тана. Цѣна 1 р. 25 к. Томъ III. Грядущіе дни. Пер. В. Г. Тана. Машина времени. Пер. Н. А. Морозова. Цѣна 1 р. 25 к.